

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2014

4 (22)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2014

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2014

4 (22)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2014.
150 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 номера в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2014

Редационный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Лухто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвил*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нурев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., декан факультета географии и геоэкологии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, зав. кафедрой географии, природопользования и пространственного развития БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., декан факультета международных отношений РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия).

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIC REGION

2014

4 (22)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2014

BALTIC
REGION
2014
4 (22)

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2014.
150 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskay str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2014

Editorial council

Prof. *Andrei Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. Prof. *Vladimir Baranovsky*, deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Aleksander Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Melville*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Rustem Nureev*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University — Higher School of Economics, Russia.

Editorial board

Prof. *Gennady Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai Kaledin*, dean of the Faculty of Geography and Geology, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur Gareev*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovative Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Mikhail Ilyin*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Elke Knappe*, Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany; Prof. *Vladimir Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Yuri Kosov*, dean of the Faculty of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Gennady Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Nikolai Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei Shastitko*, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Moscow State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri Zverev*, head of the Department of Geography, Environmental Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

- Колосов В.А., Вендина О.И.* Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды..... 7
- Кретинин Г.В., Миронюк Д.А.* Местное приграничное передвижение как форма либерализации визового режима и развития территории..... 30
- Смирнов В.А.* К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики)..... 48

Экономика и туризм

- Махновский Д.Е.* Приморские регионы Европы: развитие экономики на рубеже XX и XXI веков 59
- Болычев О.Н.* Понятие «сеть» в системе базовых понятий региональных экономгеографических исследований..... 79
- Кропинова Е.Г.* Архитектурные ландшафты Калининграда как объекты притяжения городского туризма 94

История

- Ступин Ю.А.* Эволюция ареала расселения финнов-ингерманландцев на территории Северо-Запада России во второй половине XX века..... 110
- Мегем М.Е., Вакар М.* Дореволюционная и советская историография средневековой Литвы в трудах современных российских историков 126

Рецензии

- Воронов В.В.* Академическая наука о междисциплинарном подходе к анализу и оценке пространственного развития России 137
- Межевич Н.М.* Европа без России и без «Восточного партнерства»..... 145

CONTENTS

International Relations

- Kolosov V., Vendina O.* The Youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: Geopolitical Vision of the World, Identity and Images of the Other 7
- Kretinin G., Mironyuk D.* Local Border Traffic as a Form of Visa Liberalisation and Territorial Development 30
- Smirnov V.* The Role of Small Countries in Post-Soviet Territorial Restructuring: the Baltic Case 48

Economy and Tourism

- Makhnovsky D.* The Coastal Regions of Europe: Economic Development at the Turn of the 20th Century 59
- Bolychev O.* The concept of “network” in the system of basic concepts of regional economic geography..... 79
- Kropinova E., Kropinova K.* Kaliningrad Architectural Landscape as a Tourist Attraction 94

History

- Stupin Yu.* The Evolution of Settlement Areas of Ingrian Finns in Northwest Russia in the Second Half of the 20th Century 110
- Megem M., Wakar M.* The Works of Modern Russian Historians and the Historiography of Medieval Lithuania before and after the Red October 126

Reviews

- Voronov V.* Academic Science on the Interdisciplinary Approach to the Analysis and Evaluation of Russian Spatial Development 137
- Mezhevich N.* Europe without Russia and the Eastern 145

УДК 316.4

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗЫ ДРУГ ДРУГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДА, ГДАНЬСКА И КЛАЙПЕДЫ

В. А. Колосов*
О. И. Вендина*

Работа основывается на сопоставлении анализа федерального дискурса о проблеме эксклавного положения Калининградской области в 1994—2012 гг. по материалам скрининга «Независимой газеты» с результатами опроса студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта, Гданьского и Клайпедского университетов, проведенного по сходной анкете. Студентов этих университетов объединяет латентная неудовлетворенность перспективами трудоустройства, выражающаяся в декларируемом намерении эмигрировать. Ориентация молодых калининградцев, как и их сверстников из Гданьска и Клайпеды, на преимущественные связи с Европой труднореализуема из-за неопределенности перспектив всего комплекса отношений между Российской Федерацией и Европейским союзом. Молодежь Гданьска и Клайпеды воспроизводит застарелые стереотипы общественного мнения, и их интерес к Калининградской области ограничен. Тем не менее, как показывает опыт других стран, введение малого приграничного движения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши в принципе может улучшить представления жителей указанных государств друг о друге.

Терпеливая многолетняя работа по диверсификации взаимодействий, продвижению положительного имиджа Калининграда в соседних регионах Польши может принести плоды. Наряду с мерами по укреплению экономической базы региона увеличение символического капитала Калининграда необходимо и для гармоничного развития идентичности самих калининградцев.

---

*Институт географии РАН
119017, Россия, Москва,
Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 18.08.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-1

© Колосов В. А., Ведин О. И., 2014

Ключевые слова: Калининградская область, геополитическое видение мира

Калининградская область и ее эксклавный статус — объект пристального внимания многих исследователей, представляющих разные страны и области знания. Несмотря на это, перспективы взаимодействия области с соседними воеводствами Польши и уездами Литвы, составлявших некогда интегрированное социально-экономическое, а нередко и политическое пространство, остаются по-прежнему не вполне ясными. Они определяются не только материальными факторами — развитием сетевых функциональных связей, лежащих в основе процессов регионализации, но и доминирующим политическим дискурсом в соседних странах, а также социальными представлениями о внешнеполитических и экономических приоритетах, образами партнеров в массовом сознании. Возникает вопрос, насколько общественное мнение разделяет официальную риторику и одобряет государственную политику адаптации области к ее эксклавному положению, какие индивидуальные стратегии вырабатывают ее жители в этих условиях, насколько они влияют на их отношение к соседям и в целом на восприятие места своего региона в Балтийском регионе, стране, Европе и мире.

В работах по исследованию границ (*border studies*) хорошо видно, что любая формальная линия разграничения — между государствами, провинциями и даже муниципалитетами — это сложный и постоянно эволюционирующий социальный конструкт, который должен рассматриваться в разных масштабах — от глобального и макрорегионального до локального (см., например, [22; 25; 31]). В восприятии людей «масштаб» границы может меняться, в том числе в зависимости от их повседневной деятельности и потребностей. Она может представлять как местный феномен, «священный рубеж родины» или разграничительная линия между «цивилизациями», «драматизирующая» различия идентичностей по обе его стороны, как ось трансграничного пространства либо в разных пропорциях и то и другое [28]. В классическом исследовании долины Чердания на рубеже между французской и испанской частями Каталонии американский историк П. Салинс показал, как политические и экономические интересы ее жителей влияли на их лояльность к соседним государствам [29]. В свою очередь, восприятие границы, соседнего региона и страны — важный фактор, определяющий интенсивность трансграничных потоков и успех приграничного сотрудничества [21]. Приграничный регион — это территория, в пределах которой идентичность местных жителей может при определенных условиях трансформироваться особенно быстро и в которой государство подчас вынуждено предпринимать особые усилия в борьбе за лояльность своих граждан [13; 30].

В изучении этих проблем действенна критическая геополитика, сочетающая географические, социологические, политологические и иные методы, функциональный и конструктивистский подходы [11; 27; 24]. Основная задача при этом — сопоставление политического дискурса с представлениями граждан и «объективными» показателями состояния и взаимодействия разных территорий. Ключевое понятие критической геополитики — *геополитическое видение мира*, под которым понимается набор общественных представлений о соотношении между различными элемен-

тами политического пространства, национальной безопасности и угрозах ей, выгодах и потерях определенной внешнеполитической стратегии. Позиционирование страны или ее части в мире, по отношению к ближним и дальним соседям, самоотождествление с определенным регионом мира, страной, городом — важнейшая часть идентичности. Отвечая на вопрос «Где, в какой стране, в каком регионе мира я живу?», человек неизбежно отвечает и на вопрос «Кто я, каковы мои ценности и идеалы?» Самоотождествление с определенным регионом мира — вопрос не столько географических знаний, сколько культурных и политических ценностей [26]. Большинство стран относится одновременно к разным территориальным и культурным общностям. Так, Россия может рассматриваться как северная, тихоокеанская, черноморская и балтийская страна.

Логично предположить, что в такой обширной стране, как Россия, геополитическое видение мира могут существенно отличаться от района к району: в Калининграде, например, взгляды граждан на зарубежный мир могут быть не такими, как в Москве или на Дальнем Востоке. Они, в частности, зависят от личного опыта поездок за рубеж. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что такие различия действительно существуют, но пока они не очень значительны, во всяком случае слабее различий между крупными городами и остальной территорией [26].

Задача настоящей работы — во-первых, изучить, как отражается российский официальный политический дискурс на геополитическом видении мира калининградской молодежи. Во-вторых, сравнить взаимные представления и геополитические ориентации российских, польских и литовских студентов и сопоставить их с объективными различиями между Калининградской областью и соседними территориями Польши и Литвы.

Политический дискурс в России и ЕС как фактор формирования геополитического видения мира у молодежи Калининграда, Гданьска и Клайпеды

Как показал сплошной скрининг публикаций о проблемах соседства России с сопредельными странами в «Независимой газете»¹ за 2000—2004 и 2008—2012 гг., в общероссийском дискурсе о Калининграде как российском эксклаве, отделенном от нее территориями Беларуси и Литвы, с первых лет после распада СССР выделяется две главных сюжетных линии. Первая — выбор между двумя альтернативными стратегическими сценариями развития региона. Одна из них — сохранение высокого уровня милитаризации и его превращение в «самый западный редут страны», вы-

---

¹ При сравнительно небольшом тираже «Независимая газета» позиционирует себя как «качественное» ежедневное издание, рассчитанное на образованную аудиторию. Придерживаясь в целом центристской и умеренно-критической в отношении действующей власти точки зрения, газета отражает достаточно широкий круг мнений. Работа выполнена в лаборатории геополитических исследований Института географии РАН в рамках проекта «Euborderscapes», поддержанного 7-й Европейской рамочной программой.

двинутый в сторону потенциального противника — НАТО. Реалии 1990-х гг. потребовали резкого сокращения числа воинских частей и личного состава вооруженных сил, расквартированного в области, и отказа от использования многих дорогостоящих объектов — аэродромов, складов, военных городков и т. п. С конца 1990-х гг. резкую демилитаризацию области стали противопоставлять расширению НАТО на восток и укреплению его военной инфраструктуры (см., например, [1—3; 7, 8, 20]).

Другая альтернатива — курс на всемерное использование выгод нового географического положения области в интересах как всей России, так и самого региона, экономическую и политическую открытость, превращение региона в «опытный полигон» сотрудничества с европейскими странами, связанное с устранением препятствий для трансграничных обменов и развитием приграничных контактов, обеспечением благоприятного климата для иностранных инвестиций, расширением внешней торговли, логистических функций. Такой сценарий давал возможность повысить благосостояние населения и подтянуть его до уровня соседних стран ЕС. Вместе с тем возникал риск ослабления связей с остальной территорией России, появления сепаратистских движений, выступающих при поддержке внешних сил за создание в нем четвертого независимого прибалтийского государства, ущерба безопасности страны (см., например, [4; 5]).

Стало ясно, что оптимальный путь — достижение баланса между задачами сохранения области в составе РФ и ее открытостью. Более того, сегодня одно невозможно без другого [18; 19]. В Концепции федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области 2001 г. утверждалось, что главной целью обеспечения национальных интересов и безопасности в Калининградской области является создание здесь такого экономического, международного, политического и военно-стратегического положения, которое создавало бы условия, исключающие опасность ослабления роли и значения области как неотъемлемой части Российской Федерации. Такие условия включают устойчивое социально-экономическое развитие региона, повышение показателей уровня жизни его населения до величин, сопоставимых с соседними странами ЕС, недостижимое без активного участия в процессах экономической регионализации на Балтике. Опыт первых же лет после распада Советского Союза показал, что эксклавное положение области вызывает дополнительные издержки для хозяйства и населения, которые необходимо либо напрямую компенсировать из федерального бюджета, либо создавать особые, преференциальные условия включения региона в международное разделение труда [18]. Отсюда возникла вторая главная сюжетная линия дискурса о Калининграде, порожденная объективным противоречием между необходимостью учета уникального положения Калининградской области, особенно после вступления в ЕС и НАТО Польши и Литвы, и установления единых правовых норм для всей территории как России, так и ЕС.

С одной стороны, Калининград пытался получить от Москвы субсидии, льготы и особый статус, которые бы компенсировали значи-

тельные затраты на транзит через территории соседних стран и более высокие цены на газ и электроэнергию. В 1990-е гг. в области звучали требования не только превратить регион в особую экономическую зону, пользующуюся льготным таможенным и налоговым режимом, но и полной его «автономизации», вплоть до приобретения «государственного статуса» и последующей частичной или полной интеграции в ЕС. Эта тема периодически поднималась и в 2000-х гг. В то же время очевидно, что близость к границе ЕС открыла для калининградцев в постсоветский период новые возможности, и не только в виде источника доходов от угасшей со временем приграничной торговли. Закономерно последовал «демонстрационный эффект» — интерес жителей российских приграничных районов к европейским стандартам потребления и организации общественной жизни в целом, запросы и ожидания экономических и социальных мер региональной и федеральной власти, основанных на понимании особого положения эксклава [6; 17].

С другой стороны, руководство страны, особенно в начале 2000-х гг., после избрания президентом РФ В. Путина, стремилось укрепить единство национального правового и экономического пространства и отказаться от практики договорных отношений между федеральным центром и регионами на разных условиях. Радикальные лозунги, провозглашаемые некоторыми общественными деятелями в Калининграде, порождали в Кремле опасения сепаратистских тенденций и отнюдь не способствовали благоприятному отношению к требованиям особого режима и дискурсу о регионе как «лаборатории сотрудничества» с Евросоюзом. К тому же в 1990-х гг. возникали и темы «возвращения» Калининграда Германии, заселения его российскими немцами, территориальных претензий Литвы. Характерно, что страх полной потери суверенитета России над эксклавом и пересмотра всей системы послевоенных границ отчетливо прослеживается в российском дискурсе вплоть до последних лет.

Европейский союз в ходе переговоров о визовом режиме, а затем и транзитном сообщении между основной территорией России и Калининградом также категорически отказывался принять во внимание российские аргументы о специфике области и заключить соответствующие соглашения. Руководители Еврокомиссии и отдельных стран ссылались на незыблемость и универсальность норм, установленных Шенгенскими соглашениями, и твердую поддержку национального суверенитета Польши и Литвы, исключаящую всякую возможность принятия российских предложений по транзиту через их территории.

ЕС хотел избежать того, чтобы область стала постоянным источником «мягких рисков», таких как трансграничная преступность, нелегальная иммиграция, наркомания, инфекционные заболевания и т.п. Интересы безопасности в понимании ЕС требовали усиления контроля за транзитом в Калининградскую область и обратно и объективно вступали в противоречие с интересами России, которая, наоборот, была заинтересована в том, чтобы режим транзита между регионом и основной частью территории страны был максимально облегчен. Политика Брюсселя по отношению к Калининградской области основывалась

прежде всего на опасениях слишком большого разрыва в социальных показателях между российским эксклавом и окружающими его территориями стран ЕС, предопределяющих высокий уровень социальных патологий. Именно на этих угрозах фокусировали информацию о положении в Калининграде западноевропейские СМИ.

Как бы сложно и противоречиво ни развивалась обстановка в Калининградской области, очевидно, что, как и во всей России, в новом веке она значительно изменилась к лучшему по сравнению с 1990-ми гг. Относительная прозрачность границы давала соседям хорошую возможность по-новому взглянуть на перспективы российского эксклава, заново открыть его для себя.

Вызовы соседства: реальность, представления друг о друге и индивидуальные стратегии

Чтобы ответить на вопрос, в какой мере были реализованы эти возможности, авторами в конце 2012 г. был проведен опрос студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), Гданьского и Клайпедского университетов². Всего по почти одинаковым анкетам было опрошено 675 студентов старших курсов гуманитарных специальностей: 252 — в Калининграде, 217 — в Гданьске и 206 — в Клайпеде. Кроме обычных социодемографических в анкете были вопросы, сгруппированные по трем разделам. Первый — вопросы о личном опыте посещений зарубежных стран, в том числе соседних (для студентов из Калининграда — Польши и Литвы, для жителей Гданьска — Калининградской области и Литвы и т. д.), владения иностранными языками, идентичности, ассоциациях со словом «Калининград». Во второй раздел вошли вопросы о материальном положении семей респондентов, социально-экономическом положении в регионе и сопредельных странах, перспективах и миграционных намерениях. Третий раздел охватывал вопросы, направленные на выяснение геополитической картины мира в представлениях студентов: оценка ими привлекательности разных стран мира, приоритетность экономических связей с различными странами и регионами. В целях международных и межрегиональных сопоставлений авторы старались как можно больше использовать вопросы из их предыдущих исследований и мониторингов ведущих российских социологических агентств. Особенно показательны сравнения с результатами международного исследовательского про-

² Авторы выражают искреннюю признательность за большую помощь в проведении исследования профессору Г. М. Федорову и доценту Е. С. Фидре (Балтийский федеральный университет им. И. Канта), профессорам Т. Пальмовскому и Я. Вендту (Гданьский университет), а также доктору Э. Спириевасу (Клайпедский университет). Разумеется, взгляды студентов не совпадают с общественным мнением в целом. Однако речь идет о наиболее образованной части молодого поколения, социализированного уже после краха социалистической системы и распада Советского Союза, поэтому изучение его мнений представляет значительный интерес.

екта «Видение Европы в мире», поддержанного 7-й Европейской рамочной программой, в рамках которого в 2010 г. было опрошено около 9300 студентов в 18 странах мира по сходной анкете.

Были также проведено сравнение социально-экономических показателей по городам и районам Калининградской области, повятам Поморского и Варминско-Мазурского воеводств Польши, Клайпедского, Таурагского и Мариямпольского уездов Литвы, хотя его сильно затрудняла несопоставимость показателей по области до и после реформы административно-территориального деления 2008 г., в ходе которой были перекроены границы и изменен состав муниципальных образований. Это сравнение показало, что ситуация в этих регионах в целом вполне сопоставима. Так, средняя зарплата в Калининградской области в пересчете по паритету покупательской способности (ППС) в 2012 г. составляла 716 долларов, в Поморском воеводстве — 805, Клайпедском уезде — 762. Стоимость продуктовой корзины в Гданьске примерно на 20—23 % меньше, чем в Калининграде или Клайпедке, но зато жители Гданьска должны вдвое больше платить за бензин, коммунальные услуги и общественный транспорт, чем калининградцы. Поляки в среднем несколько «богаче» россиян и литовцев, но литовское региональное сообщество менее сегрегировано по имущественному признаку, чем польское и российское. Несмотря на сильную зависимость от импорта компонентов и состояние российского потребительского рынка, производство промышленной продукции в Калининградской области в 2000-е гг. существенно выросло. В расчете на душу населения оно выше, чем в Варминско-Мазурском воеводстве, и почти достигло уровня одного из наиболее развитых регионов Польши — Поморского воеводства. Демографическая ситуация в российском эксклаве довольно благоприятна по сравнению с соседними регионами Польши и особенно Литвы, где естественная убыль накладывается на массовый миграционный отток. Вследствие положительного сальдо миграций численность населения еще с 1990-х гг. в области стабилизировалась, хотя продолжительность жизни ниже, а структура смертности свидетельствует о сохранении существенного уровня алкоголизма и других социальных патологий [14].

Однако у калининградских студентов сложилось гораздо более пессимистическое мнение о состоянии и перспективах развития своего региона, чем у их ровесников из Гданьска и Клайпеды. В этих городах 45—48 % опрошенных оценивали ситуацию в своем регионе как благоприятную и скорее благоприятную. Еще соответственно 24 и 31 % протестированных считают, что она такая же, как в других районах их стран, и только 29 % — в Гданьске и 15 % — в Клайпедке полагают ее сложной или очень сложной.

Более того, молодые калининградцы не верят в хорошие перспективы своего региона, около 56 % респондентов убеждены, что в ближайшие годы экономическая ситуация в области никак не изменится либо что она скорее всего или даже безусловно ухудшится. Такой скепсис тем более удивителен, что опрошенные — молодые люди в возрасте около 20 лет. К тому же они уверены в своей осведомленности в пер-

спективах региона, о которых сказали значительно больше студентов БФУ им. И. Канта, чем Гданьского и Клайпедского университетов. Россияне привыкли уповать только на свои силы, не веря, что власти или еще кто-либо обеспечат им лучшую жизнь. Характерно, что калининградские студенты оценивают свое личное будущее более оптимистично, чем перспективы развития области: 58% опрошенных надеются, что в короткое время уровень жизни их семей повысится.

В отличие от калининградцев 48% польских интервьюентов придерживаются оптимистического взгляда на будущее своего региона, 23% — думают, что ситуация никак не изменится, 12% — ухудшится или безусловно ухудшится. В Клайпедке молодые люди настроены еще более оптимистично: большинство респондентов (66%) уверены, что в ближайшие два года жить в их регионе станет точно или скорее всего лучше. Уверенно смотрят в будущее 59%. Однако польские студенты сомневаются, что они лично достигнут успеха: в Гданьске «оптимистов» около 39% (треть затруднилась ответить).

Несмотря на разную оценку развития своих регионов, молодых людей всех трех граничащих регионов объединяют сходные индивидуальные жизненные стратегии: среди них чрезвычайно сильны миграционные намерения. Больше половины респондентов (в Калининграде 55%, Гданьске 58%, Клайпедке 66%) заявили, что хотели бы воспользоваться возможностью сменить место жительства в ближайшие два года или после окончания учебы. Таким образом, миграционный потенциал молодежи Калининградской области заметно выше, чем в среднем по России у лиц в возрасте 18—24 лет (39%). Главная причина повсюду одна — поиск хорошо оплачиваемой и интересной работы (в Калининграде ее указали 72% студентов, Гданьске — 86%, Клайпедке — 76%). В условиях ограниченного или сжимающегося рынка труда возможности найти работу, соответствующую своим запросам и самооценке, в родном городе они не видят. Лишь 10% калининградцев, выразивших желание уехать, просто хотят сменить район проживания, еще 11% — видят себя жителями других крупных городов, в основном Москвы, обычно связываемой в России с жизненным успехом. Много студентов всех трех университетов настроено на эмиграцию. В Калининграде таких две трети. Молодые жители области гораздо лучше знакомы с условиями жизни за границей, чем их сверстники в других регионах России: 83% — бывали в зарубежных странах, большинство — многократно. В то же время из 830 студентов, опрошенных в Москве, Екатеринбурге, Хабаровске и Ставрополе в рамках упомянутого международного проекта двумя годами раньше, за рубежом успели побывать только 44% [11].

Если молодежь Клайпеды все еще мечтает об интересной и высокооплачиваемой работе за границей (58% желающих уехать), то польские респонденты разделяют эти иллюзии в меньшей мере. На выезд за рубеж ориентированы «только» 34% опрашиваемых студентов. Поляки имеют большой опыт массовой трудовой миграции: по разным оценкам за последнее десятилетие из страны выехало от 1,2 до 3 млн человек. Они хорошо знакомы с трудностями адаптации на новом месте и не-

удовлетворенностью работой, не соответствующей квалификации. По сравнению со сверстниками из России и Литвы вдвое больше польских студентов, выбирая миграцию как стратегию достижения личного успеха, предпочло бы остаться в своей стране.

Несмотря на разные объективные условия и различную оценку личных перспектив, настрой молодежи на отъезд из своей страны отражает восприятие ими своих регионов как периферийных. Ответы студентов на вопрос о привлекательности разных стран дают представление об общих и отличных чертах сложившегося у них геополитического видения мира и восприятие соседей.

Мир глазами студентов Калининграда, Гданьска и Клайпеды

Как свидетельствуют результаты проекта «Видение Европы в мире», для ментальной карты молодых людей в принципе характерен непоколебимый евроцентризм. По их мнению, самые удобные для жизни — крупные страны Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Великобритания, к которым по уровню привлекательности близки Испания, а также Нидерланды, Австрия, Швейцария и другие небольшие европейские государства. В сравнении с генеральной выборкой россияне проявили наибольшую «еврофилию». Высокий уровень симпатий «старой» Европе отмечали авторы и многих других исследований [15]. Европейские страны ассоциируются у российских респондентов прежде всего с отдыхом, развлечениями, покупками, престижными товарами и услугами. С туризмом и потреблением связаны восемь из двадцати наиболее частых ассоциаций. Видение Европы россиянами носит более «потребительский», гламурный характер в отличие от их зарубежных сверстников. Но играет роль и богатое историческое и культурное наследие, о котором россияне узнают еще в раннем возрасте из школьных учебников и телепередач. Поэтому Европа ассоциируется и с понятиями «цивилизация», «история», «образование». Некоторую часть наших сограждан западноевропейские страны привлекают ценностями демократии, правового государства, развитой системой образования, научно-техническими достижениями. Однако такие ассоциации, как «свобода», «демократия», в России более редки [12; 23].

Наоборот, проект показал, что во главе списка стран, в которых студенты не хотели бы жить, — Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, ассоциируемые с исламским фундаментализмом и вооруженными конфликтами. Непривлекательны большинство стран Африки, Азии и Латинской Америки. Причины различны: культурная дистанция, укоренившиеся представления о низком уровне жизни в этих странах, авторитарные режимы, находящиеся у власти в некоторых из них. Как правило, в отношении России и других стран бывшего СССР (кроме Балтии) также сложился резко негативный образ. При этом личный опыт не всегда влияет на привлекательность страны. Часто неблагоприятен образ знакомых соседних стран, особенно если они воспринимаются как более бедные или если с ними были конфликты в прошлом. Так, для российских респондентов непривлекательны бывшие советские республики, уровень жизни

в которых в целом ниже, чем в России, они не ассоциируются с отдыхом, потреблением или экзотикой. Непривлекательность некоторых стран, к примеру Украины или Грузии в России, явно во многом объясняется их негативным освещением на основных телеканалах.

Студентов из Калининграда, Гданьска и Клайпеды также просили назвать по пять стран, в которых они хотели бы и не хотели бы жить в ближайшее время. Затем был рассчитан «индекс асимметрии», представляющий собой разницу между числом упоминаний страны как привлекательной и непривлекательной, деленным на общее число ее упоминаний. Результаты опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1

«Индексы асимметрии», рассчитанные на основе ответов респондентов на вопросы о пяти странах, в которых они желали бы и не желали бы жить

Страны, регион	Калининград	Гданьск	Клайпеда
Россия	-0,13	-0,95	-0,81
Польша	0,23	—	-0,90
Литва	-0,39	-0,93	—
Латвия, Эстония	-0,68	-0,90	-0,81
Украина, Беларусь, Молдавия	-0,72	-0,98	-0,88
Германия	0,79	0,16	0,95
Великобритания и Ирландия	0,85	0,57	0,47
Франция, Италия, Испания, страны Бенилюкса	0,68	0,50	0,62
Страны Северной Европы	0,75	0,70	0,83
Страны Центральной Европы	0,96	0,20	0,58
Балканские страны	-0,08	-0,39	-0,62
Турция и Ближний Восток	-0,94	-0,80	-0,75
США и Канада	0,35	0,57	0,75
Китай	-0,74	-0,84	-0,88
Страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока	0,10	-0,13	-0,11
Австралия и Новая Зеландия	0,30	1,00	—
Латинская Америка	-0,25	-0,39	—
Страны Южного Кавказа и Средней Азии	-0,17	-1,00	-1,00
Афганистан, Ирак, Иран	-1,00	-1,00	-1,00
Африка	-1,00	-1,00	—
Индия и Пакистан	-1,00	-1,00	-1,00

Как видно из таблицы 1, студенты из Балтийского региона, столь близкого к привлекательной «старой» Европе, не стали исключением из общих закономерностей. Очевидна их «европейская» ориентация. Самыми высокими положительными индексами на ментальной карте студентов всех трех университетов отмечены страны Северной и Западной Европы, а также Бенилюкса. Но есть и некоторые нюансы: так, для калининградцев Великобритания и Ирландия весьма заман-

чивы (индекс 0,85), тогда как отношение поляков и литовцев к этим странам традиционной иммиграции более сдержанное (соответственно 0,57 и 0,47). На соседнюю Германию, столь привлекательную для студентов из Калининграда (0,79) и Клайпеды (0,95), жители Гданьска — города, в котором началась Вторая мировая война, — смотрят явно иначе (0,16).

Немало студентов считают возможным местом жительства и ведущие страны Нового света — США и Канаду. В Польше и, особенно, в Литве отношение к США очень позитивное (соответственно 0,57 и 0,75). США исторически занимают уникальное место в географии литовской эмиграции. Среди молодых калининградцев, как и россиян в целом, отношение к США более противоречивое. Они ценят высокий уровень жизни и американские достижения в науке и технике, но многие респонденты воспринимают эту страну как сверхдержаву, играющую главную роль в НАТО, претендующую на мировую гегемонию, глубоко вовлеченную в международные конфликты и навязывающую свои интересы другим странам. Именно так представляют роль США в мире федеральные телеканалы.

Самый отталкивающий образ, как и у участников опроса по проекту «Видение Европы в мире», у Ирака, Ирана, Афганистана, стран Африки, Индии, Пакистана и Средней Азии. В этих странах жить не захотел никто. В целом неблагоприятный образ также у стран Ближнего Востока, Латинской Америки и Китая (в последнем случае, вероятно, из-за культурной дистанции). Однако непривлекательны для опрашиваемых также и соседние Латвия и Эстония (–0,68 в Калининграде, –0,9 в Гданьске и –0,81 в Клайпеде).

В «треугольнике» Гданьск — Калининград — Клайпеда в большинстве случаев соседи воспринимают друг друга негативно. Исключение составляет лишь преимущественно положительный образ Польши в Калининграде (0,23). Для российских и польских студентов непривлекательна Литва (соответственно –0,39 и –0,93), а для литовских — как Россия, так и Польша (–0,81 и –0,9). Можно предположить, что негативный имидж Литвы в Гданьске и Польши в Клайпеде связан с общим историческим прошлым. Резко отрицательный образ России отмечается в Гданьске (–0,95). Через негативную коннотацию России подчеркивается инаковость Польши, ее современность и свободолюбие. Во всех трех городах, где проводился опрос, столь же непопулярны и другие европейские соседи постсоветского пространства — Украина, Беларусь и Молдова. Совершенно очевидно, что такое геополитическое видение мира не способствует региональному сотрудничеству.

Образ балтийских соседей формируется не только телевидением и другими СМИ, системой образования и наследуемой молодым поколением политической культурой, но и личным опытом визитов в ближайшие города. Трансграничные потоки молодых людей резко асимметричны. В Польше никогда не были 27% калининградских студентов, 56% — посетили соседнюю страну хотя бы раз, а 22% бывают там ежегодно или даже несколько раз в год. Хотя Литва для калининградских студентов менее привлекательна, чем Польша, в этой стране побывали 63% опрошенных. В то же время 88% гданьских и 68% клай-

педских респондентов ни разу в жизни не пересекали российскую границу. Побывали в России хотя бы единожды 9 % опрошенных поляков и 24 % — литовцев. При этом практически все они направлялись именно в Калининград, а не в города основной территории страны³. Ответы респондентов о целях поездок и мнения о режиме границы позволяют получить представления о причинах столь значительных различий.

Очевидно, что дело вовсе не в визовом режиме, хотя он, безусловно, сказывается на частоте контактов. Польские и литовские студенты ездят в Калининград столь редко, что их мнение об адекватности режима границы выяснить не удалось. Что же касается калининградцев, только 14 % удовлетворены режимом российско-польской границы, тогда как 31,7 % придерживаются противоположной точки зрения⁴ (столько же затруднились ответить). Лишь 8 % из них указали на трудности с получением визы. Главные причины недовольства — чрезмерные потери времени на пограничный контроль и нехватка пунктов пропуска. Примерно такие же ответы калининградцы дали и о российско-литовской границе.

Знание языка также не является препятствием для обменов. Около 77 % респондентов в Калининграде, 88 % — в Клайпеде и 92 % — в Гданьске заявили, что они владеют иностранным языком, чаще всего английским. При этой в Клайпеде — одном из самых «русскоязычных» и, подобно Калининграду, «переселенческих» городов Литвы — 57 % студентов говорят по-русски.

В отличие от «взрослых» калининградцев студенты ездят в Польшу не столько за покупками (40 %), сколько в целях туризма и развлечений (55 %). Остальные причины (учеба, участие в семинарах и конференциях, профессиональных встречах, свидание с родственниками и друзьями) играют гораздо меньшую роль. Мотивация поездок в Литву та же, что и в Польшу: главная из них — туризм и развлечения (39 %); шопинг в Литве менее популярен, чем в Польше (16 %). Основные цели поездок молодых поляков и литовцев в Калининградскую область — туризм и развлечения, в меньшей степени покупки. Стало быть, для них важен символический капитал Калининграда, его бренды и имидж.

³ Формально количество польских и литовских граждан, въехавших в Калининградскую область в 2013 г., было соответственно на 56 и 20% больше, чем россиян, выехавших в Польшу и Литву. Однако большая часть пересечений российской границы, совершаемых польскими гражданами, приходится на «бензинщиков», заправляющих баки своих машин более дешевым российским бензином и перепродающих его в своей стране. На самом деле поток носит ярко выраженный асимметричный характер.

⁴ Опрос проводился незадолго до введения малого приграничного движения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши. Этот шаг, однако, не означает полной отмены бюрократических препон. До июля 2013 г. желающим получить соответствующую визу надо было доказать, что они оплатили по крайней мере семь ночей в польском отеле, позже — три ночи. Одновременно было введено новое требование: представить счета, подтверждающие, что житель Калининградской области пользовался услугами польских отелей в течение двух последних лет.

Образы «чужого», предпочитаемые партнеры в мире и идентичность

Несмотря на крайне слабое знакомство с Калининградской областью и вопреки ряду объективных показателей, большинство польских и литовских студентов думают, что экономическая ситуация в ней хуже или значительно хуже, чем в их странах (соответственно 50 и 36%). Честно заявили, что им трудно ответить на этот вопрос или не дали ответа около трети польских и литовских респондентов.

Слабый интерес к Калининграду у польских респондентов зиждется на его негативном образе в их представлениях. Распространены такие клише, связанные не столько с Калининградом, сколько с имиджем России в целом: *водка, пьянство, СПИД, Сталин, Путин, холод, несвобода, коммунизм, СССР, мафия, лагерь...* (их высказало 11% студентов⁵). Многие «по традиции» 1990-х гг. ассоциируют город с *бедностью, неразвитостью, низким уровнем жизни, забытым регионом, теневой экономикой, контрабандой, войной и военным форпостом России* (17%). Преобладают все же нейтральные ассоциации: *российский регион, регион на карте* (37%); *сосед Польши, Восток Европы, граница, транзит, трудности пересечения границы* (7%); *дешевые продукты, дешевый бензин, порт, россияне, экскурсии в магазины Гданьска, новые русские, особая экономическая зона, эксклав России* (24%). Такая реакция — отражение размытости, несформированности образа Калининграда. Лишь единичные респонденты вспомнили о таких компонентах бренда города, как *Кант, янтарь, янтарная комната, дорога янтаря*. У 6% гданьских респондентов слово «Калининград» вообще не вызвало никаких ассоциаций.

Никакой реакции оно не вызвало еще у большего числа клайпедских студентов (21%). Для 30% опрошенных респондентов это просто *российский город, часть России* или даже *неизвестный город*. Большая часть студентов (61%) связывает с Калининградом негативные ассоциации. Их спектр широк: *политическая нестабильность, отсутствие свобод, коррупция, нежелание там жить и туда ездить, опасное место, криминал, беспредел, бандитизм, дешевые наркотики, теневая экономика, контрабанда, сигареты, неразвитая инфраструктура, бедность, низкий уровень жизни, разоренный город, базар, более дешевые товары, бензин, социальные проблемы, не приветливые люди, непривлекательный для туризма город, угроза: атомная станция, военная база, армия, советский город, советские порядки; пограничье, транзитная территория, трудности с визой, ожидание при пересечении границы, закрытый город, изолированный город, эксклав, периферия, экономически неразвитый город*. Доля респондентов, высказавших более или менее положительные ассоциации: *исторический город, Кёнигсберг, зоопарк, привлекательный большой город, много возможностей, торговый город, дорогой город, масса денег; хорошие люди, родственники, друзья, янтарь, Куришская коса*, составила только 14%. Лишь немногие идентифицировали Калининград как соседский город и связали его с идеей сотрудничества.

⁵ Сумма не составляет 100%, поскольку респонденты давали несколько ответов.

Пожалуй, самое удивительное — это слабость, неразвитость образа Калининграда у самих его молодых жителей: 43% опрошенных не смогли никак определить свое отношение к нему, 30% составили «романтически-ностальгические» ассоциации (*родной город, город, где живу, любимый город, лучший город*), прочие позитивные ассоциации (*старинный, исторический, чистый, красивый город, архитектура, брусчатка, интересные места*) или скудный набор традиционных брендов (*янтарь, Куршская коса, Балтийское море*). Впрочем, и явно негативных ассоциаций набралось немного (*неухоженный, негармоничный город, проходной двор, обида за регион, бедность, эксклав, окраина*). Проявление специфической региональной идентичности можно видеть в довольно редких (14%) ассоциациях Калининграда с *европейским городом, близостью к Европе, Западом России, не совсем Россией* и ассоциациях, связанных с германским прошлым: *немецкий город, Кёнигсберг, бывшая Восточная Пруссия, Германия*.

Таким образом, российским студентам в символическом смысле нечего предложить соседям для «обмена». У них нет интереса к сотрудничеству с соседями, а у соседей, в свою очередь, сформировалось психологическое «отторжение» России как партнера.

Для всех стран, граничащих с Россией, она является значимым «другим», позволяющим легитимировать в глазах населения действия собственных элит. Это определяет риторику политических дискурсов, варьирующих от остро критических до сдержанно-умеренных, в духе идей «национального прагматизма». Россия выглядит то как партнер, с которым выстраиваются сложные, но равноправные отношения, то как политически нестабильная страна, стремящаяся к доминированию в регионе и использующая внеправовые рычаги давления на своих соседей — экономические, миграционные, культурные, военно-стратегические. Людям постоянно напоминают о России как потенциальной внешнеполитической угрозе. Негативная оценка РФ дополняется интенсивным потоком информации о тех постсоветских странах, которые рассматриваются как «естественные союзники» в противостоянии с Россией. Такая символическая политика, транслируемая через СМИ и учебные пособия, оказывает значительное влияние на формирующееся мировоззрение молодых людей и делает региональное развитие заложником геополитики.

Не случайно Россия расположена ближе к концу списка в иерархии стран, экономическое и политическое сотрудничество с которыми является, по мнению польских и литовских студентов, перспективным для Польши и Литвы. Они рассматривают в качестве главного партнера страны ЕС, прежде всего Германию. Экономическое и политическое взаимодействие именно с Германией считают самым важным 67% польских студентов. За ней «следуют» Франция, Великобритания, Италия, «малые» страны Западной Европы (41%) и Северной (46%). Россию, Украину и Литву упомянули совсем немного респондентов — впрочем, ненамного меньше, чем США, про Беларусь не вспомнил почти никто. Таким образом, восточных соседей как партнеров для гданьских студентов просто не существует, что подтверждает однозначную и абсолютную ориентацию на Европу, отождествляемую с ЕС.

Клайпедские студенты в качестве наиболее перспективных для Литвы экономических и политических партнеров видят в первую очередь страны Северной Европы (58% респондентов), Германию (51%), Францию, Италию и Испанию (50%). При этом относительно более бедных соседей — членов ЕС литовские студенты таковыми не считают. В отличие от Гданьска в Клайпедзе, однако, хорошо понимают важность экономических связей с Россией, грузы которой в основном перерабатывает местный порт. Ее назвали перспективным контрагентом почти столько же студентов, сколько и предпочитают страны «старой» Европы (53%). Далекие США фигурируют в списке важных партнеров более чем вдвое реже (25%). О соседних Беларуси и Украине почти не вспоминали.

Калининградцы, как и их соседи, ориентированы в основном на ЕС, но все-таки их видение партнеров несколько более разносторонне. В списке стран, экономическое и политическое сотрудничество с которыми они считают наиболее желательным, с большим отрывом лидирует Германия (47%), за которой следуют соседняя Польша (34%), Япония (25%) и Китай (22%). «Рейтинг» Литвы и соседних стран Балтии крайне низок. Настораживает, что большинство опрошенных (70%) видят будущее в сотрудничестве с ЕС, а не с другими регионами России (всего 11%). В этом — главное отличие геополитического видения мира молодыми калининградцами от официального дискурса.

Представление о приоритетности европейского вектора как гарантии успеха, закрепившееся в сознании молодежи всех трех рассматриваемых регионов, способствует не столько их потенциальной интеграции, сколько усилению дезинтеграционных процессов, поскольку у студентов сложился преимущественно негативный образ друг друга и они не считают перспективным сотрудничество с ближайшим соседом (исключение — мнение калининградцев о сотрудничестве с Польшей). В случае Калининграда такая позиция таит также риск изоляции от остальной территории России. Граница между балтийскими странами — членами ЕС и Россией воспринимается студентами всех трех университетов как водораздел двух миров, в одном из которых царит «порядок», а в другом — «хаос». При этом представители «мира хаоса» отчетливо демонстрируют свое стремление в «мир порядка», что укрепляет барьерные функции границы и препятствует открытости, отвечающей требованиям современного развития.

К тому же литовскими и польскими студентами вступление в ЕС и Шенгенскую зону рассматривается как своеобразная привилегия, которую не стоит распространять на россиян. В Гданьском университете лишь 18% студентов полагают возможной отмену визового режима с Россией в целом, 18% — только для жителей приграничных районов, около трети убеждены, что этот вопрос можно решить только в отдаленной перспективе, а 7% — что этого в принципе нельзя делать. Жители Клайпеды настроены более либерально: треть из них — за полную отмену визового режима между ЕС и Россией, 19% — предоставили бы его только жителям приграничных районов и лишь 17% — считают, что в обозримой перспективе он должен быть сохранен (30% — не имеют по этому вопросу определенной позиции). Это неудивительно, учитывая взгляд молодых людей на Калининградскую область и Рос-

сию в целом как источник всевозможных угроз, несмотря на очевидные выгоды, которые приносят соседним регионам поездки к ним российских соседей. В сознании молодежи укоренилось представление о границе как физической данности, а не как об институте, созданном людьми и нуждающемся в модернизации.

В то же время чуть более половины ориентированных на интенсивные обмены со странами ЕС молодых калининградцев выступают за отмену визового режима; еще четверть — считает безвизовый обмен возможным только для жителей приграничных районов.

Калининградские студенты отличаются от своих ровесников из Гданьска и Клайпеды наименьшей самоидентификацией со своей страной — соответственно 22 против 30 и 49% (табл. 2). Для сравнения, по данным проведенного в 2011 г. общенационального опроса, 72% респондентов из Янтарного края ощущали свою общность с гражданами России «в значительной степени», и эта идентичность была самой сильной. Более того, по сравнению с 2004 г. самоидентификация жителей России со своей гражданской нацией выросла более чем вдвое [9]. Правда, выборка в этих опросах охватывала все население, тогда как в исследовании, проведенном авторами, рассматривалось мнение только студентов. Однако многократный разрыв в показателях дает основание полагать, что молодые калининградцы действительно сильно отличаются от своих сверстников в других регионах страны по степени ощущения принадлежности к российской гражданской нации. Согласно результатам опроса российской части по проекту «Видение Европы в мире», из всех 18 стран, в которых проводилось анкетирование, у российских студентов национальная идентичность была выражена наиболее ярко: 62% из них заявили, что прежде всего чувствуют себя гражданами своей страны.

Таблица 2

Самоидентификация студентов

Вариант ответа	Калининград	Гданьск	Клайпеда
Житель города / села / местности	28,2	46,1	29,1
Житель своего края, области	17,9	5,5	3,4
Гражданин своей страны	22,2	30,0	49,0
Представитель своего народа, своей национальности	8,7	6,0	4,9
Гражданин мира, европеец, студент и др.	18,3	8,7	11,6
Затрудняюсь ответить	4,8	3,7	2,0

Несколько более половины польских и чуть менее половины российских студентов ассоциируют себя прежде всего со своим городом, местностью или областью (регионом). При этом региональная идентичность (как можно заключить из сказанного выше, вовсе не трансграничная) у калининградцев сильнее, чем у жителей Гданьска и Клайпеды. Из этого

можно было бы сделать вывод, что происходит закономерный, хотя и явно не беспроблемный процесс формирования специфического регионального самосознания калининградцев, активизировавшийся после превращения области в российский эксклав. Очевидно, что в регионе, население которого всего около 65 лет назад полностью обновилось и долгое время состояло из недавних мигрантов, прибывших из разных районов всего Советского Союза, долог и труден. Чем моложе возрастная группа, тем больше в ней доля родившихся в области, значительно преобладающих в молодых когортах; для них Калининградская область — родина. Однако почти треть молодых калининградцев (что значительно больше, чем в Гданьске и Клайпеде) либо определяют себя представителями своей национальности, либо не имеют ясной идентичности, не желая или затрудняясь ассоциировать себя со своей страной, областью, городом («человек мира», «европеец», «студент» и т. п.). Анализ самоидентификации «во вторую очередь» не меняет этих выводов.

Относительная слабость национальной идентичности вполне коррелирует с пессимистической оценкой перспектив региона, повышенным настроением на отъезд и мнением о преимущественном значении для области экономических связей со странами ЕС, а не другими регионами России, а также зыбкостью символического капитала Калининграда в восприятии. Неуверенность в возможности самореализации в регионе, ограниченность его пространства, ставшего российским островом в большой Европе — ЕС, из которой Россия заведомо исключена, длительное отрицание прусско-германского периода истории, отсутствие значимых советских символов и событий в советскую эпоху и относительная изоляция от основной территории страны определяют сложность и противоречивость формирования региональной идентичности у молодых людей. Его своеобразие заключается в сочетании разнородных элементов: советского наследия, германского прошлого (впрочем, в его чисто внешних проявлениях), культур разных регионов бывшего Советского Союза, носителем которых является родительское поколение, опыта жизни в современной России. Из опрошенных студентов 18% никогда не выезжали в другие регионы страны. Большинство остальных бывали только в Москве (73%) и Петербурге (57%). Другие регионы посещали лишь немногие. При этом поездки в столичные города, как правило, представляли собой кратковременные экскурсии. Закономерен вывод, что интеграция области и остальной территории страны с годами все больше становится не только экономической, но и социально-культурной задачей. Показательно, что только 17% калининградских студентов твердо заявили, что по окончании университета хотели бы остаться в своей стране.

Вопреки фактам калининградские студенты (57%) полагают, что экономическая ситуация в Калининградской области хуже или значительно хуже, чем в Литве, и лишь некоторые (около 8%) — придерживаются противоположного мнения (табл. 3). При этом молодые люди ощущают близость к Европе, хотя чувствуют себя европейцами. Однако на практике оказывается, что это миф: общего символического капитала с соседями нет или он слаб; Россию они воспринимают преимущественно негативно; очевидно, что эксклав столь же далек от Европы, как и «большая» Россия.

Таблица 3

**Оценка студентами экономического положения
Калининградской области в сравнении с Польшей и Литвой, %**

Оценка	Гданьск	Клайпеда	Калининград	
			по сравнению с Польшей	по сравнению с Литвой
Значительно лучше	1,8	4,4	0,8	0,8
Несколько лучше	4,6	13,1	5,6	7,1
Такое же	7,4	9,7	9,5	10,3
Несколько хуже	27,2	25,2	31,0	34,9
Значительно хуже	23,0	12,1	32,5	22,2
Затрудняюсь ответить	33,7	34,5	20,6	13,1

Символическая политика в Калининграде основана одновременно на использовании и развитии ресурсов исторической памяти и на попытках утверждения российского статуса области с помощью монументальной пропаганды — строительства церквей и возведении памятников. Попытки перекодирования исторического наследия лишь усиливают черты «островного» сознания калининградцев и входят в противоречие с интересами формирования единого межрегионального информационного и культурного пространства.

Заключение

Анализ представлений студентов трех городов Балтийского региона показал, что символические, ментальные барьеры оказывается труднее преодолеть, чем политические и экономические. Застарелые стереотипы общественного мнения воспроизводятся молодежью, сильно деформируя восприятие ею современной действительности. Возможности ускорения экономического развития и модернизации, открываемые сетевыми формами перераспределения ресурсов между пограничными регионами России, Польши и Литвы и позволяющими им извлекать стихийную или институционально оформленную позиционную ренту, лимитированы фрустрированным состоянием общества и негативным коллективным опытом старших поколений. Интерес молодых жителей Гданьска и Клайпеды к Калининградской области весьма ограничен, и либерализация трансграничных поездок пока не вызвала сдвигов в их геополитических представлениях. Ухудшение политической обстановки в Европе из-за кризиса на Украине не внушает надежд на скорые перемены. Студентов всех трех городов объединяет латентная неудовлетворенность перспективами трудоустройства, выражающаяся в декларируемом намерении эмигрировать. Ориентация молодых калининградцев, как и их сверстников из Гданьска и Клайпеды, на преимущественные связи с Европой нереализуема из-за неопределенности перспектив всего комплекса отношений между Россией и ЕС.

Тем не менее, исходя из опыта других стран, введение режима малого приграничного передвижения между Калининградской областью и соседними воеводствами Польши в принципе должно улучшить представления их жителей друг о друге, способствовать углублению приграничного сотрудничества. Терпеливая многолетняя работа по диверсификации взаимодействий, продвижению положительного имиджа Калининграда в соседних регионах Польши может принести плоды. Наряду с мерами по укреплению экономической базы региона увеличение его символического капитала необходимо и для гармоничного развития идентичности самих калининградцев.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-03621 «Российское пограничье: вызовы соседства».

Список литературы

1. *Балтийский узел* // Независимая газета : [сайт]. 2001. 28 марта. URL: http://www.ng.ru/regions/2001-03-28/4_bend.html (дата обращения: 05.07.2014).
2. *Бубенец А.* Эскадренный субъект «Калининград» // Там же. 24 февр. URL: http://www.ng.ru/politics/2001-02-24/3_subject.html (дата обращения: 07.07.2014).
3. *Воронов К.* Бессмысленные мечтания // Там же. 30 июня. URL: http://www.ng.ru/polemics/2001-06-30/8_dream.html (дата обращения: 09.07.2014).
4. *Гинзбург С.* Угрозы сепаратизма нет // Там же. 8 июля. URL: http://www.ng.ru/scenario/2009-12-22/15_separatism.html (дата обращения: 09.07.2014).
5. *Гинзбург С.* Семь шагов // Там же. 2010. 22 июня. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-06-22/14_7steps.html (дата обращения: 09.07.2014).
6. *Гинзбург С.* Калининградский европеец // Там же. 30 марта. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/14_kaliningrad.html (дата обращения: 15.07.2014).
7. *Дерябин Ю.* «Северный поток» — экономика или военная политика? // Там же. 2009. 31 авг. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-08-31/3_kartblansh.html (дата обращения: 09.07.2014).
8. *Дерябин Ю.* Обама смотрит на Балтику // Там же. 2 окт. URL: http://www.ng.ru/politics/2009-10-02/3_kartblansh.html (дата обращения: 12.07.2014).
9. *Дробизьева Л. М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Российская нация: [сайт]. URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064 (дата обращения: 01.06.2014).
10. *Колосов В. А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. №4. С. 31—52.
11. *Колосов В. А., Зотова М. В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: опыт применения методов «критической геополитики». «Критическое» направление в геополитике: стала ли, наконец, геополитика наукой? // Географическое пространство России: образ и модернизация : сб. ст. / под ред. Н. В. Каледина, А. И. Чистобаева. СПб., 2011. С. 92—114.
12. *Колосов В. А., Зотова М. В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. 2012. №5. С. 170—187.

13. *Крылов М. П.* Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. № 1. С. 137—151.
14. *Себенцов А. Б., Зотова М. В.* Потенциал ЭГП Калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. № 4(18). С. 113—131.
15. *Общественное мнение* — 2009. М., 2009.
16. *Общественное мнение* — 2012. М., 2012.
17. *Рябушев А.* Завершается подготовка к финальной части акции «Калининград — узник Европы» // Независимая газета: [сайт]. 2013. 16 дек. URL: http://www.ng.ru/regions/2010-10-22/5_kenig.html (дата обращения: 14.07.2014).
18. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? // Балтийский регион. 2010. № 2. С. 5—15.
19. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеев В. С.* Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград, 2013.
20. *Цыганок А.* Список угроз расширяется // Независимая газета. 2008. 3 марта.
21. *Houtum H. van.* Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Econimische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90(3). P. 329—335.
22. *Houtum H. van.* The Geopolitics of Borders and Boundaries // Geopolitics. 2005. Vol. 10(4). P. 672—679.
23. *Kolosov V.* The vision of Europe and the world from large powers: the case of BRIC // Geografia Polonica. 2013. № 2. P. 89—98.
24. *Konrad V., Nicol H. N.* Border Culture, the Boundary Between Canada and the United States of America, and the Advancement of Borderlands Theory // Geopolitics. 2011. Vol. 16. P. 70—90.
25. *Kramsch O.* Regulating European borders: a cultural perspective // Innovative regulatory approaches: coping with Scandinavian and European policies / ed. N. Veggeland. N. Y., 2011.
26. *O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G.* A Risky Westward Turn? Putin's 9—11 Script and Ordinary Russians // Europe — Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 1. P. 3—34.
27. *Parker N., Vaughan-Williams C.* Critical Border Studies: Broadening and deepening the “lines in the sand” agenda // Geopolitics. 2012. Vol. 17. P. 727—733.
28. *Rumford C.* Interventions on rethinking “the border” in border studies // Political Geography. 2011. Vol. 30. P. 67—68.
29. *Sahlins P.* Boundaries: The making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley ; Los Angeles, 1989.
30. *Sidaway J. D.* Rebuilding bridges: a critical geopolitics of Iberian transfrontier cooperation in a European context // Environment and Planning D: Society and Space. 2001. Vol. 19. P. 743—778.
31. *The Ashgate Research Companion to Border Studies* / ed. D. Wastl-Walter. Farnham, UK, 2011.

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, Институт географии РАН, Москва.

Ольга Ивановна Вендина, кандидат географических наук, Институт географии РАН, Москва.

THE YOUTH IN KALININGRAD, GDANSK AND KLAIPEDA:
GEOPOLITICAL VISION OF THE WORLD, IDENTITY
AND IMAGES OF THE OTHER

V. Kolosov*, O. Vendina*

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences
29 Staromonetny per., Moscow, 119017, Russia

Submitted on August 18, 2014

*This work juxtaposes the analysis of the federal discourse on the exclave position of the Kaliningrad region in 1994—2012 based on the screening by the *Nezavisimaya gazeta* and the results of surveys of students at the Immanuel Kant Baltic Federal University and the Universities of Gdansk and Klaipeda using a similar questionnaire.*

Students of all three universities show latent dissatisfaction with employment prospects, which is manifested in the declared intention to emigrate. The orientation of young residents of Kaliningrad and their peers from Gdansk and Klaipeda towards prevailing connections with Europe is complicated by the uncertainty of the EU-Russia relations. Young residents of Gdansk and Klaipeda reproduce dated stereotypes, and their interest in the Kaliningrad region is limited. However, as the experience of the other countries suggests, local border traffic between the Kaliningrad region and the neighbouring Polish voivodeships can contribute to the improvement of mutual images.

Long-lasting efforts to diversify cooperation and promote a positive image of Kaliningrad in the neighbouring Polish regions can prove worthwhile. Apart from the measures aimed at strengthening the region's economic base, it is necessary to increase the symbolic capital of Kaliningrad to achieve harmonious development of Kaliningrad identity.

Key words: Kaliningrad region, geopolitical vision of the world

References

1. Baltijskij uzal [Baltic node], 2001, *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/regions/2001-03-28/4_bend.html (accessed 05.07.2014).
2. Bubeneč, A. 2001, Jeskadrennyj subekt "Kaliningrad" [Squadron subject "Kaliningrad"], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2001-02-24/3_subject.html (accessed 07.07.2014).
3. Voronov, K. 2001, Bessmyslennye mechtanija [Senseless dreams], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/polemics/2001-06-30/8_dream.html (accessed 09.07.2014).
4. Ginsburg, S. 2009, Ugrozy separatizma net [No threat of separatism], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/scenario/2009-12-22/15_separatism.html (accessed 09.07.2014).
5. Ginsburg, S. 2010, Sem' shagov [Seven steps], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/scenario/2010-06-22/14_7steps.html (accessed 09.07.2014).
6. Ginsburg, S. 2010, Kaliningradskij evropeec, *Nezavisimaya Gazeta*, avail-

able at: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/14_kaliningrad.html (accessed 15.07.2014).

7. Deryabin, Yu. 2009, «Severnyj potok» — jekonomika ili voennaja politika? ["Nord Stream" — the economy or military policy?], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2009-08-31/3_kartblansh.html (accessed 09.07.2014).

8. Deryabin, Yu. 2009, Obama smotrit na Baltiku [Obama looks to the Baltic Sea], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: http://www.ng.ru/politics/2009-10-02/3_kartblansh.html (accessed 12.07.2014).

9. Drobizheva, L.M. 2012, Rossijskaja identichnost' i soglasie v mezhetnicheskikh otnoshenijah: opyt 20 let reform [Russian identity and harmony in interethnic relations: experience of 20 years of reform], *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of the Russian nation], no. 4—5, available at: http://rosnation.ru/?page_id=1064 (accessed 01.06.2014).

10. Kolosov, V.A. 2011, Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primeneniya v Rossii [Critical geopolitics: the basis of the concept and experience of its use in Russia], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 4, p. 31—52.

11. Kolosov, V.A., Zotova, M.V. 2011, Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: opyt primeneniya metodov "kriticheskoy geopolitiki". "Kriticheskoe" napravlenie v geopolitike: stala li, nakonec, geopolitika naukoy? [Geopolitical vision of the world as Russian citizens: the experience of application of "critical geopolitics." "Critical" in the direction of geopolitics: Whether became finally geopolitics science?]. In: Kaledin, N.V., Chistobaev, A.I. (eds.), *Geograficheskoe prostranstvo Rossii: obraz i modernizacija* [Geographical space of Russia: the image and modernization], St. Petersburg, p. 92—114.

12. Kolosov, V.A., Zotova, M.V. 2012, Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: pochemu Rossija ne Evropa? [Geopolitical vision of the world as Russian citizens, why Russia is not Europe?], *Polis* [policy], no. 5, p. 170—187.

13. Krylov, M.P. 2012, Kategorija «identichnost'» v kontekste problemy pri-granichij [The category of "identity" in the context of the borderland], *Mir psihologii* [World of Psychology], no. 1, p. 137—151.

14. Sebentsov, A., Zotova, M. 2013, Geography and economy of the Kaliningrad region: limitations and prospects of development, *Balt. Reg.*, no. 4 (18), p. 81—94. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-4-8.

15. *Obshhestvennoe mnenie — 2009* [Public Opinion — 2009], Moscow, Levada Center, 208 p.

16. *Obshhestvennoe mnenie — 2012* [Public Opinion — 2012], Moscow, Levada Center, 232 p.

17. Ryabushev, A. 2010, Zavershaetsja podgotovka k final'noj chasti akcii «Kaliningrad — uznik Evropy» [Preparation for the final part of the campaign "Kaliningrad — the prisoner of Europe"], *Nezavisimaya Gazeta*, available at: <http://www.ng.ru/regions/2010-10-22/5kenig.html> (accessed 14.07.2014).

18. Fedorov, G.M. 2010, The Kaliningrad dilemma: a 'development corridor' or a 'double periphery'? The geopolitical factor of the development of the Russian exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. DOI: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.

19. Fedorov, G.M., Zverev, Yu.M., Korneets, V.S. 2013, Rossija na Baltike: 1990—2012 gody [Russia on the Baltic Sea: 1990—2012 years], Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University, 252 p.

20. Tsyganok, A. 2008, Spisok ugroz rasshirjaetsja [Expands the list of threats], *Nezavisimaya Gazeta*, no. 42 (4283).

21. Houtum, H. van. 1999, Internationalisation and Mental Borders, *Tijdschrift voor Econimische en Sociale Geografie*, Vol. 90(3), p. 329—335.
22. Houtum, H. van. 2005, The Geopolitics of Borders and Boundaries, *Geopolitics*, Vol. 10(4), p. 672—679.
23. Kolosov, V. 2013, The vision of Europe and the world from large powers: the case of BRIC, *Geografia Polonica*, no. 2, p. 89—98.
24. Konrad, V., Nicol, H.N. 2011, Border Culture, the Boundary Between Canada and the United States of America, and the Advancement of Borderlands Theory, *Geopolitics*, Vol. 16, p. 70—90.
25. Kramsch, O. 2011, Regulating European borders: a cultural perspective. In: Veggeland, N. (ed.) *Innovative regulatory approaches: coping with Scandinavian and European policies*, New York, Nova Science Publishers.
26. O'Loughlin, J., Kolossov, V., Toal, G. 2004, A Risky Westward Turn? Putin's 9—11 Script and Ordinary Russians. *Europe — Asia Studies*, Vol. 56, no. 1, p. 3—34.
27. Parker, N., Vaughan-Williams, C. 2012, Critical Border Studies: Broadening and deepening the “lines in the sand” agenda, *Geopolitics*, Vol. 17, p. 727—733.
28. Rumford, C. 2011, Interventions on rethinking “the border” in border studies, *Political Geography*, Vol. 30, p. 67—68.
29. Sahlins, P. 1989, *Boundaries: The making of France and Spain in the Pyrenees*, Berkeley and Los Angeles, University of California Press.
30. Sidaway, J. D. 2001, Rebuilding bridges: a critical geopolitics of Iberian transfrontier cooperation in a European context, *Environment and Planning D: Society and Space*, Vol. 19, p. 743—778.
31. Wastl-Walter, D. (ed.), 2011, *The Ashgate Research Companion to Border Studies* Farnham, UK, Ashgate.

About the authors

Prof. Vladimir Kolosov, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Dr Olga Vendina, Leading Research Fellow, Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

УДК 339.92; 327

**МЕСТНОЕ
ПРИГРАНИЧНОЕ
ПЕРЕДВИЖЕНИЕ
КАК ФОРМА
ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
ВИЗОВОГО РЕЖИМА
И РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ**

Г. В. Кретинин*
Д. А. Миронюк*

Рассматривается вопрос либерализации визового режима между Россией и Европейским Союзом, который представляет собой один из наиболее значимых аспектов дипломатического сотрудничества сторон. Целью исследования стало определение основных результатов сотрудничества по данному вопросу между Россией и ЕС. Авторами проведен краткий исторический анализ этой сферы внешних взаимоотношений. Тема регионализации визовой проблемы изучалась в контексте выделения основных акторов переговорного процесса России и ЕС: Калининградской области, Германии, Польши и Литвы. В своей работе авторы опирались на первичные источники — межправительственные соглашения России и ЕС об упрощении приграничного передвижения, статистику пересечений пограничных переходов Калининградской области в рамках местного приграничного передвижения, материалы экспертных интервью, а также аналитические доклады по теме.

Особое внимание уделено местному приграничному передвижению как наиболее эффективной форме взаимодействия в сфере упрощения визового режима и развития приграничных территорий. По результатам оценки позиции основных участников переговорного процесса по данному вопросу авторами делается вывод об успешности местного приграничного передвижения между Калининградской областью России и приграничными воеводствами Польши, что свидетельствует о целесообразности ускоренного перехода на безвизовый режим с ЕС.

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 10.07.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-2

© Кретинин Г. В., Миронюк Д. А., 2014

Ключевые слова. Россия, Европейский союз, безвизовый режим, местное приграничное передвижение, пересечение границы, поставки энергоносителей, сотрудничество

Введение

Вопрос безвизового режима перемещения граждан между Россией и Европейским союзом напрямую обозначился в начале 2000-х гг. [23, с. 29]. В 2003 г. была достигнута договоренность о том, что визовая проблема является «долгосрочной перспективой» в двусторонних отношениях [31].

Однако эксclave особенности Калининградской области РФ обусловили необходимость решения отдельных визовых вопросов в более короткие сроки (введение системы выдачи упрощенных проездных документов российским гражданам для их перемещения через Литву при следовании из Калининградской области на основную часть России на автомобиле и по железной дороге и наоборот; вступление в силу с 1 июня 2007 г. Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза, в результате которого был сделан ряд визовых упрощений для некоторых социальных групп граждан [15].

МИД РФ предпринимало усилия по включению визового вопроса (его калининградского аспекта) в новое стратегическое соглашение о сотрудничестве между РФ и ЕС. В 2008—2010 гг. был сформулирован перечень предложений по нерешенным вопросам: введение для калининградцев практики предоставления виз с ограниченным территориальным действием (въезд и пребывание на территориях нескольких государств); восстановление практики выдачи калининградцам национальных литовских и польских виз (прекращена в конце 2007 г.); предлагалось обсудить возможность выдачи бесплатных шенгенских виз жителям Калининградской области, были сформулированы предложения по упрощению оформления виз для участников приграничного сотрудничества [24]. Но эти предложения со стороны ЕС приняты не были.

Определенный прорыв в решении визовой проблемы наметился в 2010 г. На саммите Россия — ЕС в Ростове-на-Дону Россия представила руководству Евросоюза проект двустороннего соглашения об отмене визовых требований. В этом проекте не шла речь об отмене всех ограничений на право перемещения по территории России и ЕС. Россия предлагала включить ее в состав более 50 стран мира, имеющих специальные договоренности с Евросоюзом [21]. Однако у руководства ЕС не хватило политической воли обозначить конкретные вехи решения проблемы. «Переход на безвизовый режим должен быть поступательным процессом», — заявил заместитель главы представительства ЕС в России Майкл Уэбб, по сути, возвращаясь к позиции «долгосрочной перспективы», заявленной Брюсселем еще в 2003 г. [28]. На этом фоне актуализировалась тема регионализации визовой проблемы на северо-западе России, прежде всего в Калининграде. К осени 2010 г. эксперты выделили основных акторов переговорного процесса России и ЕС: Калининградскую область, Германию, Польшу и Литву.

Европейский союз

Позиции ЕС по визовой проблеме неоднозначны и во многом подвержены влиянию внутривнутриполитической конъюнктуры в том или ином государстве — члене союза. Учреждение шенгенской системы в рамках формирования общей политики охраны границ также привело к неоднозначным последствиям, где границы нескольких государств — членов ЕС выполняют функцию внешней границы всего Евросоюза и несут основную ответственность за соблюдение правил въезда иностранцев на территорию ЕС [20, с. 500]. В особенности данное утверждение относится к странам Балтии, и в первую очередь к Литве — непосредственному соседу Калининградской области.

В целом европейская позиция по калининградскому аспекту визовой проблемы базируется на Регламенте 1931/2006, одобренном Европейским парламентом и Советом ЕС в конце 2006 г., который разрешает странам — членам ЕС устанавливать на своих внешних границах с третьими государствами упрощенный визовый режим на основе местного приграничного передвижения [22]. Суть приграничного передвижения сводится к тому, что жители приграничных территорий с обеих сторон вправе в упрощенном порядке посещать страны соседей «на глубину» в 30 км (в исключительных случаях — 50).

Тем не менее формальное следование правилам данного регламента в случае Калининградской области может привести к разделению ее населения на три категории: жители, которые смогут посещать либо только Польшу, либо только Литву (имеется в виду режим местного приграничного передвижения), либо ни одну из двух стран. То есть жители области, проживающие в муниципалитетах, отдаленных от границы на расстояние больше чем 30—50 километров, вообще не смогут пользоваться таким режимом передвижения.

Германия

Позиция отдельных членов ЕС существенно отличается как от общей позиции, так и друг от друга. Наиболее конструктивный подход к решению калининградской визовой проблемы проявляют страны так называемой старой Европы — ФРГ и Франция.

Позиция ФРГ, озвучиваемая на протяжении 2009—2010 гг., была зафиксирована федеральным канцлером ФРГ А. Меркель в сентябре 2010 г., когда она заявила о возможности введения безвизового режима для Калининградской области: «...визовый режим для калининградцев может быть отменен» [1]. Позиция противоречивая, так как 19 октября 2010 г. в итоговом заявлении глав трех государств (Франции, Германии и России) на встрече в Довиле выражалась надежда, что уже на предстоящем в декабре 2010 г. в Брюсселе саммите Россия — ЕС будет достигнут прогресс в отношении совместных шагов по пути к безвизовому режиму поездок между РФ и ЕС [25]. Частная калининградская проблема таким образом встраивалась в общую канву безвизовой проблемы, но не снималась с повестки дня.

Действия Германии в решении калининградского визового вопроса могут быть объяснены, в частности, новым витком германо-российского сотрудничества и включением региона в систему экономического сотрудничества двух стран как весьма перспективного звена для реализации совместных экономических проектов в инновационной сфере, а также в контексте энергетической безопасности (вероятное участие в потреблении электроэнергии Балтийской АЭС).

В целом оживление немецкого интереса к Калининградской области свидетельствует о корректировке курса Германии по отношению к ней на уровне высшего политического руководства ФРГ и готовности активизировать германо-российское экономическое сотрудничество в регионе. В данном случае ФРГ может выступать как локомотив по лоббированию вопроса распространения на Калининград безвизового режима.

Польша

Польша в 2010 г. также активно выступала за упрощение визового режима. Так, в апреле 2010 г. в письме, направленном в Еврокомиссию, министры иностранных дел России и Польши С. Лавров и Р. Сикорский предложили распространить на жителей всей Калининградской области особые условия пограничного сообщения: «Жители одной части области могут воспользоваться правилом пограничного сообщения, а жителям другой в этом отказано... В частности, это правило не распространяется на население Калининграда». С. Лавров и Р. Сикорский призвали Еврокомиссию принять во внимание особенности региона [16].

Примером совместных действий относительно облегчения визового вопроса для калининградцев специалистами расценивается встреча министров иностранных дел стран так называемого Веймарского треугольника (Германия, Франция и Польша) с участием России в июне 2010 г., когда Россия и Польша договорились об упрощении визового режима между Калининградом и польскими приграничными районами. Данная договоренность была поддержана всеми участниками встречи. «Расширение приграничного сообщения между Польшей и Калининградом — это важный политический сигнал, учитывая историческое прошлое. Это улучшит жизнь в регионе», — отметил тогда министр иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле [4]. В данном контексте эффективным является использование МИД России механизмов двусторонних и многосторонних полуформальных встреч с представителями государств — членов ЕС, чтобы лоббировать отмену визового режима в условиях, когда Европейская комиссия продолжает настаивать на поэтапном процессе [5, с. 20].

В конце июля 2010 г. Р. Сикорский, прибывший в Калининградскую область с рабочим визитом, еще раз подтвердил, что Польша готова подписать договор о безвизовом режиме, распространяющемся на всю Калининградскую область, а не только на разрешенную шенгенским регламентом 30-километровую приграничную зону. «Мы сделаем все, чтобы убедить ЕС изменить существующие инструкции. Если не

получится, то мы готовы взять на себя риск введения такого договора, даже если это кому-то в Брюсселе не нравится. Польша и Россия показывают Европе свою совместную позицию и убеждают в ней Европу», — заявил польский министр [17].

Польская позиция была также озвучена в сентябре 2010 г. заместителем председателя комиссии по иностранным делам Сейма Польши Т. Ивиньским. Парламентарий отметил, что в Варшаве рассчитывают «на скорейшую реализацию большого безвизового проекта для Калининградской области. Собственно, за это высказываются и Москва, и Варшава. Мы за то, чтобы полностью «открыть» всю Калининградскую область на безвизовый режим с Польшей. Надо сделать так, чтобы это касалось всех жителей Калининградской области, а не только приграничной зоны» [3].

Такие действия со стороны польского руководства рассматривались в контексте заинтересованности активизировать приграничное экономическое сотрудничество между Польшей и Калининградской областью РФ, что могло бы стать фактором развития этих регионов [13, с. 38]. Под региональным развитием мы понимаем экономическое развитие, порожденное факторами, действующими в рамках данного географического пространства [9, с. 3]. Так, с ноября 2010 г. начались активные переговоры и процесс размещения части производства польских предприятий на территории Калининградской области с целью приближения польской продукции к российским рынкам, а также с целью использования калининградцев в качестве более дешевой рабочей силы на этих предприятиях. Представителями польского бизнеса (Торгово-промышленной палаты Варминско-Мазурского воеводства) в 2011 г. была озвучена идея по привлечению калининградских специалистов на работу в приграничные территории Варминско-Мазурского воеводства, которая является специальной экономической зоной. Польский бизнес всерьез обсуждает возможность приобретения электроэнергии от строящейся в Калининградской области Балтийской АЭС или того, что будет сооружено на ее месте.

Литва

Позиция литовской стороны изначально предусматривала существенное облегчение визового режима для жителей Калининградской области и приграничных районов Литвы. Однако это относилось именно к 30-километровой зоне вдоль обеих сторон границы. При этом выражалась надежда, что в будущем удастся добиться для калининградцев такого режима, при котором они могли бы посещать всю территорию соседней республики без виз. Так, в июле 2009 г. Литва участвовала в совместном трехстороннем обращении (Литва, Польша, Россия) к руководству Европейского союза с просьбой смягчить визовый режим для жителей Калининградской области и интенсифицировать сотрудничество в проработке местного приграничного передвижения на границе Калининградской области, Литвы и Польши [27].

В 2010 г. акценты литовского руководства существенным образом поменялись. Уже в июне 2010 г. премьер-министр Литвы А. Кубилюс сообщил, что Литва поддерживает только лишь идею упрощенного порядка передвижения для жителей определенной приграничной зоны, как это допускается законом ЕС. Но чтобы такой порядок действовал для всей Калининградской области, необходимо решение соответствующих руководящих органов ЕС [6].

Изменения в общей линии литовского руководства окончательно были закреплены в августовском сообщении пресс-секретаря МИД Р. Качинскаса, после того как представители польского правительства выразили желание обратиться к партнерам по ЕС с тем, чтобы соглашение Польши и России о передвижениях жителей приграничья охватывало всю Калининградскую область: «Литва не рассматривает возможности присоединения к обращению Польши. Мы считаем, что прежде всего мы должны подписать договор в рамках действующего регламента ЕС, то есть в рамках действующего шенгенского регламента» [12]. Заместитель министра иностранных дел Э. Игнатавичус подтвердил данную позицию, подчеркнув, что есть опасения, «связанные с требованиями безопасности, контрабандой и попаданием подакцизных товаров на территорию Литвы, что выражается в конкретных цифрах и убытках для нашей экономики» [14].

Таким образом, довольно резко изменившаяся позиция Литвы существенно повлияла на замедление переговорного процесса по визовой проблематике и ослабила фронт давления на Брюссель, уменьшив количество подписантов обращения по улучшению ситуации (по примеру совместных российско-польских и российско-польско-литовских обращений 2009—2010 гг.).

Эксперты обращают внимание на то, что резкое изменение позиции Литвы в визовом вопросе по Калининградской области могло быть связано с общим обострением отношений Варшавы и Вильнюса из-за проблем национальных меньшинств в Литве. Не устраивало Литву и отношение Польши к перспективным энергетическим объектам на территории Калининградской области. Тем самым «рушилась стена», возводимая Литвой вокруг российского энергетического объекта в Калининградской области. Такое состояние отношений между Вильнюсом и Варшавой, еще недавно выступавших заодно против европейских инициатив в направлении Российской Федерации, в значительной степени подпортило имидж Литвы. Позиция Вильнюса требовала объяснений, с которыми выступила президент Д. Грибаускайте. Она, наоборот, отметила, что «Литва ничего не собирается блокировать, если Россия договорится с Брюсселем». «Польско-российская инициатива — это просто пиар», — подчеркнула президент. Новостной портал «Делфи» (Delfi) процитировал: «Если ЕС решит, что Россия, или Белоруссия, или какая-либо третья страна готова к безвизовому режиму и является надежным партнером, то Литва ни в коей мере не будет протестовать» [10].

В сообщениях СМИ обращалось внимание на то, что позиция Литвы по Калининградской в частности и по российской в целом визовой

проблеме была более приемлема для Еврокомиссии. Об этом сообщала польская сторона 21 февраля 2011 г. в Калининграде на трехсторонней встрече парламентариев Россия — Германия — Польша. Еврокомиссия в то время выступала против распространения соглашения о местном приграничном передвижении на всю Калининградскую область [26].

В июне 2014 г. стало известно, что руководство Литвы на данный момент не рассматривает вопрос о введении режима местного приграничного передвижения с Калининградской областью. Об этом сообщил посол России в Литве Александр Удальцов на встрече в Правительстве Калининградской области: «Сегодня все наши двусторонние структуры, которые призваны содействовать сотрудничеству, заморожены. И я как посол вынужден это признать. Это не наша инициатива. Это линия литовской стороны. И линия, если хотите, Евросоюза. И мы пытаемся и в этой непростой ситуации поднимать те вопросы, которые нас интересуют. И в числе этих вопросов вопрос об МПП. Внятного ответа мы не дождались. Ответ у литовской стороны негативный на данный момент» [11]. Александр Удальцов также подчеркнул, что в приграничных районах Литвы жители выступают за введение МПП, особенно бизнесмены и политики [11].

Прорыв в достижении успеха в подобной форме безвизового передвижения был достигнут на польском направлении.

Подписание 14 декабря 2011 г. в Москве Соглашения о местном приграничном передвижении (МПП) между Калининградской областью РФ и северными воеводствами Польши открыло перспективы для выстраивания нового формата сотрудничества не только между соседними регионами двух государств, но и в целом между Россией и ЕС. В преамбуле документа прямо говорится, что соглашение подписано «исходя из желания поддерживать и укреплять добрососедские отношения между двумя государствами, а также сотрудничество в экономической, торговой, технической, культурной и других областях, принимая во внимание особенности географического положения Калининградской области Российской Федерации, желая содействовать развитию контактов между жителями приграничных территорий путем упрощения порядка их взаимных поездок» [30].

Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Польша о порядке местного приграничного передвижения вступило в силу 27 июля 2012 г.

По данным Польского культурно-делового центра в Калининграде, каждый второй калининградец в настоящее время въезжает в Польшу по программе местного приграничного передвижения. Всего с июля 2012 по июль 2014 г. Генеральное консульство Республики Польша в Калининграде выдало более 200 тыс. соответствующих разрешений [29]. Согласно информации пресс-службы Варминско-Мазурского отдела пограничной службы в Кентшине (Республика Польша), за период действия программы жители области пересекли границу с Польшей, используя карточки МПП, почти 2,5 млн раз [33].

Действующее уже два года Соглашение дает возможность оценить его положительные и негативные стороны, чтобы сделать выводы о

дальнейших перспективах. Прежде всего эксперты обращают внимание на исключительность такой формы пересечения границы, связанной с увеличением глубины зоны посещения иностранцами территории в северо-восточных воеводствах Польши и Калининградской области РФ. Зона с облегченным визовым режимом по условиям Соглашения распространяется на всю Калининградскую область с российской стороны, а также на части Поморского (Гдыню, Гданьск, Сопот, Пуцкий, Новодвурский и Мальборгский районы) и Варминско-Мазурского воеводств (Бранево, Эльблонг, Лидзбарк, Бартошице, Ольштын, Кентшин, Мронгово, Гжицко, Олецк, Венгожево) со стороны Польши. В качестве несомненного достижения дипломатии обоих государств отмечается уникальность достигнутых соглашений: подобный режим пересечения границы не удалось ввести с Литвой (Вильнюс категорически не согласен с увеличением глубины зоны посещения его территории россиянами свыше 50 км), а вступившее летом 2014 г. в действие аналогичное соглашение между РФ и Латвией определяет глубину такой зоны в 30 км [2].

В интервью корреспонденту РИА Новости в Варшаве посол Польши в РФ Катажина Пелчиньска-Наленч отметила, что «Польша была очень заинтересована малым приграничным движением с Калининградом. Это был интерес обеих сторон — и России, и Польши; все делалось для облегчения жизни граждан наших двух стран. И результат превзошел наши ожидания: граница уже не является барьером для поездов друг к другу. Хочу подчеркнуть, что Польша выступала в ЕС за скорейшее введение безвизового режима с РФ. Если говорить о работе наших консульских учреждений в России, то могу отметить, что консульские службы Польши в РФ выдают очень много виз, в том числе виз долгосрочных и многоразовых. В 2013 году мы выдали в России 143 799 шенгенских виз сроком действия до одного года, 75 545 виз двухлетних, 4 993 визы трехлетних, 689 виз четырехлетних и 27 виз сроком действия на пять лет. Мы заинтересованы в том, чтобы как можно больше граждан России приезжали в Польшу. И как можно чаще. Для нас важно, чтобы россияне знали, каким соседом является Польша». На вопрос о стратегических проблемах в двусторонних отношениях России и Польши она ответила, что «сейчас у нас ухудшение на линии Москва — Варшава, но это ухудшение отношений не между РФ и Польшей, а между РФ и ЕС. Второе, вопросы энергетики: здесь у нас различные интересы. Польша заинтересована в диверсификации поставок энергоносителей, Россия заинтересована в активном присутствии на рынке Польши и ЕС. Россия иначе подходит к европейскому энергетическому законодательству» [19].

Выступая в качестве эксперта, Юстина Шубстарска, пресс-секретарь Варминско-Мазурского отдела пограничной службы в Кентшине (Республика Польша), который управляет пограничными переходами в Голдапе, Безледах, Гроново и Гжехотках, заявила, что «сегодня мы знаем, что малое приграничное передвижение Польши с Калининградской областью — это успех. Не только пограничных служб, но также и путешественников. Об этом свидетельствует факт, что сейчас каждый

второй россиянин, приезжающий в Польшу, предъявляет разрешение МПП, а путешественников в рамках МПП из месяца в месяц прибывает. Пересечение границы на основании МПП — это гораздо более быстрый способ. На дорожных погранпереходах в Голдапе и Безледах 59 % иностранцев ездит с такими разрешениями. <...> В декабре прошлого [2013] года впервые число туристов в рамках МПП превысило число путешественников с визами. Наиболее рекордным оказалось 3 января этого [2014] года, перед российским праздником Рождества Христова, когда за один день границу с Польшей пересекло 30 тысяч жителей Калининградской области», — добавила она [8] (табл.).

**Количество граждан РФ, въехавших в Польшу
в рамках местного приграничного передвижения
(общие данные по всем погранпереходам), тыс. чел. [33]**

Месяц	Количество человек
<i>2012 год</i>	
Август	36
Сентябрь	1460
Октябрь	3118
Ноябрь	7562
Декабрь	15 100
<i>2013 год</i>	
Январь	16 376
Февраль	22 036
Март	47 358
Апрель	56 077
Май	75 105
Июнь	93 908
Июль	111 616
Август	141 591
Сентябрь	121 170
Октябрь	139 982
Ноябрь	149 121
Декабрь	184 426
<i>2014 год</i>	
Январь	148 079
Февраль	132 193
Март	132 896
Апрель	111 136
Май	132 138
Июнь	153 812
На 15 июля	72 932

В качестве позитивных моментов отмечаются также возможность взаимного экономического проникновения и увеличившийся потенциал для туристических поездок, что, в частности, для калининградцев в условиях эксклавности области имеет большое психологическое значение.

По информации пресс-секретаря Таможенной палаты в Ольштыне (Польша) Ричарда Худы, в 2014 г. калининградцы потратили в Польше

порядка 92 млн злотых (порядка 1,72 млрд рублей) на товары, с которыми можно въезжать в Россию и вернуть за них НДС. Из статистики таможенной службы следует, что за аналогичный период предыдущего года — с января до середины августа — россияне заявили на границе счета такс-фри за товары стоимостью 48 млн злотых (порядка 701,280 млн рублей). Он также отметил, что в течение года стоимость покупок россиян из Калининградской области выросла в два раза [32].

Особую важность здесь играет частичная схожесть экономического развития соседних приграничных муниципалитетов и, естественно, социальное самочувствие граждан по обе стороны границы в последние годы. В частности, в Варминско-Мазурском воеводстве традиционно высок уровень безработицы, которая во многом стала следствием закрытия российско-польской границы после вступления Польши в Европейский союз в 2004 г. Районы Калининградской области, непосредственно примыкающие к российско-польской границе, также испытывают социальное давление из-за дефицита рабочих мест. И хотя соглашение не предусматривает разрешения на трудовую деятельность в соседней стране, занятость собственного населения в различных сферах при такой форме пересечения границы явно повышается.

В июне 2014 г. состоялось XIV заседание Российско-польского совета по сотрудничеству, сопредседателем которого со стороны России был губернатор Калининградской области Николай Цуканов, а с польской — первый замминистра внутренних дел Польши Петр Стаханчик. В рамках данного заседания Петр Стаханчик сообщил, что «польская и российская стороны завершили процедуру подготовки соглашения о приграничном железнодорожном сообщении. Теперь польская сторона ожидает резолюции Еврокомиссии». По его словам, планируется увеличить число полос на пограничном переходе в Гжехотках. Переход в Голдапе предполагается сделать доступным для грузовых автомобилей. «Для этого мы должны провести модернизацию дорог в направлении Голдапа. На эти цели мы постараемся получить национальные средства и средства Евросоюза», — отметил замминистра внутренних дел Польши [7].

Заключение

Тем не менее, несмотря на позитивное развитие отношений и большую занятость населения, появился ряд проблемных моментов, которые отчасти влияют на новый режим перемещения. Проблемы существуют с обеих сторон границы.

В первую очередь польские эксперты выделяют технические проблемы, связанные с пересечением границы с российской стороны, на которой скапливается большое количество польских перевозчиков бензина, занимающихся по сути контрабандной доставкой в Польшу более дешевого российского бензина. Польская сторона вынуждена вводить регламенты пересечения границы для своих граждан, занимающихся перевозкой бензина. Есть сообщения, что на территории Варминско-Мазурского воеводства появляются польские криминальные элементы, которые начинают координировать действия перевозчиков российского бензина.

Есть негативные моменты и для российской стороны, в частности для представителей розничной торговли и крупных торговых сетей, так как значительная часть калининградцев осуществляет покупки в польских магазинах по значительно более низким ценам. Разница в ценовой политике двух регионов — Калининградской области и Варминско-Мазурского воеводства — предмет отдельного разговора. Но эта разница существенным образом влияет на спрос на товары на калининградском, прежде всего продовольственном, рынке.

По мнению российских экспертов, существенный фактор, влияющий на образование цены на продукты питания и сельскохозяйственную продукцию в Калининграде, — это эксклавность региона и связанные с ним проблемы большого транспортного плеча при перевозке из России и обратно, тарифных ставок, пересечения границ и таможенного оформления. В свою очередь, производители в Варминско-Мазурском воеводстве таких проблем не испытывают.

Следует отметить, что в польских СМИ появились высказывания представителей муниципальных властей в Поморском и Варминско-Мазурском воеводствах о желании и дальше увеличить глубину зоны действия режима местного приграничного передвижения или изменении его формы (не только по суше, но и по морю) [18]. Опыт первых двух лет приграничного сотрудничества показал, что роста преступности, чего особенно опасались противники такого формата передвижения, не происходит, не возрастают иные угрозы, что свидетельствует, кстати, о возможности спокойного движения в сторону введения безвизового режима. Главной же причиной расширения зоны действия МПП муниципальные власти называют заинтересованность местного бизнеса, ориентированного на туризм и реализацию сельскохозяйственной продукции.

Однако, по мнению польских экспертов, расширение польской территории, подпадающей под действие соглашения о местном приграничном передвижении, вряд ли произойдет в ближайшее время. Варшава при всем желании в данном случае не может самостоятельно решить этот вопрос. Все упирается в позицию Европейского союза, в ведении которого находится изменение форматов приграничного сотрудничества во всех регионах. Требуется согласование со странами Евросоюза очередного изменения порядка расширения зоны. Впрочем, в данном случае интересы польских муниципалитетов зависят от действия самой польской стороны, способной выступить с соответствующей инициативой перед Брюсселем.

Для России же успешное развитие процесса такой формы передвижения через границу является дополнительным аргументом в ускоренном продвижении к безвизовому режиму с ЕС.

Список литературы

1. Ангела Меркель: визовый режим для Калининградской области может быть отменен // Российская газета. 2010. 7 сент. : [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2010/09/07/viza-anons.html> (дата обращения: 29.08.2014).

2. *Безграничные* возможности // Российская газета 2013 г. 2 июля. : [сайт]. URL: <http://rg.ru/2013/07/02/reg-szfo/graniza.html> (дата обращения: 27.10.2013).

3. *В Варшаве* рассчитывают «на скорейшую реализацию большого безвизового проекта для Калининградской области» // Калининград.ru : [информационно-аналитический портал]. URL: <http://kgd.ru/news/item/6930> (дата обращения: 29.08.2014).

4. «*Веймарский* треугольник» за расширение сотрудничества между ЕС и Россией // Информационное агентство и медиахолдинг «Deutsche Welle» : [сайт]. URL: <http://www.dw.de/a-5724846> (дата обращения: 29.08.2014).

5. *Войников В. В., Корнеев О. В.* Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 20—37.

6. *В Польше* удивлены, что Литва уже давно тормозит открытие приграничного безвизового движения с Россией // Информационное агентство «REGNUM» : [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1314519.html#ixzz3VnL4Tka3> (дата обращения: 26.10.2013).

7. *В Польшу* можно будет и на поезде // Страна Калининград. 2014. 19 июня : [сайт]. URL: <http://strana.klops.ru/news/Zhizn-Kaliningrada-i-oblasti/82935/V-Poljsu-mozno-budet-i-na-poezde.html> (дата обращения: 21.08.2014).

8. *Граница* процветает. Два года МПП // Польский культурный центр в Калининграде : [сайт]. URL: <http://www.polska-kaliningrad.ru/home/10-newsfrompoland/3660-granitsa-protsvetaet-dva-goda-mpp> (дата обращения: 31.08.2014).

9. *Жабрєв А. А., Леонтьева А. Н., Межевич Н. М.* Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3—9.

10. *Лавров:* Литва «не очень активна» в вопросе безвизового режима // «DELFI» : [новостной интернет-портал]. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/lavrov-litva-ne-ochen-aktivna-v-voprose-bezvizovogo-rezhima.d?id=42855967> (дата обращения: 26.10.2013).

11. *Литва* заморозила переговоры о малом приграничном передвижении с Калининградской областью // Информационное агентство «Росбалт» : [сайт]. URL: <http://www.rosbalt.ru/kaliningrad/2014/06/09/1278562.html> (дата обращения: 31.08.2014).

12. *Литва* не желает безвизового режима с Калининградом // Информационное агентство «Росбалт» : [сайт]. URL: <http://m.rosbalt.ru/main/2010/08/09/760618.html> (дата обращения: 29.08.2014).

13. *Межевич Н. М., Жук Н. П.* Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки // Балтийский регион. 2013. № 1 (15). С. 38—52.

14. *МИД* Литвы: предложения Польши не соответствуют требованиям Шенгена // Новый Калининград.Ru : [новостной интернет-портал]. URL: <http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/k1119062.html> (дата обращения: 26.10.2013).

15. *Министерство* иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/Bpr_4.nsf/arh/D2FDBE95F19D148EC325717D002FFDCC (дата обращения: 29.08.2014).

16. *Москва* и Варшава призвали ЕС открыть границы с Калининградской областью // Новостной интернет-портал «DELFI» : [сайт]. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/moskva-i-varshava-prizvali-es-otkryt-granicy-s-kaliningradskoj-oblastyu.d?id=30297729> (дата обращения: 29.08.2014).

17. *Польша* выступает за визовые льготы жителям Калининградской области // Калининград.ru : [информационно-аналитический портал]. URL: <http://kgd.ru/news/item/5940> (дата обращения: 29.08.2014).

18. *Поляки* хотят развивать малое приграничное передвижение по воде // Там же. URL: <http://kgd.ru/news/item/26951-polyaki-hotyat-razvivat-maloe-prigranichnoe-peredvizhenie-po-vode> (дата обращения: 27.10.2013).

19. *Посол* Польши: поляки и россияне должны иметь шанс понять друг друга // Информационно-аналитическое агентство «РИА Новости» : [сайт]. URL: <http://ria.ru/interview/20140812/1019699889.html#ixzz3Vzi2hKdY> (дата обращения: 31.08.2014 г.).

20. *Потемкина О.Ю.* Проблема доверия России и ЕС в рамках общего пространства свободы, безопасности и правосудия // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М., 2012. С. 500—518.

21. *Пресс-конференция* по итогам встречи на высшем уровне Россия — Европейский союз // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9730> (дата обращения: 29.08.2014).

22. *Регламент* (ЕС) № 1931/2006 Европейского парламента и Совета от 20 декабря 2006 г. об установлении правил в отношении малого пограничного движения на внешних сухопутных границах государств-членов и об изменении положений Шенгенской конвенции // Европейский союз и Россия. Законодательство и практика : [интернет-портал]. URL: <http://eu-law.ru/2011/06/reglament-es-o-malom-pogranichnom-dvizhenii/> (дата обращения: 29.08.2014).

23. *Рожков-Юрьевский Ю.Д.* Перспективы трехстороннего приграничного сотрудничества с участием Калининградской области // Вестник Балтийского научного центра. Калининград, 2006. № 1 (24). С. 29—33.

24. *Российские* дипломаты подготовили для ЕС «пакет» предложений по решению по визовой проблеме Калининградской области // Московские новости. Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг» : [сайт]. URL: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?newstime/2008/10/24/32178079> (дата обращения: 29.08.2014).

25. *Российско-французско-германские* переговоры // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/9286> (дата обращения: 29.08.2014).

26. *Россия, Германия и Польша* обсуждают планы совместного сотрудничества // Mail.ru : [интернет-портал]. URL: <http://my.mail.ru/video/bk/vesti.ru/politics/47135.html#video=bk/vesti.ru/politics/47135> (дата обращения: 26.10.2013).

27. *РФ, Литва, Польша* предложат ЕС смягчить визовый режим для Калининграда // Новый Калининград.Ru : [новостной интернет-портал]. URL: <http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/k872155.html> (дата обращения: 26.10.2013).

28. *Самойлова С.* В безвизовый режим через Германию // Политком.ru: [информационный сайт политических комментариев]. URL: <http://politcom.ru/10443.html> (дата обращения: 29.08.2014).

29. *С начала 2014 года* российско-польскую границу по МПП пересекли 4 миллиона человек // BezFormata.Ru : [новостной интернет-портал]. URL: <http://kaliningrad.bezformata.ru/listnews/polskuyu-granitcu-po-mpp-peresekli/22936997> (дата обращения: 31.08.2014).

30. *Соглашение* между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о порядке местного приграничного передвижения // Генеральное консульство Республики Польша в Калининграде : [официальный сайт]. URL: http://www.kaliningrad.msz.gov.pl/ru/consular_information/mrg_ru/umowa_ru/ (дата обращения: 27.10.2013).

31. *Топорнин Н.* Безвизовый режим между Россией и ЕС: реальность или утопия? // Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document168613.phtml> (дата обращения: 29.08.2014).

32. *92 000 000 злотых как минимум потратили в этом году калининградцы в Польше* // Польский культурный центр в Калининграде : [сайт]. URL: <http://www.polska-kaliningrad.ru/home/10-newsfrompoland/3817-92-000-000-zlotykh-kak-minimum-potratali-v-etom-godu-kaliningradtsy-v-polshe> (дата обращения: 31.08.2014).

33. *Dwa lata funkcjonowania MRG* // Варминско-Мазурский отдел пограничной службы в Кентшине (Республика Польша) : [официальный сайт]. URL: <http://www.wm.strazgraniczna.pl/archiwmu-new/85-wmosg-rzecznik-prasowy/aktualnosci/933-dwa-lata-funkcjonowania-mrg> (дата обращения: 31.08.2014).

Об авторах

Геннадий Викторович Кретинин, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, руководитель Балтийского регионального информационно-аналитического центра, Российский институт стратегических исследований, Россия.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

Денис Алексеевич Миронюк, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com

LOCAL BORDER TRAFFIC AS A FORM OF VISA LIBERALISATION AND TERRITORIAL DEVELOPMENT

G. Kretinin*, D. Mironyuk*

**Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Submitted on July 10, 2014

This article addresses the issue of visa liberalisation between Russia and the European Union, which constitutes a key aspect of the parties' diplomatic cooperation. This work sets out to identify the main results of Russia/EU cooperation. The authors have conducted a brief historical analysis of this area of relations. The visa "regionalisation" is considered in the context of identifying the key actors of the EU — Russia negotiations: the Kaliningrad region, Germany, Poland, and Lithuania. In their analysis, the authors rely mostly on primary sources: intergovernmental agreements on simplified border traffic, border-crossing statistics for the Kaliningrad re-

gion in the framework of the local border traffic, expert interviews, and related analytic reports. Specifically, local border traffic is viewed as the most effective form of interaction in the field of visa regime simplification and border territory development. An assessment of the positions of key negotiators shows that local border traffic between the Kaliningrad region of Russia and the Polish border voivodships is a success, which stresses the need for a prompt transition to a visa-free regime with the EU.

Key words: Russia, European Union, visa-free regime, local border traffic, border crossing, energy supply, cooperation

References

1. Angela Merkel': vizovyy rezhim dlja Kaliningradskoj oblasti mozhet byt' otmenen [Angela Merkel: the visa regime for the Kaliningrad region can be canceled], 2010, *Rossiyskaya Gazeta*, available at: <http://www.rg.ru/2010/09/07/viza-anons.html> (accessed 29.08.2014).
2. Bezgranichnye vozmozhnosti [Endless possibilities], 2013, *Rossiyskaya Gazeta*, available at: <http://rg.ru/2013/07/02/reg-szfo/graniza.html> (accessed 27.10.2013).
3. Pol'sha zhdet bolee intensivnyh kontaktov s novym gubernatorom Kaliningradskoj oblasti [Poland is waiting for more intensive contacts with the new governor of the Kaliningrad region], 2010, *Kaliningrad.ru*, available at: <http://kgd.ru/news/item/6930> (accessed 29.08.2014).
4. Stepovyk, M. 2010, «Vejmarskij treugol'nik» za rasshirenie sotrudnichestva mezhdue ES i Rossiej ["Weimar Triangle" for the expansion of cooperation between the EU and Russia], *Deutsche Welle*, available at: <http://www.dw.de/a-5724846> (accessed 29.08.2014).
5. Voinikov, V., Korneev, O. 2013, Problems and prospects of EU — Russia dialogue on visa-free travel, *Balt. Reg.*, no. 3 (17), p. 14—26. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-3-2.
6. V Pol'she udivleny, chto Litva uzhe davno tormozit otkrytie prigranichnogo bezvizovogo dvizhenija s Rossiej [In Poland surprised that Lithuania has long inhibits the opening of cross-border visa-free movement with Russia], 2010, *Regnum*, available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1314519.html#ixzz3BnL4Tka3> (accessed 26.10.2013).
7. Sayapina, O. 2014, V Pol'shu mozžno budet i na poezde [In Poland will be on the train], *Strana Kaliningrad*, available at: <http://strana.klops.ru/news/Zhizn-Kaliningrada-i-oblasti/82935/V-Poljsu-mozno-budet-i-na-poezde.html> (accessed 21.08.2014).
8. Granica procvetaet. Dva goda MPP [The border is booming. Two years of small frontier movement], 2014, *Pol'skij kul'turnyj centr v Kaliningrade* [Polish Cultural Center in Kaliningrad], available at: <http://www.polska-kaliningrad.ru/home/10-news-frompoland/3660-granitsa-protsvetaet-dva-goda-mpp> (accessed 31.08.2014).
9. Zhabrev, A.A., Leontieva, A.N., Mezhevich, N.M. 2011, Razvitie prigranichnogo sotrudnichestva — cel' i sovokupnost' zadach strategicheskogo razvitija Severo-Zapada Rossijskoj Federacii [Development of cross-border cooperation — a goal and a set of strategic objectives of the North-West of the Russian Federation], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij Journal], no. 2, p. 3—9.
10. Lavrov: Litva «ne ochen' aktivna» v voprose bezvizovogo rezhima [Lavrov: Lithuania "not very active" in the issue of visa-free regime], 2011, *Delfi*, available

at: <http://ru.delfi.lt/news/politics/lavrov-litva-ne-ochen-aktivna-v-voprose-bezvizovogo-rezhima.d?id=42855967> (accessed 26.10.2013).

11. Litva zamorozila peregovory o malom prigranichnom peredvizhenii s Kaliningradskoj oblast'ju [Lithuania has frozen talks on border movement of the Kaliningrad region], 2014, *Rosbalt*, available at: <http://www.rosbalt.ru/kaliningrad/2014/06/09/1278562.html> (accessed 31.08.2014).

12. Litva ne zhelaet bezvizovogo rezhima s Kaliningradom [Lithuania does not want to visa-free regime with Kaliningrad], 2010, *Rosbalt*, available at: <http://m.rosbalt.ru/main/2010/08/09/760618.html> (accessed 29.08.2014).

13. Mezhevich, N., Zhuk, N. 2013, Cross-border Specialization of Interregional Interaction: Applying New Assessment Methods, *Balt. Reg.*, no. 1 (15), p. 27—36. DOI: 10.5922/2079-8555-2013-1-3.

14. MID Litvy: predlozhenija Pol'shi ne sootvetstvujut trebovanijam Shengena [Lithuanian Foreign Minister: Poland proposals do not meet the requirements of the Schengen], 2010, *Newkaliningrad. Ru*, available at: <http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/k1119062.html> (accessed 26.10.2013).

15. Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Evropejskim soobshhestvom ob uproshhenii vydachi viz grazhdanam Rossijskoj Federacii i Evropejskogo sojuza [Agreement between the Russian Federation and the European Community on the facilitation of the issuance of visas to citizens of the Russian Federation and the European Union], 2006, 29 May, *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, available at: http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/D2FDBE95F19D148EC325717D002FFDCC (accessed 29.08.2014).

16. Moskva i Varshava prizvali ES otкрыt' granicy s Kaliningradskoj oblast'ju [Moscow and Warsaw called on the EU to open the border with the Kaliningrad region], 2010, *Deutsche Welle*, available at: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/moskva-i-varshava-prizvali-es-otkryt-granicy-s-kaliningradskoj-oblastyu.d?id=30297729> (accessed 29.08.2014).

17. Pol'sha vystupaet za vizovye l'goty zhiteljam Kaliningradskoj oblasti [Poland supports visa privileges to residents of the Kaliningrad Region], 2010, *Kaliningrad.ru*, available at: <http://kgd.ru/news/item/5940> (accessed 29.08.2014).

18. Poljaki hotjat razvivat' maloe prigranichnoe peredvizhenie po vode [Poles want to develop a small border traffic on the water], 2013, *Kaliningrad.ru*, available at: <http://kgd.ru/news/item/26951-polyaki-hotyat-razvivat-maloe-prigranichnoe-peredvizhenie-po-vode> (accessed 27.10.2013).

19. Posol Pol'shi: poljaki i rossijane dolzhny imet' shans ponjat' drug druga [Ambassador of Poland: Poles and Russians should have the chance to understand each other], 2014, *RIA Novosti*, available at: <http://ria.ru/interview/20140812/1019699889.html#ixzz3Bzi2hKdY> (accessed 31.08.2014).

20. Potemkina, O. Yu. 2012, Problema doverija Rossii i ES v ramkah obshhego prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija [The problem of trust Russia and the EU in the framework of the common space of freedom, security and justice]. In: Kaveshnikov, N. Yu., Kondratyeva, N. B. *Evropejskij Sojuz v XXI veke: vremja ispytanij* [The European Union in the XXI century: the test], Moscow, Ves' mir, p. 500—518.

21. Press-konferencija po itogam vstrechi na vysshem urovne Rossija — Evropejskij sojuz [Press conference following the summit Russia — EU], 2010, *Portal of the President of the Russian Federation*, available at: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9730> (accessed 29.08.2014).

22. Reglament (ES) № 1931/2006 Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 20 dekabrya 2006 g. ob ustanovlenii pravil v otnoshenii malogo pogrannichnogo dvizhenija

na vneshnih suhoputnyh granicah gosudarstv-chlenov i ob izmenenii polozhenij Shengenskoj konvencii [Regulation (EC) № 1931/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the establishment of rules on local border traffic at the external land borders of the Member States and to amend the provisions of the Schengen Convention], 2006, *Evropejskij Sojuz i Rossija. Zakonodatel'stvo i praktika* [The European Union and Russia. Law and Practice], available at: <http://eu-law.ru/2011/06/reglament-es-o-malom-pogranichnom-dvizhenii/> (accessed 29.08.2014).

23. Rozhkov-Yuryevsky, Yu. D. 2006, Perspektivy trehstoronnego prigranichnogo sotrudnichestva s uchastiem Kaliningradskoj oblasti [Prospects for a trilateral cross-border cooperation with the Kaliningrad region], *Vestnik Baltijskogo nauchnogo centra* [Bulletin of the Baltic Science Centre], no. 1 (24), p. 29—33.

24. Rossijskie diplomaty podgotovili dlja ES «paket» predlozhenij po resheniju po vizovoj probleme Kaliningradskoj oblasti [Russian diplomats have prepared for the EU "package" of proposals to address the problem of visa Kaliningrad region], 2008, *Moskovskie novosti* [The Moscow news], available at: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?newstime/2008/10/24/32178079> (accessed 29.08.2014).

25. Rossijsko-francuzsko-germanskie peregovory [Russian-French-German talks], 2010, *Portal of the President of the Russian Federation*, available at: <http://www.kremlin.ru/news/9286> (accessed 29.08.2014).

26. Rossija, Germanija i Pol'sha obsuzhdajut plany sotrudnichestva [Russia, Germany and Poland discuss cooperation plans], 2011, *Telekanal Rossia* [Russian TV channel], available at: <http://my.mail.ru/video/bk/vesti.ru/politics/47135.html#video=/bk/vesti.ru/politics/47135> (accessed 26.10.2013).

27. RF, Litva, Pol'sha predlozhat ES smjagchit' vizovyj rezhim dlja Kaliningrada [The Russian Federation, Lithuania, Poland offered to soften the EU visa regime for Kaliningrad], 2009, *Newkaliningrad. Ru*, available at: <http://www.newkaliningrad.ru/news/politics/k872155.html> (accessed 26.10.2013).

28. Samoilova, S. 2010, V bezvizovyj rezhim cherez Germaniju [In the non-visa regime through Germany], *Politcom. Ru*, available at: <http://politcom.ru/10443.html> (accessed 29.08.2014).

29. Maytakova, O. 2014, S nachala 2014 goda rossijsko-pol'skuju granicu po MPP peresekli 4 miliona chelovek [Since the beginning of 2014 the Russian-Polish border by WFP crossed the 4 million people], *Newkaliningrad. Ru*, available at: <http://www.newkaliningrad.ru/news/community/4122414-s-nachala-2014-goda-rossiyskopolskuyu-granitsu-po-mpp-pereseklo-4-miliona-chelovek.html> (accessed 31.08.2014).

30. Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Pol'sha o porjadke mestnogo prigranichnogo peredvizhenija [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Poland on local border movement], 2011, *General'noe konsul'stvo Respubliki Pol'sha v Kaliningrade* [Consulate General of the Republic of Poland in Kaliningrad], available at: http://www.kaliningrad.msz.gov.pl/ru/consular_information/mrg_ru/umowa_ru/ (accessed 27.10.2013).

31. Topornin, N. 2010, Bezvizovyj rezhim mezhdru Rossiej i ES: real'nost' ili utopi-ja? [Visa-free regime between Russia and the EU: reality or utopia?], *Portal MGIMO* [Portal MGIMO Universitet MID Rossii], available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document168613.phtml> (accessed 29.08.2014).

32. 92 000 000 zlotyh kak minimum potratili v jetom godu kaliningradcy v Pol'she [92 million zlotys at least spent this year Kaliningradians in Poland], 2014,

Pol'skij kul'turnyj centr v Kaliningrade [Polish Cultural Center in Kaliningrad], available at: <http://www.polska-kaliningrad.ru/home/10-newsfrompoland/3817-92-000-000-zlotykh-kak-minimum-potratili-v-etom-godu-kaliningradtsy-v-polshe> (accessed 31.08.2014).

33. Dwa lata funkcjonowania MRG, 2014, *Warmińsko-Mazurski Oddział Straży Granicznej*, available at: <http://www.wm.strazgraniczna.pl/archiwmu-new/85-wmosg-rzecznik-prasowy/aktualnosci/933-dwa-lata-funkcjonowania-mrg> (accessed 31.08.2014).

About the authors

Prof. Gennady Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Head of the Baltic Regional Information and Analytical Centre, Russian Institute for Strategic Studies, Russia.

E-mail: baltrisi@baltnet.ru

Denis Mironyuk, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
МАЛЫХ СТРАН
В ПРОЦЕССАХ
ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
(На примере
Прибалтики)**

В. А. Смирнов*

Анализируется председательство Литвы в Европейском союзе в 2013 г. в контексте украинского кризиса, оценивается вклад других стран Прибалтики (Латвии и Эстонии — бывших республик СССР) в изменение соотношения сил на постсоветском пространстве, которые возглавят ЕС в 2015 и 2018 гг. Оценивая действия малых стран по продвижению программы «Восточное партнерство» с акцентом на антироссийскую повестку дня, автор делает предположение о том, что в перспективе они несут угрозу самому ЕС. Проблема в том, что ресурсом стран Прибалтики является не просто дипломатия — в роли ресурса для них предстает Россия, неизменно интерпретируемая ими как «агрессивный и непредсказуемый сосед», который несет «угрозу с Востока». Будучи более мобильными малые страны способны к более оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях. Это позволяет им играть на внешнеполитической конъюнктуре (даже если последствия таких шагов не просчитаны в должной мере), «питаться» от нее, подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками. Особенно это касается государств, не обремененных ответственностью за глобальную стабильность.

Ключевые слова: Прибалтика, Программа «Восточное партнерство», Литва, Латвия, Эстония, Украина, малые страны.

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 20.02.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-3

© Смирнов В. А., 2014

Кризисные события на Украине ставят на повестку дня вопрос об эффективности существующей системы сдержек и противовесов в международной сфере. В отличие от действий крупных геополитических акторов, «играющих» на украинском треке, действия малых стран, которые внесли

свою лепту в сегодняшнее положение дел на Украине, как правило, исключены из сферы исследовательского интереса. Речь идет о трех странах Прибалтики, после председательства одной из которых — Литвы — во второй половине 2013 г. ситуация на Украине и перешла, по сути, в «горячую» фазу. Из бывших советских республик Литва первая «возглавила» Европейский союз. Можно ли интерпретировать случившееся с Украиной именно в период литовского руководства ЕС как прецедент? Поиск ответа на этот вопрос подталкивает к необходимости анализа перспектив иных «постсоветских» председательств: Латвия будет председательствовать в ЕС уже в первой половине 2015 г., Эстония — в 2018 г.

Украинский «пожар», последовавший за литовским председательством в ЕС, заставляет внимательнее оценивать роль, которую Прибалтийские страны стремятся играть на постсоветском пространстве, все еще находящемся спустя почти четверть века после распада СССР в «подвижном» состоянии.

Статус «малых стран» (в понимании Р. Ротстайна)¹ определяет возможности, которыми располагают Литва, Латвия и Эстония. Российский политолог М. Ильин, предложивший типологию государств на основе идей Ж. Коломера [5], малые страны (мини-государства) характеризовал следующим образом: они имеют небольшие территорию и население, выраженный комплекс зависимости (хотя иногда и могут добиваться проведения относительно самостоятельной внешней и внутренней политики), а их приоритетная функция — «нюансировка» международных отношений [17]. Впрочем, нарастание в современных условиях взаимозависимости позволяет вести речь не только о «нюансировке», но и о более заметном влиянии на решения, действия более крупных стран. Однако, считает Ильин, все же занять самостоятельную позицию мини-государства не в состоянии: располагаясь вдоль силовых линий, которые создаются мега- и макрогосударствами, малые страны способны лишь в какой-то мере отклоняться от них, создавать более или менее широкие «полосы», «дуги», «сгустки» [16, с. 14].

Государства-лидеры обладают широким набором инструментов, используемых ими для достижения своих внешнеполитических задач и опирающихся на ресурсы военного, социально-политического, экономического, идеологического характера. М. Лебедева отмечает, что, од-

---

¹ Р. Ротстайн считал малую страну государством, которое «сознает, что не способно обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должно опираться на помощь со стороны других государств, на различные институты, процессы и явления и т. п. Понимание малой страной собственного бессилия должно разделяться и другими государствами» [13, р. 29]. Можно сравнить с позицией Литвы накануне присоединения к ЕС: «Литва, являясь малой страной с ограниченными экономическими и демографическими ресурсами, не способна в одиночку эффективно реализовать свои интересы в сфере внешней политики и вопросах безопасности» (см. подробнее работу [9]). Накануне вступления Литвы в ЕС Линкявичюс был министром обороны, а в период председательства Литвы в ЕС в 2013 г. — главой МИД.

нако, даже крупным государствам не под силу использование всего спектра ресурсов (хотя бы в силу их высокой стоимости). Отсюда она, во-первых, фиксирует дрейф в сторону ресурсов социально-политического и гуманитарного характера, обращение к которым не столь затратно и позволяет распространять их с помощью современных технологий, а во-вторых, указывает на продолжающийся процесс дробления ресурсного потенциала, в рамках которого тот или иной «игрок», если ему не доступны все ресурсы или основные из них, сосредоточивается лишь на каком-то одном [19].

Функциональные возможности малых стран ограничены: буферная зона, дипломатический посредник, государство-барьер, геополитический шлюз, периферия [8]. Причем в силу окраинно-транзитного положения страны набор этих возможностей во многом является производным от действий ведущих держав. Эта мысль стыкуется с тезисом А. Богатурова о странах Прибалтики, которые, по его мнению, не сумели стать заметными участниками глобальной политики, но пытаются сформировать свой капитал (политический, идеологический, финансово-экономический) опосредованно — на отношениях между Россией и Западом, Россией и США, фактически «от них питаюсь» [15], используя с этой целью «конфликтные узлы» в отношениях.

В условиях ограниченности или отсутствия у малых стран каких-либо значимых для продвижения собственных интересов на международной арене ресурсов таковым становится дипломатия. Наиболее удобный инструмент — создание коалиций как по территориальному принципу, например неформальные консультации министров Балтийских и Северных стран («NB6 breakfast»), предшествующие каждому заседанию Совета по внешней политике ЕС, так и по проблемному [14] (именно малые страны считают необходимым удерживать проблематику программы «Восточное партнерство»² (далее — ВП) в топе повестки ЕС, и именно они же объединились в борьбе против назначения главы МИД Италии Ф. Могерини на пост главы верховного представителя ЕС по внешней политике в июле 2014 г.).

Е. Мотека и Н. Статкус указывают, что Литва, Латвия и Эстония придерживаются проамериканской геополитической ориентации, считая США основным гарантом собственного суверенитета, по двум основным причинам:

---

² Инициаторами программы «Восточное партнерство» были Польша и Швеция в 2009 г. Москве отвели роль наблюдателя, который может что-либо комментировать, но не вправе влиять на процесс. Необходимость создания ВП объяснялась событиями в Грузии в 2008 г. и газовым конфликтом России и Украины. Созданная программа нацелена на дальнейшее реструктурирование на постсоветском пространстве, декларируя ускоренное политическое сближение и экономическую интеграцию Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. Российское руководство считает бесперспективными основанные на логике «игры с нулевой суммой» проекты, трактуя их как способ противодействия интеграционным процессам с российским участием.

1) США не признали законность присоединения Литвы, Латвии и Эстонии к СССР;

2) США — противовес геополитическим устремлениям России в регионе Балтийского моря. В свою очередь, США рассматривают страны Прибалтики как «клин» между Европой и Россией, а также как «агентов влияния» в Евросоюзе (наряду с иными странами Центральной и Восточной Европы). Несмотря на все возможные издержки от выполнения данной роли, политическая элита Литвы считает проамериканскую ориентацию лучшим сценарием, чем ее отсутствие вовсе либо замена на исключительно проевропейскую [11].

Проблема подобной «двойной лояльности» [4] (необходимости действовать в русле общеевропейской линии, вырабатываемой наиболее влиятельными еврограндами, но в то же время подтверждать приоритетность атлантического вектора своей внешней политики³) определяет специфический стиль поведения политической элиты Литвы, Латвии и Эстонии на международной арене, который применительно к постсоветскому пространству деградировал от статуса буферной зоны к роли провокаторов. Особенно рельефно эта роль проявилась в рамках украинских событий, последовавших за провалом Вильнюсского саммита государств — участников программы «Восточное партнерство» в ноябре 2013 г. Вильнюсский саммит стал тем «спусковым крючком, после нажатия которого на площадях украинской столицы прогремел общественно-политический выстрел» [21].

Тезис о восточной политике Евросоюза как о «настоящей геополитической борьбе с Россией за влияние в общем соседстве» [12] был воспринят Литвой задолго до того, как она «возглавила» ЕС. Для литовской политической элиты, не менявшейся (за незначительным исключением) со времен Саудиса, свойственно именно такое алармистское восприятие России, основывающееся на подмене понятий: «проевропейский — значит антироссийской». Это умножается особым, «миссионерским» восприятием Литвой своей роли в процессах политических трансформаций на постсоветском пространстве. Например, один из лидеров ведущей литовской партии «Союз Отечества — Литовские христианские демократы» премьер-министр А. Кубилюс в 2007 г. презентовал подготовленную им Стратегию сдерживания России (в 2014 г. представил уже обновленный вариант). Она базируется, в частности, на тезисе о том, что усиление присутствия США в Европе приведет к вытеснению России, а также на вере в то, что «Литва вместе с соседями и США в этом регионе должна стать архитектором новой политики соседства». В 2004 г., когда Литва присоединилась к Европейскому союзу, было принято соглашение, одобренное ключевыми парламентскими политическими партиями, в котором прописывались цели внешней политики Литвы до 2008 г., в их

---

³ Характерным примером такой политики служит встреча лидеров Литвы, Латвии и Эстонии с президентом США Б. Обамой в августе 2013 г. в Вашингтоне, в ходе которой неоднократно подчеркивалась «геостратегическая важность» евроинтеграции Украины и успешности Вильнюсского саммита (см. подробнее: [10]).

числе запуск демократических процессов на Украине, в Беларуси, Молдове, государствах Южного Кавказа, а также в Российской Федерации, особенно в Калининградской области [2]. В межпартийном соглашении на 2008—2012 гг. Литва предлагает себя уже на роль хаба для региональных совместных инициатив и центра для продвижения евроатлантических ценностей. При этом содействие дальнейшему расширению ЕС и НАТО с фокусом на Беларусь, Молдову, Украину и страны Южного Кавказа является первым приоритетом в перечне ключевых внешнеполитических задач, здесь же указывается и на особое значение восточной политики европейской политики соседства, а также недвусмысленно дается понять, кто из соседей угрожает безопасности [3]. Последний аналогичный документ датируется 29 марта 2014 г., и в нем собрано все: России припоминают Сталина (именно так, просто по фамилии), обвиняют в агрессии против Украины, попытках пересмотреть историю XX в., сломать систему международных отношений и т. д. и т. п. О таких «мелочах», как «демократия в Калининградской области», не упоминается — широта замаха уже совсем иная: все фокусные страны «Восточного партнерства» Литва намерена сблизить с сообществом евроатлантических государств в «ускоренном режиме». Такие обязательства официальный Вильнюс взял на себя до 2020 г. [1]

Латвия и Эстония движутся аналогичным курсом, но вместе с тем не имеют столь ярко выраженных претензий на лидерство в вопросах выработки сценариев развития постсоветского пространства. Источником опасности Литва, Латвия и Эстония неизменно указывают Россию и сожалеют, что так и не смогли, оказывая всяческую поддержку режиму М. Саакашвили (спустя всего несколько лет грузинский президент будет обвинен в серии уголовных преступлений, репрессиях, финансовых махинациях, но властные круги Прибалтийских республик предпочтут этого не заметить) «открыть Европе глаза»⁴ на «российскую агрессию» против Грузии. Эстонский политолог А. Касекамп полагает, что грузинские события стали своего рода «парадигмальным сдвигом» для эстонцев, однако не произвели такого же впечатления на еврограндов, расценивших попытки прибалтийских политиков укрепить поддержку Грузии как поощрение безрассудства. Он, однако, считает, что дальнейшая работа с фокусными государствами программы «Восточное партнерство» должна быть продолжена, с этой целью в Таллине с 2011 г. под эгидой Эстонской дипломатической школы и при поддержке МИД действует Центр восточного партнерства, занимающийся обучением чиновников и дипломатов из стран ВП [7].

Ежегодные потери стран Прибалтики из-за столь политизированных отношений с Россией, по экспертным оценкам, составляют 9—10% от ВВП их стран. Для Эстонии и Латвии потери за четыре послед-

⁴ Еще более агрессивную позицию прибалтийские республики заняли во время украинского кризиса, с настойчивостью провокаторов подталкивая лидеров ЕС к максимальному ухудшению отношений с Россией, а НАТО — к «адекватному ответу».

них года оцениваются примерно в 10,1 млрд долларов, для Литвы, старающейся задавать тон внешней политике Прибалтийских республик, — больше 15 млрд долларов. Манипулируя «страхом перед Россией», страны Прибалтики становятся генераторами недоверия, причем не только по отношению к соседствующим с Евросоюзом странам, но и между членами самого ЕС (который изначально строился именно на принципах доверия, взаимосвязи и взаимозависимости) [20].

Показательна инициатива Латвии по реформированию программы «Восточное партнерство», озвученная за год до председательства страны в Европейском союзе. В Риге, похоже, не осознали, что «Восточное партнерство» из программы, несущей стабильность и процветание фокусным государствам, превращается в источник геополитической турбулентности и несет прямую угрозу устойчивости государственности целевых стран. Наоборот, там, видимо, стремятся пойти по пути литовских элит, добившихся максимального ухудшения отношений своей страны с Россией по итогам председательства в ЕС. Рига предложила сделать США ключевым участником восточной политики Евросоюза и превратить «Восточное партнерство» в «Евро-Атлантическое восточное партнерство», обещая фокусным странам перспективу полноценного членства в ЕС [6]. Присоединение США к формату «Восточного партнерства» в качестве ключевого участника резко повышает конфликтный потенциал этой программы, отгесняя ЕС на периферию политической активности на постсоветском пространстве.

Непродуманность, поспешность⁵ действий и заявлений прибалтийских политиков на международной арене (зачастую нарочито arrogantных, нацеленных не на поиск развязок, а на создание «конфликтных узлов» и оперирующих упрощенными идеологизированными схемами) указывает на то, сколь искривленно может восприниматься дипломатия как ресурс, что, в свою очередь, свидетельствует о посредственном качестве политических элит⁶ этих окраинных государств.

⁵ Как это было, например, при поспешной поддержке плана США по нанесению удара по Сирии в сентябре 2013 г.

⁶ В этом смысле справедливое замечание делает М. Кавешников: «Системная проблема, которую малые страны создают для мирового порядка, связана с разрывом между, с одной стороны, возросшими возможностями малых стран и, с другой стороны, характерным для многих малых стран отсутствием стратегического видения и ответственности, потребительскими настроениями и низким качеством политической элиты». Диагностируя провинциализм как «состояние ума» правящих элит ряда малых стран, он говорит о том, что политики Польши и Прибалтики, осознавая ограниченность своего влияния в рамках ЕС, используют легкий способ для увеличения собственной значимости — рисуя отношения РФ — ЕС как постоянную эскалацию противостояния, они претендуют на статус первой «линии обороны» от «зла с Востока» [18]. Это наблюдение является совершенно точным — достаточно ознакомиться с заявлениями ключевых прибалтийских политиков за последние десятилетия. Нет смысла перечислять наиболее заметные из них, все они похожи как близнецы — «враг у ворот».

От дальнейших «постсоветских» председательств стран Прибалтики в ЕС было бы уместно ожидать усугубления степени «токсичности» политики «сдерживания» России на фоне продолжающихся попыток «перекраивания» постсоветского пространства с использованием практик «холодной войны», что в конечном итоге входит в противоречие со стратегическими интересами Европы. Такого рода действия малых стран способны генерировать новые риски для европейской системы безопасности. Это оказывается тем более возможным, чем сильнее нарастает неустойчивость, нестабильность международной системы. Малые страны мобильны, они способны к более оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях, что позволяет им, используя качели «двойной лояльности», играть на внешнеполитической конъюнктуре. Причем не просто «питаться» от нее, а стараться действовать зачастую на опережение (даже если последствия таких шагов не просчитаны в должной мере), подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками. Особенно это касается государств, не обремененных ответственностью за глобальную стабильность, — в их случае черта между просто быстрым реагированием на изменения на мировой сцене и внешнеполитической авантюрой, откровенно провокационной политикой становится условностью, которой можно легко пренебречь.

Список литературы

1. *Accord* between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014—2020 // Сейм Литвы : [сайт]. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4028&p_d=146140&p_k=2 (дата обращения: 02.02.2014).
2. *Agreement* between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004—2008 // Там же. URL: www3.lrs.lt/docs2/QSJEWLHW.DOC (дата обращения: 02.02.2014).
3. *Agreement* of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008—2012 // Там же. URL: www3.lrs.lt/docs2/EKWJDONY.DOC (дата обращения: 02.02.2014).
4. *Budryte D.* The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions // *Old Europe, New Europe and the US* / ed. by T. Lansford, B. Tashev. Ashgate, 2005.
5. *Colomer J.M.* Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L. ; N. Y., 2007.
6. *Foreign* Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership // МИД Латвии : [сайт]. URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23-1/> (дата обращения: 23.03.2014).
7. *Kasekamp A.* Estonia: Eager to Set an Example in Europe // *The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization* / eds. M. Baun, D. Marek). L., 2013.
8. *Laurinavicius C., Motieka E., Statkus N.* Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amzius. Vilnius, 2005.

9. *Linkevicius L.* Membership of NATO is the Impulse for Reforms // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. Vilnius, 2003. P. 7—16.

10. *Lithuania* and the United States enter a new stage of strategic cooperation. 30.08.2013 // President of the Republic of Lithuania : [сайт]. URL: http://lrp.lt/en/press_center/press_releases/lithuania_and_the_united_states_enter_a_new_stage_of_strategic_cooperation.html (дата обращения: 25.07.2014).

11. *Motieka E., Statkus N.* Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001—2003 // Lithuanian Annual Strategic Review 2003. Vilnius, 2004. P. 9—39.

12. *Raik K.* Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward // Finnish Institute of International Affairs. 2013. Nov.

13. *Rothstein R.* Alliances and Small Powers. N. Y., 1968.

14. *Ruse I.* The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations // Journal of Contemporary European Research. 2012. Vol. 8, № 3. P. 319 - 339.

15. *Богатуров А.Д.* Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.

16. *Ильин М.В.* Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. №3 (5).

17. *Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. №4.

18. *Кавешников Н.Ю.* Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6, №3 (18).

19. *Лебедева М.М.* Ресурсы влияния в мировой политике // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. №1. С. 99—108.

20. *Отношения* России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам: аналитический доклад / ред. Н.М. Межевич ; Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2013. URL: www.sir.spbu.ru/news/?id=703 (дата обращения: 25.07.2014).

21. *Федор* Лукьянов: «Восточное партнерство» закончилось // Российское общество политологов : [сайт]. URL: <http://politmos.ru/724-fedor-lukyanov-vostochnoe-partnerstvo-zakonchilos.html> (дата обращения: 23.03.2014).

Сведения об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru

THE ROLE OF SMALL COUNTRIES
IN POST-SOVIET TERRITORIAL RESTRUCTURING:
THE BALTIC CASE

V. Smirnov*

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on August 5, 2014

This author analyses the 2013 Lithuanian presidency of the EU in the context of the Ukrainian crisis and evaluates the contribution of Latvia and Estonia (the former Soviet republics set to preside over the EU in 2015 and 2018) to the shift in the power balance in the post-Soviet space.

Through assessing the actions of small countries in promoting the Eastern Partnership programme with an emphasis on the anti-Russian agenda, the author concludes that they will inflict harm on the EU in a long-term perspective. These former Soviet republics no longer rely on mere diplomacy, but resort to a whole new problematic narrative, where Russia is described as an “aggressive and unpredictable neighbour” that poses the “threat from the East.” Being more mobile, small countries are able to concentrate power and resources in one or several key areas. This makes it possible for these countries to take advantage of international politics (even if the consequences of such steps are miscalculated) and “feed” on it through — sometimes consciously — creating “conflict nodes” in the relations between major players. This is especially true in the case of states that do not bear responsibility for global stability.

Key words: Baltics, Eastern Partnership, Lithuania, Latvia, Estonia, Ukraine, small states

References

1. Accord between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014—2020, 2014, *Parliament of the Republic of Lithuania*, available at: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4028&p_d=146140&p_k=2 (accessed 31.08.2014).
2. Agreement between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004—2008, 2004, *Parliament of the Republic of Lithuania*, available at: www3.lrs.lt/docs2/QSJEWLHW.DOC (accessed 31.08.2014).
3. Agreement of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008—2012, 2008, *Parliament of*

the Republic of Lithuania, available at: www3.lrs.lt/docs2/EKWJDONY.DOC (accessed 31.08.2014).

4. Budryte, D. 2005, The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions. In: *Lansford, T., Tashev, B. (eds.). Old Europe, new Europe, and the US: Renegotiating transatlantic security in the post 9/11 era*, Aldershot, Hants, Ashgate.

5. Colomer, J.M. 2007, *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*, L., N. Y.

6. Foreign Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership, 2014, 23 March, *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia*, available at: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23—1/> (accessed 31.08.2014).

7. Kasekamp, A. 2013, Estonia: Eager to Set an Example in Europe. In: *Baum, M., Marek, D. (eds.). The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization*, London.

8. Laurinavicius, C., Motieka, E., Statkus, N. 2005, *Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius*, Vilnius.

9. Linkevicius, L. 2003, Membership of NATO is the Impulse for Reforms, *Lithuanian Annual Strategic Review 2002*, Vilnius, p. 7—16.

10. Lithuania and the United States enter a new stage of strategic cooperation, 2013, 30 August, *President of the Republic of Lithuania*, available at: http://lrp.lt/en/press_center/press_releases/lithuania_and_the_united_states_enter_a_new_stage_of_strategic_cooperation.html (accessed 25.07.2014).

11. Motieka, E., Statkus, N. 2004, Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001—2003, *Lithuanian Annual Strategic Review 2003*, Vilnius, p. 9—39.

12. Raik, K. 2013, *Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward*, Finnish Institute of International Affairs, Nov. 2013.

13. Rothstein, R. 1968, *Alliances and Small Powers*, Columbia University Press, New York, p. 29.

14. Ruse, I. 2012, The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations, *Journal of Contemporary European Research*, Vol. 8, no. 3, p. 319—339.

15. Bogaturov, A. D. 2006, Iskushenie Rejganom. Limitrofy stanovjatsja znachimym faktorom v politike SShA na rossijskom napravlenii [Temptation Reagan. Border states are becoming a significant factor in US policy towards Russia], *Nezavisimaya Gazeta*, no. 99 (3779).

16. Ilyin, M. V. 2011, Al'ternativnye formy suverennoj gosudarstvennosti [Alternative forms of sovereign statehood], *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], no. 3 (5), p.14.

17. Ilyin, M. V. 2008, Vozmozhna li universal'naja tipologija gosudarstv? [Is a universal typology of states?], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 4.

18. Kaveshnikov, N. Yu. 2008, Malye i vrednye? [Small and harmful?], *Mezhdunarodnye processy* [International processes], Vol. 6, no. 3 (18).

19. Lebedeva, M. M. 2014, Resursy vlijanija v mirovoj politike [Resources influence in world politics], *Polis* [Policy], no. 1, p. 99—108.

20. Mezhevich, N.M. (ed.), 2013, *Otnoshenija Rossii i stran Pribaltiki: ot upushhennyh vozmozhnostej k real'nym perspektivam* [Relations between Russia and the Baltic countries, from missed opportunities to real prospects], available at: www.sir.spbu.ru/news/?id=703 (accessed 31.08.2014).

21. Rekada, S. Fedor Luk'janov: «Vostochnoe partnerstvo» zakonchilos' [Fyodor Lukyanov: "Eastern Partnership" has ended], 2014, *Rubaltic. Ru*, available at: <http://politmos.ru/724-fedor-lukyanov-vostochnoe-partnerstvo-zakonchilos.html> (accessed 31.08.2014).

About the author

Dr Vadim Smirnov, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru

ЭКОНОМИКА

УДК 316.4

ПРИМОРСКИЕ РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ: РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Д. Е. Махновский*

Рассматриваются состояние и пространственная динамика основных социально-экономических процессов приморской зоны европейского субконтинента на рубеже XX и XXI вв. Европа — регион, где «морская составляющая» социально-экономического развития играет важнейшую роль. Территориальное соседство России и стран Европы, наличие значительного количества общих проблем, а также большой потенциал сотрудничества в их разрешении и дальнейшем освоении ресурсов Мирового океана дают повод для проведения «интегрального» исследования приморских регионов Европы в целом. Осуществлен анализ отечественных научных разработок социально-экономического развития приморских регионов.

Огромная протяженность береговой линии Европы, разнообразие природных и социально-экономических условий, ресурсной базы делают необходимым районирование (зонирование) ее приморских территорий, а также прилегающих акваторий. В основе экономико-статистической базы исследования — разработки Евросоюза по морской тематике. Предложена авторская концепция районирования приморских регионов с соответствующими экономико-статистическими расчетами.

В ходе исследования приморских регионов Европы выявлены существенные различия между ними в характере и тенденциях развития в первом десятилетии XXI в. Наиболее динамично развивались российские приморские регионы. В целом заметного превосходства в динамике основных показателей социально-экономического развития по сравнению с внутренними регионами Европы не обнаружено.

Ключевые слова: приморские регионы, Европа, Евросоюз, социально-экономическое развитие, морской сектор экономики, территориальная структура экономики, региональный валовый внутренний продукт, численность населения

---

* Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, Россия, Санкт-Петербург,
улица Садовая, 21

Поступила в редакцию 24.06.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-4

© Махновский Д. Е., 2014

Значение морского фактора в развитии общества трудно переоценить. Особый интерес к морской хозяйственной проблематике в научных исследованиях отмечается во второй половине XX в., когда начали резко возрастать масштабы использования морских и океанских акваторий практически всеми прибрежными странами. Наибольшую активность в данном направлении проявляют США, Франция, Великобритания, Норвегия и другие страны Евросоюза, а также крупнейшие международные организации (ООН, ОЭСР и др.) [15].

Значительное количество работ по данной тематике принадлежит перу отечественных авторов. Так, в 1979 г. коллективом авторов в рамках серии, посвященной географии Мирового океана, был опубликован том «Экономическая география Мирового океана» под редакцией С. С. Сальникова. В книге рассмотрен ряд пространственных аспектов изучения ресурсного потенциала океана на основе теоретических положений, оформившихся к тому времени в экономической географии. «Экономическая география океана, — говорится во вводной статье В. В. Покшишевского и С. С. Сальникова, — часть географии мирового хозяйства, исследующая закономерности географического разделения общественного труда в процессе формирования, развития и функционирования пространственных социально-экономических комплексов в пределах Мирового океана... Тем самым экономическая география океана... остается органическим разделом или направлением географии как таковой, в частности разделом экономической географии» [33, с. 9].

В последующем происходило укрепление методологической базы этого самостоятельного направления. В 1970—1980-е гг. в отечественном научном сообществе появляется ряд исследований, подводящих первые итоги начального этапа ускоренного освоения прибрежных акваторий, шельфовой зоны Мирового океана, развития морского судоходства. Среди них следует отметить работы Г. К. Войтоловского, В. А. Дергачева, Б. С. Залогина, С. Б. Лаврова, Г. Л. Надточего, В. В. Покшишевского, С. Б. Слевича [7; 10; 12; 16; 24; 27; 28]. В частности, В. В. Покшишевский использовал понятие акваториально-территориальный производственный (хозяйственный) комплекс [25]. Применительно к «морской» тематике получило обоснование одно из основополагающих понятий — природно-хозяйственная система. Для берегового природопользования важное значение имеет введение и обоснование В. А. Дергачевым в общетеоретическом аспекте общепринятого сегодня понятия природно-хозяйственной контактной зоны «суша — океан» [10; 17]. Зона представляет собой исторически сложившуюся систему взаимодействия населения, хозяйства и природы.

За последние три десятилетия вышло значительное количество работ в области геоэкологии прибрежных акваторий. В частности, вводится термин «геоэкология береговой зоны моря» [1]. Н. А. Айбулатов и Ю. В. Артюхин в монографии по геоэкологии шельфа и берегов Мирового океана большое внимание уделили определению предмета и задач новой отрасли науки [2]. Есть и исследования по региональной эколого-экономической проблематике [3; 21].

В плане осмысления зарубежного опыта управления прибрежными территориями значительный интерес представляет работа С. А. Фадеева, в которой прибрежная зона рассматривается как особый иерархический экономико-географический объект [32]. Активное функционирование различных типов прибрежных зон в Западной Европе позволяет говорить о целостной, устоявшейся системе, считает автор. Системный подход прослеживается в работе С. Л. Сычева, где береговая зона изучается как сложный комплекс, включающий географическую, экологическую, экономическую и социальную системы [31].

Актуальные экономико-географические проблемы развития приморских регионов поднимаются в работах Л. А. Безрукова [4; 5]. Автор считает весьма важным исследование степени и характера влияния на специфику и эффективность национальных хозяйств такого базового фактора планетарной неоднородности пространства, как разделение поверхности земного шара на сушу и Мировой океан. На основе анализа изменений размещения населения России в XX в. выявлен отчетливо выраженный сдвиг демоэкономического потенциала страны во внутриматериковые регионы («континентализация»), что диаметрально противоположно действующей общемировой тенденции притяжения населения и хозяйств к берегам теплых морей. Предлагаются стратегические пути и меры ослабления невыгодных для России последствий данного процесса.

Следует отметить, что проведенные нами расчеты (табл. 1) не дают, по крайней мере на материале Европы, оснований говорить о безусловной привлекательности приморских регионов. За 2000—2011 гг. доля последних в производстве ВВП практически не увеличилась. По численности населения увеличение удельного веса хотя и имело место, но было незначительным — 0,9 %. Многие внутриконтинентальные регионы благодаря развитию новых высокоскоростных средств коммуникации получили возможность более уверенно конкурировать с приморскими.

Таблица 1

**Социально-экономические характеристики
приморских регионов Европы в 2011 г.**

Регион	Крупнейшие городские агломерации (города), млн жителей	Грузооборот важнейших портов, млн тонн
Арктический	Архангельск — 0,35, Мурманск — 0,3, Северодвинск — 0,19 (Россия); Тромсе — 0,06 (Норвегия)	Мурманск — 25,7, Архангельск — 4,3 (Россия); Тромсе — 1 (Норвегия)
Балтийский	Санкт-Петербург — 5,3 (Россия); Стокгольм — 2,01 (Швеция); Копенгаген — 1,54 (Дания); Хельсинки — 1,2 (Финляндия); Гданьск — Сопот — Гдыня — 0,9 (Польша); Рига — 0,8 (Латвия); Таллин — 0,5 (Эстония)	Приморск — 75, Санкт-Петербург — 60, Усть-Луга — 23 (Россия); Таллин — 36 (Эстония); Клайпеда — 34 (Литва); Рига — 32, Вентспилс — 28 (Латвия); Гданьск — 24 (Польша)

Окончание табл. 1

Регион	Крупнейшие городские агломерации (города), млн жителей	Грузооборот важнейших портов, млн тонн
Североморско-Норвежский	Лондон — 14 (Великобритания); Ранстад — 6,7 (Нидерланды); Гамбург — 2,5 (Германия); Осло — 1,1 (Норвегия)	Роттердам — 370 (Нидерланды); Антверпен — 169 (Бельгия); Гамбург — 114, Амстердам — 60 (Нидерланды); Бремерхафен — 74 (Германия); Гетеборг — 41 (Швеция); Иммингем — 57, Лондон — 49, Тиссайд — 35 (Великобритания); Берген — 52, Нарвик — 18 (Норвегия)
Британско-Североатлантический	Манчестер — Ливерпуль — 4,3; Глазго — 1,6 (Великобритания); Дублин — 1,3 (Ирландия)	Гавр — 63, Дюнкерк — 41 (Франция); Милфорд-Хейвен — 49, Саутгемптон — 38, Ливерпуль — 33 (Великобритания); Дублин — 19 (Ирландия)
Бискайско-Иберийский	Лиссабон — 2,6; Порту — 1,2 (Португалия); Бильбао — 0,9 (Испания)	Альхесирас — 69, Бильбао — 30, Уэльва — 27 (Испания); Нант — Сент-Назер — 30 (Франция); Сенеш — 25 (Португалия)
Западно-Средиземноморский	Барселона — 4,7 (Испания); Неаполь — 4,2, Рим — 3,3 (Италия); Марсель — 1,6 (Франция)	Марсель — 84 (Франция); Валенсия — 54, Барселона — 35 (Испания); Генуя — 42 (Италия)
Центрально-Средиземноморский	Афины — 3,6 (Греция)	Триест — 42, Таранто — 41 (Италия); Афины — 24 (Греция)
Черноморский	Стамбул — 13,8 (Турция); Одесса — 1,1 (Украина); Ростов-на-Дону — 1,3 (Россия)	Новороссийск — 116, Туапсе — 19 (Россия); Одесса — 35 (Украина); Измит — 55, Амбарли — 34 (Турция); Констанца — 31 (Румыния)

Составлено по: [30; 34; 37].

Малоисследованные аспекты управления экономикой приморских регионов затрагиваются в работе И. С. Соловьевой [29]. Поддержание конкурентоспособности морского хозяйства в условиях глобализации требует эффективных методов организации соответствующей деятельности, в качестве элемента которых рассматриваются морские корпорации. Последние должны содержать инструментарий обеспечения экономического и военно-политического присутствия в определенных акваториях России.

Арктический вектор российской морской политики нашел свое отражение в исследовании Л. К. Бочаровой [6], в котором сделана

попытка определить и обосновать стратегические приоритеты развития морского хозяйства и политики России в арктическом направлении. Морехозяйственный комплекс трактуется как совокупность видов экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению товаров и услуг морского происхождения и назначения.

В работе Ю. В. Малининой произведена оценка суммарного вклада морских видов деятельности в экономику России — около 1 % ее валового внутреннего продукта (ВВП), что существенно меньше, чем в США и Евросоюзе [18]. Наиболее весомый вклад в продукцию морского комплекса России вносят морской транспорт (41 %) и рыболовство (27 %).

Очень заметный вклад в развитие исследований морехозяйственного комплекса внес в последние годы Г. Г. Гогоберидзе. Среди работ автора особенно выделяется монография «Комплексное районирование приморских территорий Мирового океана» [8]. В работе последовательно применяется концепция комплексного разнопланового районирования с обоснованием признаков, составляющих основу физико-географического, социально-экономического, политико-административного и военно-географического факторов. Исходя из анализа и обобщения обширного литературного и статистического материала было проведено районирование приморских территорий Мирового океана. В пределах европейского побережья автором выделены восемь крупных георегионов: Российский Баренцевоморский, Норвежско-Исландский, Англо-Европейский, Германно-Датский, Балтийский, Пиренейский островной, Европейско-Средиземноморский, Черноморско-Каспийский. Данная схема районирования частично учитывалась и в нашей работе — выделяется также восемь операционных георегионов, но иного формата (рис.): акцент сделан на проблемах развития приморской зоны именно европейского субконтинента, а также на пространственном оформлении морской политики соответствующих стран.

Морехозяйственный комплекс приморской территории Г. Г. Гогоберидзе понимает как совокупность отраслей экономики, предприятий и организаций, расположенных на морском побережье и непосредственно связанных с морской деятельностью, что обеспечивает реализацию национальной морской политики и устойчивое экономическое развитие приморских территорий [9]. Предусматривается возможность построения трехуровневой структуры управления морскими георегионами (государство, регион, муниципальное образование).

Большой интерес представляет монография В. В. Ивченко, посвященная сетевому программированию развития приморских регионов России [13]. В работе рассматриваются теория, методология и практика сетевого экономического программирования. Автор, в частности, отмечает, что приморские регионы России легче справлялись с кризисными явлениями, их развитие происходило во многом стихийно и скачкообразно.

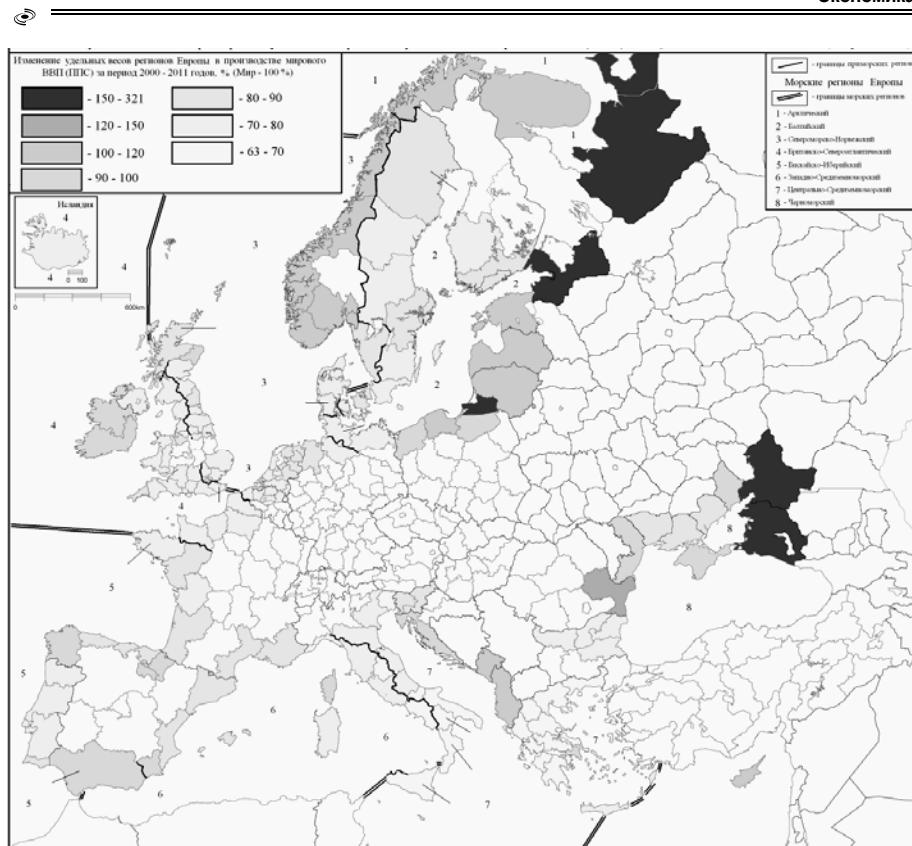

Рис. Приморские регионы Европы. Динамика развития экономики в 2000—2011 гг.

Теоретические и практические наработки учитывались при разработке государственных программ развития приморских регионов. Среди них в первую очередь следует упомянуть Морскую доктрину Российской Федерации на период до 2020 г.» [23]; распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. №2205-р «О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года» [25]; постановление Правительства РФ от 10 августа 1998 г. №919 «О федеральной целевой программе "Мировой океан"» [26]. В них четко фиксируется, что исторически Россия — ведущая морская держава, исходя из ее пространственных и геофизических особенностей, места и роли в глобальных и региональных международных отношениях. В числе ведущих региональных направлений национальной морской политики определяются Атлантическое и Арктическое.

В целом среди работ по «приморскому» регионоведению можно назвать следующие наиболее распространенные концептуальные подходы к выделению и изучению приморских территорий:

- 1) пространственный (геопропространственный), географический, хронологический [4; 8; 31];
- 2) историко-генетический [2; 5];

3) геосистемный (в том числе геоэкономический (экономико-географический), политико-географический (геополитический), геодемографический, военно-географический, геоэкологический, ресурсно-экологический (ресурсный), физико-географический) [5; 8; 11; 22; 31; 35; 36; 39 и др.];

4) проблемный (в том числе программно-целевой) [5; 16; 18].

Отчетливо системный характер имеют отечественные государственные программы развития приморских регионов. Все указывает на прочные основы разделяемого автором комплексного, системного подхода к изучению приморских регионов.

Особый интерес вызывает исследование региональных особенностей морской хозяйственной деятельности соседних с Россией крупных морских держав и интеграционных группировок, в частности Евросоюза. Современные тенденции развития расселения и хозяйства все более «подчеркивают» значимость ресурсной базы морских акваторий, общность проблем ее освоения. Представляется весьма актуальным исследовать степень выраженности и динамику «морского вектора» развития Европы — крупного староосвоенного региона с давними традициями использования всех выгод своего приморского положения.

Европа в пределах Евросоюза имеет береговую линию протяженностью 70 тыс. км и омывается водами двух океанов — Атлантического и Северного Ледовитого, а также четырех крупных внутриконтинентальных морей: Балтийского, Северного, Средиземного и Черного. Еще примерно 10 тыс. км приходится на береговую линию, контролируемую Россией и Украиной. Приморские регионы (в пределах 100-километровой зоны) сосредотачивают, по нашим оценкам, почти 52% численности населения ЕС и производят примерно 51% объема производства его ВВП (по ППС в 2011 г.). В целом совместно с аналогичными территориями европейских государств, не входящими в эту группировку (включая российские), приморские регионы Европы аккумулируют 4,5% численности населения и выпускают 11,3% ВВП мира.

Благосостояние Европы неразрывно связано с морем. Судостроение и судоходство, рыболовство и рыбопереработка, портовая деятельность, добыча энергоресурсов в шельфовой зоне (нефть, природный газ, возобновляемые источники энергии), прибрежный и морской туризм, аквакультура остаются ключевыми сферами морской деятельностью. Выраженный «морской вектор» развития позволяет Европе извлекать немалую выгоду от роста международной торговли и играть ведущую роль в мировой экономике. Потенциал акваторий и побережий нуждается в постоянном сбережении и обслуживании. Обеспечение устойчивости состояния морской среды — важнейшая предпосылка успешности и конкурентоспособности упомянутых выше видов деятельности. Реализация узкоотраслевых или сугубо национальных морских политик, например, в сферах транспорта, рыболовства, энергетики, туризма может приводить к конфликтам интересов и общей их неэффективности. Требуется переходить к более тесному сотрудничеству и интегральному подходу к разрешению проблем.

Современная концепция Еврокомиссии («Интегрированная морская политика для Европейского союза», 2007 г.) заключается в формировании консолидированной морской политики, охватывающей все аспекты отношений общества и морских экосистем. Предполагается высокая эффективность этого инновационного подхода [19]. Взаимодействие европейского общества и окружающего морского пространства становится интенсивным как никогда ранее. Вместе с тем усиливается напряжение в системе «общество — природа». С одной стороны, современные технологии позволяют извлекать из прибрежных территорий и морских акваторий все больше прибыли. Это привлекает туда инвестиции, людские ресурсы. С другой — ведет к прогрессирующему разрушению природной среды. Срочность ответа на возникший вызов обусловлена также быстрым ходом глобализации и изменения климата.

Евросоюз, осознавая это, в лице Европейской комиссии запустил процесс всесторонних консультаций и анализа складывающейся обстановки. Предлагаемая интегрированная Морская политика для Европейского сообщества основана на ясном понимании взаимосвязанности проблем и необходимости их совместного скоординированного разрешения. Постановка программы действий, разработка мероприятий в различных секторах экономики должны производиться в рамках общей политики. Следующие проекты рассматриваются наиболее важными для Евросоюза:

- 1) создание европейского транспортного пространства без барьеров;
- 2) продвижение Европейской стратегии морских исследований;
- 3) разработка национальных интегрированных морских политик;
- 4) создание Европейской сети морского надзора;
- 5) разработка «дорожной карты» морского пространственного планирования стран — членов ЕС;
- 6) разработка стратегии смягчения влияния изменений климата в прибрежных зонах;
- 7) уменьшение загрязнения природной среды и в том числе выбросов CO₂ от судоходства;
- 8) исключение пиратского рыболовства и разрушительного донного траления в открытом море;
- 9) формирование европейской сети морских кластеров;
- 10) ревизия трудового права ЕС в сферах судоходства и рыболовства [19].

Этот документ закладывает рамочные основы сотрудничества, декларирует основные направления деятельности Еврокомиссии в сферах управления и формирования межсекторного инструментария, необходимого для проведения интегральной морской политики Евросоюза. Практические действия, предполагается, будут соответствовать принципам subsidiarity, укрепления конкурентоспособности, экосистемного подхода, а также активного участия стейкхолдеров. На наш взгляд, реализация представленных проектов вполне реалистична. Наибольшие сложности могут вызвать пункты 6 (высокая капиталоемкость защитных мероприятий) и 10 (конфликт между национальными и об-

щеевропейскими интересами). Несмотря на известное усложнение отношений между Россией и ЕС, по-прежнему в повестке дня значится укрепление двухстороннего и многостороннего (межгосударственного, межрегионального) сотрудничества на всех ключевых для России направлениях: арктическом, балтийском и черноморском.

Примером международной кооперации ЕС может служить политика инноваций в рамках программы развития морских технологий («голубого роста») на период 2014—2020 гг., которая предусматривает, в частности, создание цифровой карты дна «европейских» вод к 2020 г. Карта должна обладать высоким разрешением, отображать топографию, геологию мест обитания организмов и экосистем, обеспечивать доступ к информации о настоящем и прошлом, физическом, химическом и биологическом состоянии вод, содержать данные о деятельности человека, ее влиянии на морские экосистемы, необходимые для океанографических прогнозов. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Об этом свидетельствует появление Морского атласа стран ЕС [37].

В согласии с геосистемным подходом районирование (регионирование) Мирового океана, приморских территорий — важнейший метод обобщения, научной обработки пространственной информации, создающий основу для управления различными общественными, природными, общественно-природными процессами, происходящими в различных условиях (средах) и на различных уровнях пространственной иерархии. Главная проблема — принципиальное различие районированных морских и сухопутных геосистем. Единства мнений среди исследователей о принципах районирования морских и сухопутно-морских систем не наблюдается (см. работы С. С. Сальникова, С. В. Михайлова, В. А. Дергачева, Г. Г. Гогоберидзе и др.) [33; 22; 10; 8]. Наиболее распространены частные (специальные, отраслевые) схемы районирования. Этот подход широко распространен и в зарубежной Европе. В частности, в обеспечении Морской политики Евросоюза использовались различные, отличающиеся друг от друга схемы районирования окружающих сообщество морей. Последний вариант появился после 2007 г. и включает восемь крупных морских регионов, из которых шесть непосредственно омывают основное «тело» Евросоюза (Балтийское, Северное, Кельтское, Средиземное, Черное моря, Бискайский залив и Иберийское побережье). Отдельно рассматриваются моря, окружающие отдаленные от Европы островные владения Испании, Португалии и Франции («заморские департаменты»), а также Северный Ледовитый (Арктический) океан [37].

Представленная схема районирования в целом адекватно отражает базовые направления Морской политики Евросоюза. Однако расширяющееся международное сотрудничество, в том числе со странами и регионами, не входящими в состав ЕС, ставят, на наш взгляд, в повестку дня необходимость некоторых уточнений. Одно из них касается формирования перспективного «поля» морской политики между «евро-регионом» Северного моря и Арктическим океаном с возрастающим подключением к различным программам ЕС Норвегии, Исландии, Гренландии, Фарерских островов. Это может быть достигнуто расши-

рением сфер «ответственности» региона Северного моря на север вдоль норвежского побережья, а региона Кельтских морей в направлении Исландии и Гренландии. Второе заключается в возможном разделении чрезвычайно обширного и разнообразного по своим природным и социально-экономическим условиям региона Средиземного моря. В пределах зон ответственности Евросоюза здесь могут быть выделены Западно-, Центрально-Средиземноморский регионы, регионы Адриатического и Эгейского морей. Следует также учитывать перспективное укрепление сотрудничества с приморскими странами Восточной Европы (Россия, Украина), Турцией, Грузией.

Основными целями нашего исследования стали общая характеристика, исследование динамики хозяйственного развития приморских регионов Европы в начале XXI в. В соответствии с этим принята в работе операционная сетка районирования в определенной степени приобретает «берегоцентричный», ориентированный на первоочередной учет экономической, экономико-географической специфики хозяйственной деятельности территорий характер. Вместе с тем внимательно отслеживалось хозяйственное использование и особенности природной среды смежных морских акваторий. Среди факторов (групп факторов), в наибольшей степени учитывавшихся при проведении районирования, были физико-географический, ресурсный, экологический, экономико- и транспортно-географического положения, хозяйственной специализации, политико-административного устройства, управленческий. В целом по комплексу природных и социально-экономических условий можно выделить восемь морских и соответствующих приморских регионов (см. рис.).

Для целей проведения экономико-статистического анализа приморские территории учитывались в пределах 100-километровой прибрежной зоны. Все политико-административные единицы, более половины численности населения которых проживают в пределах данной зоны, считались приморскими. Учет и расчеты производились на базе территориальных операционных единиц Евростата уровня NUTS 2, а для России и Украины — политико-административных единиц областного уровня. Рассматриваемая 100-километровая зона обеспечивает комфортную (1,5—2 часа) транспортную доступность побережья автомобильным сообщением. В то же время данный подход к идентификации позволил включить в анализ практически все регионы Европы, имеющие выход к морю за исключением Лянси-Суоми (Финляндия), Восточного Мидленда (Великобритания), Карелии (Россия), где большинство населения проживает далее 100 км от побережья. В морском атласе стран ЕС для идентификации приморских регионов используется 50-километровый критерий удаленности от побережья, который для крупных регионов Восточной Европы является слишком «жестким» [37].

В таблице 2 представлены обобщенные данные по развитию наиболее крупных отраслей морского сектора экономики зарубежной Европы (без Украины и по методике морского атласа стран ЕС): прибрежного и морского туризма, аквакультуры, добычи минеральных ресурсов, рыболовства, транспорта, судостроения и судоремонта. По состоянию на

2010 г. численность занятых в них превышала 3,5 млн человек, а объем выпускаемой продукции составил 256 млрд евро. Наиболее мощным сектором обладал Североморско-Норвежский регион, который хотя и уступал первенство по численности занятых Западно-Средиземноморскому (659 против 965 тыс.), но был далеко впереди всех по выпуску продукции — свыше 119 млрд евро, что составляло почти 47% от общего объема выпуска по всем приморским регионам зарубежной Европы. Из этого количества почти 75 млрд евро приходится на добычу минеральных ресурсов, в основном углеводородов.

Таблица 2

**Численность населения и развитие отраслей морского сектора
зарубежной Европы (2010 г.)**

Регион	Численность населения (в 100-километровой зоне), млн жителей (2011 г.)**	Численность занятых в основных отраслях морского сектора экономики, тыс.	Объем выпуска продукции в основных отраслях морского сектора экономики, млн евро
Арктический	3,1	...	...
Балтийский	38,1	355,9	17870
Североморско-Норвежский	62,5	659,4	119391
Британско-Североатлантический	42,1	281,5	11065
Бискайско-Иберийский	40,2	409,4	14034
Западно-Средиземноморский	42,5	964,6	48152
Центрально-Средиземноморский	44,6	609,6	43134
Черноморский	29,3	251,3*	2442*
<i>Всего</i>	302,3	3531,7*	256088*

* Без Украины.

** С Россией и Украиной.

Рассчитано по: [38].

В таблицах 3 и 4 приводится детализированная информация по занятости и выпуску продукции морского сектора экономики зарубежной Европы. Наиболее «трудоемкая» отрасль — прибрежный и морской туризм, аккумулирующий 1,6 млн, или 47%, всех занятых в морском секторе. В немалой степени благодаря этой отрасли Европа продолжает лидировать в мире как центр международного туризма. Из других отраслей наибольший удельный вес в занятости морского сектора имеют рыболовство (22%) и транспорт (15%).

Таблица 3

**Занятость в отраслях морского сектора экономики
зарубежной Европы, тыс. человек**

Регион	Прибрежный и морской туризм	Аква- культу- ра	Добыча минеральных ресурсов	Рыбо- ловство	Транс- порт	Судостро- ение и судоремонт
Балтийский	123,5	0,7	2,9	107,6	61,0	60,2
Североморско- Норвежский	251,0	12,7	60,2	117,5	151,0	67,0
Британско-Се- вероатланти- ческий	146,8	10,7	0,6	42,9	47,8	32,7
Бискайско- Иберийский	144,0	29,7	0,9	168,5	21,8	44,5
Западно-Сре- диземномор- ский	472,3	40,2	2,3	226,2	127,2	96,4
Центрально- Средиземно- морский	354,8	6,2	3,9	82,3	116,4	46,0
Черноморский*	160,5	0,2	3,8	21,1	20,8	44,9
<i>Всего</i>	1652,9	100,4	74,6	766,1	546,0	391,7

* Без Украины.

Рассчитано по: [38].

По стоимостному объему выпуска продукции лидером является добыча минеральных ресурсов (табл. 4) — это 30 % производства морского сектора экономики, главным образом речь идет о добыче углеводородов. Очень высокий показатель продолжает удерживать транспорт — почти 30%. На третьем месте — прибрежный и морской туризм (21%). На морской сектор экономики зарубежной Европы приходится чуть более 2% производства ее ВВП. Эта доля остается в целом стабильной. По более ранним данным [33], объем производства основных видов морехозяйственной деятельности к началу 1970-х гг. оценивался в 2% мирового национального дохода. В структуре этих видов деятельности в конце 1970-х гг. выделялись добыча нефти и природного газа и судоходство, на которые в сумме приходилось 65—75% объема доходов [33].

Демографический потенциал приморских регионов Европы весьма высок. По состоянию на 2011 г. в 100-километровой приморской зоне проживало 302,3 млн человек (табл. 2), что составляло 4,3% населения мира, но доля эта стабильно снижалась (в 2000 г. было 4,7%). Наиболее населенным приморским регионом остается Североморско-Норвежский — 63 млн жителей. К североморскому побережью непосредственно выходят густонаселенные территории зарубежной Европы — Нидерланды, Бельгия, частично Великобритании и Германии. Наименее населенными традиционно являются приморские территории Арктического региона — 3,1 млн человек.

Таблица 4

**Выпуск продукции в отраслях морского сектора экономики
зарубежной Европы, млн евро**

Регион	Прибрежный и морской туризм	Аква- куль- тура	Добыча минеральных ресурсов	Рыбо- ловст- во	Транс- порт	Судостро- ение и судоремонт
Балтийский	3823	33	222	3284	7467	3041
Североморско- Норвежский	8214	2451	74665	4796	23509	5756
Британско-Се- вероатланти- ческий	3028	312	30	2019	3539	2137
Бискайско- Иберийский	4642	250	150	4846	1802	2344
Западно-Сре- диземномор- ский	17435	458	629	7811	16403	5416
Центрально- Средиземно- морский	14169	581	1584	2419	22829	1552
Черноморский*	1173	0	94	153	367	655
<i>Всего</i>	52484	4085	77374	25328	75916	20901

* Без Украины.

Рассчитано по: [38].

Наиболее крупными приморскими городскими агломерациями являются Лондон (14 млн жителей), Стамбул (13,8), Ранстад (6,7) и Санкт-Петербург (5,3). Население значительного количества агломераций составляет 3—5 млн — Барселона, Манчестер — Ливерпуль, Неаполь, Рим, Афины. Широкими выходами к побережью располагают Рейнский и Английский, формирующийся Паданский (Северитальянский) мегалополисы. Многие прибрежные города формируют мощные портовые комплексы, особенно выделяются порты североморского направления. Роттердам, хотя и утратил по грузообороту мировое первенство, остается безусловным лидером Европы (370 млн тонн в 2011 г.), на втором месте — Антверпен (169 млн тонн), на почетном третьем — Новороссийск (116 млн тонн), немного опережающий Гамбург (114 млн тонн) (табл. 1). В начале XXI в. ускоренно развиваются российские порты.

Крупнейшие пассажирские перевозки осуществляются портами Дании, а также терминалами в районах Дуврского, Мессинского проливов и Греческого архипелага. В сфере рыболовства лидируют с ежегодным выловом примерно по 2 млн тонн три региона — Арктический, Североморско-Норвежский и Британско-Североатлантический.

В таблице 5 приведены данные по динамике производства ВВП (ППС) приморских территорий Европы, выделенных нами как морские регионы. За основу взяты регионы Евростата уровня NUTS 2, соответствующие критерию 2-часовой (100 км) транспортной доступности морского побережья. Вышепредставленный рисунок иллюстрирует динамику изменения одного из наиболее информативных показателей уровня развития экономики — удельного веса регионов в глобальном производстве ВВП (ППС). Хорошо заметно наличие в начале XXI в. (2000—2011 гг.) регионов являющихся лидерами по темпам роста данного показателя. Большинство из них расположено в Арктическом, Балтийском и Черноморском регионах. Многие имеют российскую «прописку». Среди зарубежных приморских территорий наиболее высокую динамику развития экономики имеют регионы стран Балтии, Польши, Норвегии, Румынии, регионы западной части Балканского полуострова, а также (но менее устойчиво) Украины. Напротив, худшие результаты динамики развития хозяйства наблюдаются у серьезно пострадавших от кризиса 2008 г. Центрально-Средиземноморского и Британско-Североатлантического приморских регионов.

Таблица 5

Приморские регионы Европы в производстве мирового ВВП (ППС)

Регион	Производство ВВП (ППС), млрд евро		Доля в мировом производстве ВВП (ППС), %		Доля 2011 к 2000 г., %
	2000 г.	2011 г.	2000 г.	2011 г.	
Арктический	24,5	59,3	0,07	0,10	144,9
Балтийский	545,2	889,4	1,46	1,43	97,6
Североморско-Норвежский	1487,5	1994,3	3,99	3,20	80,2
Британско-Североатлантический	814,2	1021,6	2,19	1,64	75,1
Бискайско-Иберийский	623,5	870,0	1,67	1,40	83,5
Западно-Средиземноморский	763,8	1025,0	2,05	1,65	80,3
Центрально-Средиземноморский	734,4	919,1	1,97	1,48	74,8
Черноморский	109,9	236,7	0,29	0,38	128,9
Приморские регионы Европы в целом	5103,0	7015,4	13,70	11,26	82,3
<i>ЕС-27 в целом</i>	9201,7	12646,6	24,70	20,31	82,2
<i>Мир в целом</i>	37259,7	62280,5	100	100	100,0

Рассчитано по: [20].

Анализ полученных данных свидетельствует о неоднозначных тенденциях развития прибрежных регионов в начале XXI в. Несмотря на все очевидные преимущества приморского положения, динамика развития этих регионов соответствует «затухающей» (относительно миро-

вого сообщества) страдает от кризисных явлений и существенно ниже темпов мирового развития в целом. Однако в Арктическом, Черноморском, а также в меньшей степени Балтийском приморских регионах отмечается ускоренная динамика развития. Это можно объяснить «догоняющим» экономически более стабильные страны развитием Восточной Европы, где имели место активизация внешнеэкономических связей, инвестиционной деятельности, а также реализовался ряд проектов (с непосредственным участием многих европейских стран), связанных с добычей и транспортировкой российских ресурсов (преимущественно углеводородов), что, несомненно, внесло существенный вклад в ускоренное развитие обозначенных выше приморских регионов.

Список литературы

1. Айбулатов Н. А. Геоэкология береговой зоны моря // Проблемы развития морских берегов. М., 1989. С. 81—87.
2. Айбулатов Н. А., Артюхин Ю. В. Геоэкология шельфа и морских берегов. СПб., 1993.
3. Аракелов М. С., Гогоберидзе Г. Г., Жмойда В. А. и др. Управление развитием и геоэкологическое районирование территориальных рекреационных систем в прибрежных зонах. СПб., 2011.
4. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии : автореф. ... д-ра геогр. наук. Иркутск, 2006.
5. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
6. Бочарова Л. К. Развитие морского хозяйства России в Арктике: уточнение стратегических приоритетов : автореф. ... канд. экон. наук. М., 2010.
7. Войтоловский Г. К. География морских путей и промышленного рыболовства : учеб. пособие. М., 1973.
8. Гогоберидзе Г. Г. Комплексное районирование приморских территорий Мирового океана. СПб., 2010.
9. Гогоберидзе Г. Г. Методология и методы оценки морского потенциала приморских территорий : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2009.
10. Дергачев В. А. Природно-хозяйственная контактная зона «суша — океан» // Изв. ВГО. 1980. Т. 112, вып. 1. С. 40—45.
11. Залеский Е. География морского транспорта. М., 1971.
12. Залогин Б. С. Экономическая география Мирового океана. М., 1984.
13. Ивченко В. В. Сетевое программирование развития приморских регионов России. Калининград, 2008.
14. Институт Географии РАН : матер. URL: <http://igras.ru/index.php?r=21&id=193> (дата обращения: 10.03.2014).
15. Исследования океана: перспективы морской биотехнологии // Наука за рубежом. 2014. №28, янв. URL: http://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_zh_rubezom_n28.pdf (дата обращения: 12.03.2014).
16. Лавров С. Б. Портово-промышленные комплексы в проблеме взаимоотношений общества и природной среды в океане и региональное развитие приморских районов // Вопросы географии океана : тез. докл. I Всесоюз. конф. Калининград, 1983. С. 25—32.
17. Лиманно-устьевые комплексы Причерноморья. Географические основы хозяйственного освоения. Л., 1988.

18. *Малинина Ю. В.* Особенности морской деятельности в современных условиях и оценка негативных последствий от повышения морского уровня в XXI столетии : автореф. ... канд. геогр. наук. СПб., 2010.

19. *Материалы* Еврокомиссии // COM(2007) 575 final. Communication from the Commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. An Integrated Maritime Policy for the European Union. Brussels, 10.10.2007. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2007:0575:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 12.02.2014).

20. *Материалы* Eurostat. Eurostat // Database. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database (дата обращения: 01.03.2014).

21. *Махновский Д. Е.* Районирование эколого-экономических процессов в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и на Северо-Западе России в условиях глобализации // Региональная экология. 2006. №3—4 (27).

22. *Михайлов С. В.* Экономико-географическое положение морей СССР // Экономическая география. М., 1957.

23. *Морская* доктрина Российской Федерации на период до 2020 года : утв. Президентом РФ 27.07.2001. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dos;base=LAW;n=99415> (дата обращения: 06.03.2014).

24. *Надточий Г. Л.* География морского судоходства : учебник. 2-е изд. М., 1979.

25. *О Стратегии* развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2010 г. №2205-р. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

26. *О федеральной* целевой программе «Мировой океан : постановление Правительства Рос. Федерации от 10 авг. 1998 г. №919. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

27. *Покишишевский В. В.* Экономическая география Мирового океана. М., 1982.

28. *Слевич С. Б.* Океан, ресурсы и хозяйство. Л., 1988.

29. *Соловьева И. С.* Формирование региональных морских корпораций в условиях глобализации мировой экономики : автореф. ... канд. экон. наук. Мурманск, 2006.

30. *Стратегия* развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года. М., 2012.

31. *Сычев С. Л.* Комплексное освоение прибрежной зоны Черного моря — важнейший фактор ее устойчивого развития : автореф. ... канд. геогр. наук. Краснодар, 2006.

32. *Фадеев С. А.* Трансформация прибрежных зон в Западной Европе и Европейской России: делимитация и управление : автореф. ... канд. геогр. наук. М., 1998.

33. *Экономическая* география Мирового океана / С. С. Сальников. Л., 1979.

34. *Agglomerations* 2014. URL: <http://www.citypopulation.de/Deutschland.html> <http://www.citypopulation.de/Europe.html> (дата обращения: 12.04.2014).

35. *Alexandersson G., Norstrom G.* World shipping. An economic geography of ports and seaborne trade. N. Y.; L.; Stockholm [etc.], 1963.

36. *Couper A. D.* The geography of sea transport. L., 1972.

37. *Maritime* affairs. URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/atlas/maritime_atlas/#lang=EN;bkgd=5:0.75;mode=1;pos=11.754:53.652:4;theme=2:0.75:1; (дата обращения: 12.03.2014).

38. *Maritime* affairs. URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/blue_growth/infographics/# (дата обращения: 12.03.2014).

39. *Verlaque Ch.* Geographie des transports maritimes. Paris, 1974.

Об авторе

Дмитрий Евгеньевич Махновский, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия.

E-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

THE COASTAL REGIONS OF EUROPE: ECONOMIC DEVELOPMENT
AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

D. Makhnovsky*

* *Saint Petersburg State University of Economics
21 Sadovaya Str., Saint Petersburg, 191023, Russia*

Submitted on June 24, 2014

This article explores the current condition and spatial dynamics of the key socioeconomic processes in the coastal zone of the European subcontinent at the turn of the 20th century. Europe is a region where the “coastal component” of socioeconomic development plays a major role and is therefore one of the most interesting objects for research in this field.

Russian geographical proximity to the European countries, a significant number of shared problems, and a considerable potential for cooperation in solving them and developing the world ocean’s resources create grounds for an integrated study of European coastal regions. The author analyses Russian findings in the field of the socioeconomic development of coastal regions.

The differences in the natural and socioeconomic conditions and resources along a significant portion of the European coastline necessitate the zoning of subcontinent’s coastal territories and contiguous water areas. The findings of EU maritime research constitute the economic and statistical basis of the study, whose author, relying on necessary calculations, proposes a new concept of coastal regions.

The study identifies significant differences in the nature and trends in the development of European coastal regions in the first decade of the 21st century. Thus, Russian coastal regions show the most dynamic development rate. In general, coastal regions are not superior to inland European regions in terms of major development rates.

Key words: coastal regions, Europe, EU, socioeconomic development, maritime industry, territorial structure of economy, gross regional product, population

References

1. Aibulatov, N.A. 1989, Geojekologija beregovoj zony morja [Geocology coastal sea], *Problemy razvitija morskikh beregov* [Problems of development of sea coast], Moscow, p. 81—87.

2. Aibulatov, N. A. Artyuhin, Yu. V. 1993, *Geojekologija shel'fa i morskikh beregov* [Geoecology shelf and coasts], St. Petersburg.
3. Arakelov, M. S., Ghoghoberidze, G. G., Zhmoyda et al. *Upravlenie razvitiem i geojekologicheskoe rajonirovanie territorial'nyh rekreacionnyh sistem v pribrezhnyh zonah* [Management of development and geo-ecological zoning of territorial recreation systems in coastal areas], St. Petersburg.
4. Bezrukov, L. A. 2006, *Kontinental'no-okeanicheskaja dihotomija v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], doctoral dissertation thesis, Irkutsk.
5. Bezrukov, L. A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaja dihotomija v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in the international and regional development], Novosibirsk.
6. Bocharova, L. K. 2010, *Razvitie morskogo hozjajstva Rossii v Arktike: utocnenie strategicheskikh prioritetov* [Development of marine economy of Russia in the Arctic: refine the strategic priorities], candidate dissertation thesis, Moscow.
7. Voytolovsky, G. K. 1973, *Geografija morskikh putej i promyshlennogo rybolovstva* [Geography of sea routes and commercial fishing], Moscow.
8. Ghoghoberidze, G. G. 2010, *Kompleksnoe regionirovanie primorskih territorij Mirovogo okeana* [Comprehensive zoning of coastal areas of the oceans], St. Petersburg.
9. Ghoghoberidze, G. G. 2009, *Metodologija i metody ocenki morskogo potenciala primorskih territorij* [Methodology and methods of assessing the potential of marine coastal areas], thesis of the doctoral dissertation, Moscow.
10. Dergachov, V. A. 1980, *Prirodno-hozjajstvennaja kontaktnaja zona «susha — okean»* [Natural-economic contact zone "land — ocean"], *Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 112, no. 1, p. 40—45.
11. Zaleski E. 1971, *Geografija morskogo transporta* [Geography of Maritime Transport], Moscow.
12. Zalogin, B. S. 1984, *Jekonomicheskaja geografija Mirovogo okeana* [The economic geography of the world Ocean], Moscow.
13. Ivchenko, V. V. 2008, *Setevoe programirovanie razvitija primorskih regionov Rossii* [Network programming development of the coastal regions of Russia], Kaliningrad.
14. Issledovanija Mirovogo okeana v XX v. [Study of the oceans in the XX century], Institute of Geography of the RAS, available at: <http://igras.ru/index.php?r=21&id=193> (accessed 10.03.2014).
15. Trofimov, N. A. 2014, *Issledovanija okeana: perspektivy morskoy biotehnologii* [Ocean Studies: Prospects for Marine Biotechnology], *Nauka za rubezhom* [Science Abroad], no. 28, January, available at: http://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_za_rubejom_n28.pdf (accessed 12.03.2014).
16. Lavrov, S. B. 1983, *Portovo-promyshlennye komplekсы v probleme vzaimootnoshenij obshhestva i prirodnoj sredy v okeane i regional'noe razvitie primorskih rajonov* [Port and industrial complexes in the problem of relations between society and the natural environment in the ocean and regional development of coastal areas], *Voprosy geografii okeana* [Questions Ocean Geography], abstracts of the 1th Union Conference, Kaliningrad, 1983, September, p. 25—32.
17. *Limanno-ust'evye komplekсы Prichernomor'ja. Geograficheskie osnovy hozjajstvennogo osvoenija* [Liman and Estuarine systems of the Black Sea. Geographical bases of economic development], 1988, Leningrad.

18. Malinina, Yu. V. 2010, *Osobennosti morskoy dejatel'nosti v sovremennykh usloviyakh i ocenka negativnykh posledstviy ot povysheniya morskogo urovnja v XXI stoletii* [Features of maritime activities in modern conditions and assessment of the negative effects from rising sea levels in the XXI century], candidate dissertation thesis, St. Petersburg.

19. Communication from the Commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. An Integrated Maritime Policy for the European Union. Brussels, 2007, 10 October, COM, 575 final, available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2007:0575:FIN:EN:PDF> (accessed 12.02.2014).

20. Eurostat. Database, available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database (accessed 01.03.2014).

21. Makhnovskii, D. E. 2006, Rajonirovanie jekologo-jekonomicheskikh processov v Sankt-Peterburge, Leningradskoj oblasti i na Severo-Zapade Rossii v usloviyakh globalizacii [Zoning ecological and economic processes in St. Petersburg, Leningrad Region and the North-West of Russia in the context of globalization], *Regional'naja jekologija* [Regional ecology], no. 3—4 (27).

22. Mikhailov, S. V. 1957, Jekonomiko-geograficheskoe polozhenie morej SSSR [Economic and geographical situation of the seas of the USSR], *Jekonomicheskaja geografija* [Economic geography], Moscow.

23. Morskaja doktrina Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utv. Prezidentom RF 27.07.2001) [Maritime Doctrine of the Russian Federation for the period up to 2020 (approved. President of the Russian Federation 27.07.2001)], 2001, *Consultant Plus*, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=99415> (accessed 06.03.2014).

24. Nadtochy, G. L. 1979, *Geografija morskogo sudohodstva* [Geography of Maritime Navigation], Moscow.

25. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 8 dekabrya 2010 g. № 2205-r «O Strategii razvitija morskoy dejatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda» [Order of the Government of the Russian Federation of December 8, 2010 № 2205-r "On the Strategy for the Development of maritime activities of the Russian Federation until 2030"], 2010, *GARANT*, available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2073572/> (accessed 12.03.2013).

26. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10 avgusta 1998 g. № 919 «O federal'noj celevoj programme «Mirovoj okean» [RF Government Resolution dated August 10, 1998 № 919 "On the federal target program "World Ocean "], 1998, *GARANT*, available at: <http://base.garant.ru/1577420/> (accessed 12.11.2013).

27. Pokshishevsky, V. V. 1982, *Jekonomicheskaja geografija Mirovogo okeana* [The economic geography of the world Ocean], Moscow.

28. Slevich, S. B. 1988, *Okean, resursy i hozjajstvo* [Ocean resources and economy], Leningrad.

29. Solovyova, I. S. 2006, *Formirovanie regional'nyh morskikh korporacij v usloviyakh globalizacii mirovoj jekonomiki* [Formation of regional marine corporations in a globalizing world economy], candidate dissertation thesis, Murmansk.

30. *Strategija razvitija morskoy portovoj infrastruktury Rossii do 2030 goda* [The development strategy of Russian ports infrastructure up to 2030], 2012, Moscow.

31. Sychev, S. L. 2006, *Kompleksnoe osvoenie pribrezhnoj zony Chernogo morja — vazhnejshij faktor ee ustojchivogo razvitija* [Integrated coastal zone of the Black Sea — a key factor in its sustainable development], candidate dissertation thesis, Krasnodar.

32. Fadeev, S. A. 1998, *Transformacija pribrezhnyh zon v Zapadnoj Evrope i Evropejskoj Rossii: delimitacija i upravlenie* [Transformation of coastal zones in Western Europe and European Russia: the delimitation and management], candidate dissertation thesis, Moscow.
33. Salnikov, S. S. 1979, *Jekonomicheskaja geografija Mirovogo okeana* [The economic geography of the world Ocean], Leningrad.
34. Agglomerations, 2014, *City population*, available at: <http://www.citypopulation.de/> (accessed 12.04.2014).
35. Alexandersson, G., Norstrom, G. 1963, *World shipping. An economic geography of ports and seaborne trade*.
36. Couper, A. D. 1972, *The geography of sea transport*, London.
37. Maritime affairs, 2014, *European Atlas of the Seas*, available at: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/atlas/maritime_atlas/#lang=EN;bkgd=5:0.75;mode=1;pos=11.754:53.652:4;theme=2:0.75:1 (accessed 12.03.2014).
38. Maritime affairs, 2014, *European Atlas of the Seas*, available at: URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/blue_growth/infographics/# (accessed 12.03.2014).
39. Verlaque, Ch. 1974, *Geographie des transports maritimes*, Paris.

About the author

Dr Dmitry Makhnovsky, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Russia.

E-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

УДК 911.5

**ПОНЯТИЕ «СЕТЬ»
В СИСТЕМЕ БАЗОВЫХ
ПОНЯТИЙ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ЭКОНОМГЕОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

О. Н. Болычев*

Понятие «сеть» традиционно используется в социологических и экономических науках, выступая важным объектом исследования форм организации различных явлений и процессов. В рамках данной статьи обосновывается правомерность использования понятия «сеть» в социально-экономической географии, разграничивается место данного понятия в системе традиционных для данной науки понятий: пространственная система, ТПК, кластер. Взаимодействие сетей различных типов на конкретной территории на определенной стадии ее развития образует каркас региона как сложной социально-экономической территориальной системы. Подробно рассматриваются экономические сети в качестве органических систем, обладающих устойчивостью к внешним воздействиям и состоящих из взаимосвязанных хозяйствующих субъектов одной или нескольких смежных отраслей. Сгусток сильных связей внутри такой сети выступает ее ядром, иначе — кластером. На основе ретроспективного анализа научных исследований, посвященных вопросам территориальной организации экономики, делается вывод о целесообразности и высокой практической значимости в контексте принятия управленческих решений изучения сетевых форм с позиции региональной социально-экономической географии. Региональный экономгеографический подход к исследованию сетевых форм организации пространства позволяет учитывать не только организационные особенности самой сети, но и их взаимосвязь с контекстными условиями, в которых она укоренена. Данный подход — комплексный, поэтому дает возможность прогнозировать развитие конкретной сетевой формы при изменении условий и/или влияющих на нее факторов.

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.07.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-5

© Болычев О.Н., 2014

Ключевые слова: территориальная система, экономическая сеть, кластер
Изучение сетей и сетевых форм ор-

ганизации популярно и активно развивается в социальной и экономической науке. Одновременно с середины 60—70 гг. XX в. такая форма организации сотрудничества стала предметом особого внимания как для социологических, так и для экономических наук. В социологии одним из основоположников сетевого подхода принято считать Р. Эмерсона [23; 29], разработавшего «многостороннюю теорию обмена», делая при этом акцент на исследовании сетей обмена. В экономической науке сетевые формы сотрудничества начали изучаться в рамках холярхического подхода, предложенного А. Костлером [33].

Позже сеть как явление стала объектом исследования для ряда наук естественного и гуманитарного направлений, породив тем самым существование большого числа разнообразных определений понятия «сеть», и принять одно из них как наиболее правильное весьма затруднительно [4; 7]. Скорее можно сформулировать общие черты, характерные для сетевых форм организации. Сеть — это локализованная упорядоченная система взаимосвязанных элементов, между которыми происходит распределение каких-либо ресурсов, регулируемое наличием некоего свода формализованных или неформализованных норм. При этом в социологии под элементами сети чаще понимаются индивиды, а в экономической науке — экономические агенты.

Одновременно с началом изучения сетей в социологии и экономике в отечественной и зарубежной социально-экономической географии развивается новый подход к изучению территориальных форм организации, в рамках которого предпринимаются попытки выделения и изучения территориальных социально-экономических систем различного пространственного уровня [2; 15; 17]. Одной из первых значимых в этом отношении экономгеографических концепций является концепция полюсов роста Ф. Перру, относящаяся к 50-м гг. XX в. и базирующаяся на идеях Э. Дахмена о «блоках развития» [24]. Согласно Ф. Перру, полюса роста представляют собой концентрации инновационных предприятий, генерирующих тяговый эффект (*propulsive effect*) вдоль всей производственной цепочки в рамках определенной отрасли [37]. Данный подход к пространственному развитию экономики получил широкое распространение в отраслевой политике со второй половины XX в.

С 1960-х гг. в экономгеографии активно развивалась концепция индустриальных комплексов У. Изарда, основывающаяся на идее наличия «локационных взаимозависимостей» между отраслями [32, с. 377]. У. Изард считал, что в экономике все отрасли в разной степени связаны друг с другом, однако при выделении индустриальных комплексов слабые взаимосвязи могут быть «обоснованно проигнорированы» [32, с. 378]. Данный подход поддерживали С. Чамански и Д. Чамански [25, с. 93—94], и В. Прочник [40, с. 15], предлагавшие рассматривать индустриальные комплексы в качестве «группы», или «блока», таких отраслей экономики, которые связаны между собой потоками товаров и услуг сильнее, чем с другими.

Наличие межотраслевых связей еще в 1980-х гг. отмечалось в качестве положительного фактора для развития известных сетевых форм про-

странственной организации экономики, например, промышленного района (индустриального дистрикта). Так, А. Л. Саксениан [41; 42] писала, что формирование связей межотраслевого и межорганизационного характера, выходящих за рамки цепочки добавленной стоимости, способно помочь преодолению кризисных явлений, затронувших крупные фирмы Кремниевой долины в 1970-е гг. Следует отметить, что почти до конца 80-х гг. XX в. Кремниевая долина рассматривалась учеными как промышленный район, однако позже, благодаря росту популярности работ М. Портера [38] и М. Энрайта [30], определена как кластер.

Работая над кластерной концепцией, М. Портер рассматривал кластер как альтернативный способ организации цепочки создания ценности в экономике. Для него кластер представляет собой группу смежных и взаимодополняющих отраслей, объединенных различными типами связей, в том числе горизонтальными (например, спрос, предложение, навыки, институты и технологии) [27]. В отечественной науке концепция региональных кластеров в значительной степени перекликается с идеями о территориально-производственных комплексах (ТПК) советского экономикогеографа Н. Н. Колосовского [11]. Однако между концепциями существует ряд значительных отличий, обусловленных особенностями плановой и рыночной экономик, что подробно рассмотрено в публикациях И. В. Пилипенко [13], Т. Р. Гареева [9], В. П. Сидорова и Н. П. Шамаевой [16]. В общем виде, как представляется, эти различия заключаются в превалировании горизонтальных связей в системных построениях западной региональной науки и вертикальных — в советской экономгеографии и региональной экономике.

Проведенный анализ работ, посвященных исследованиям территориальных социально-экономических систем и их экономических разновидностей, показывает, что, по сути, под такими системами подразумевается сетевая форма организации взаимодействия отраслей хозяйства в конкретном географическом пространстве. Таким образом, можно констатировать, что сеть как форма организации пространства также выступает классическим объектом исследования социально-экономической географии, а фундаментальные для данной науки понятия (ТСЭС, регион, ТПК, кластер, промышленный район) являются разновидностью сетей, формирующихся в конкретных географических условиях. Экономические разновидности сетей различного пространственного уровня в экономической географии принято называть *кластером*, социальные сети — территориальной общественной системой (ТОС) [18], а комплексные сети — социально-экономической системой (регион или район).

Э. Б. Алаев следующим образом определяет понятие «сеть»: «группа объектов одного вида, квалифицированная степенью упорядоченности их размещения на данной территории (с точки зрения равномерности, плотности). Как можно предположить, объекты, входящие в сеть, относятся к одному компоненту ландшафта или района» [1, с. 55].

В отличие от других наук, изучающих сети в «лабораторных» условиях и акцентирующих свое внимание на внутренней архитектуре, составе, анализе интенсивности и иерархичности связей между элемента-

ми, социально-экономическая география исследует конкретные формы организации сетей в определенных пространственных условиях, анализируя в том числе и взаимодействие сетей с природной компонентой (природно-ресурсным фактором), что делает такие исследования более практико-ориентированными, направленными на решение конкретных задач для определенного пространственного уровня (начиная от локального и заканчивая мегауровнем). Экономико-географический взгляд на сеть предполагает понимание неотделимости ее от контекста, то есть определенного набора факторов и условий, в которых она сформировалась и существует. Изменение контекстного фона неминуемо ведет к изменениям в самой сети. Чтобы прогнозировать изменения в конкретной сетевой форме организации пространства, необходимо представлять, какие факторы, в какой мере и на какие из ее элементов оказывают влияние. Ответ на данный вопрос имеет высокую практическую ценность при принятии управленческого решения на всех иерархических уровнях.

Автором ранее рассмотрены особенности формирования и развития сетей в российской внутренней торговле [5; 6; 8], а также проведен сравнительный анализ Балтийского региона по уровню и темпам развития розничной торговли [3].

Структурно-функциональная классификация сетей позволяет, по нашему мнению, выделить следующие их основные типы:

- экономические (производственные, инфраструктурные и инновационные);
- экитические (расселенческие);
- социальные;
- информационные;
- институциональные;
- политические.

Экономические сети включают в себя, во-первых, элементы — хозяйствующие субъекты одной или нескольких смежных отраслей — и, во-вторых, устойчивые, существенные связи между элементами. Экономические сети — это органические системы, обладающие устойчивостью к внешним воздействиям и реагирующие на них как единое целое. Далее мы будем рассматривать экономические сети, имея в виду, что их функционирование связано с наличием и иных перечисленных выше сетей, а взаимодействие сетей различных типов на конкретной территории на определенной стадии ее развития образует каркас региона как сложной социально-экономической территориальной системы.

Как уже отмечалось, любая сеть состоит из узлов и связей между ними, посредством которых происходит движение ресурсов различного рода. Такими узлами в экономической сети могут выступать как предприятия, так и их группы, отрасли и даже кластеры, которые сами являются разновидностью сетевой формы организации. Взаимодействие отдельных узлов в пространстве ведет к формированию между ними связей. По степени плотности связи могут быть сильными и слабыми (см. табл.).

Сравнительная характеристика сильных и слабых связей в сети

Иерархический уровень	Связи	
	сильные	слабые
Уровень индивидов и их групп	Образуются между людьми, которые постоянно взаимодействуют вследствие их родственной, культурной, территориальной или иной близости	Редкие или разовые взаимодействия между людьми, относящиеся к различным группам сильных связей
Уровень фирм	Взаимозависимые контрактные отношения; долгосрочное сотрудничество и кооперация; инвестиции в реляционный капитал; развитие неформального сотрудничества	Обезличенные контрактные отношения «производитель — потребитель»; разовые четко прописанные контракты; обратная связь через рынок; отсутствие доверительных отношений; развитая конкуренция
Уровень отраслей	Устойчивая взаимосвязь между отраслями, базирующаяся на взаимозависимости значительного числа фирм этих отраслей в долгосрочном периоде; непрерывный межотраслевой обмен ресурсами; синергетические эффекты	Взаимосвязь между отраслями практически отсутствует; возможно разовое взаимодействие небольшого числа фирм одной отрасли с фирмами другой; отсутствие комплементарности ресурсов

Сильные связи устойчивы в долгосрочном периоде и характеризуются взаимозависимостью между взаимодействующими элементами. Ступок сильных связей внутри сети выступает ее ядром, или кластером. В одной сети может быть несколько ядер. Согласно М. Портеру, границы кластера-ядра определяются существующими сильными связями (горизонтальными, вертикальными, структурными) между фирмами [14]. Следует отметить, что границы кластера редко соответствуют стандартным системам отраслевой классификации [38, с. 18]. В реальной экономике сети взаимодействий формируются между компаниями, принадлежащими к различным видам деятельности и отраслям. Как отмечает М. Портер, отрасль в этом смысле «не является подходящей единицей для анализа из-за множества межотраслевых связей внутри кластера» [10, с. 16]. Поэтому именно группы взаимозависимых отраслей получили рассмотрение в науке в качестве регионального кластера [26]. В отличие от отрасли региональный кластер включает всю цепочку создания добавленной стоимости — от поставщиков до конечных продуктов, — учитывая дополнительные услуги и специализированную инфраструктуру. В данном контексте (региональный) кластер — это сетевая форма организации пространства и часть более крупной сети (ее ядро), характеризующаяся географически сконцентрированными и взаимосвязанными потоками товаров и услуг в пределах компетенций участвующих акторов и при этом сохраняющая открытость к остальной экономике [43]. Слабые связи, как эпизодические

и бессистемные, формируют пояс внешних связей кластера, располагаясь вне его границ (рис. 1).

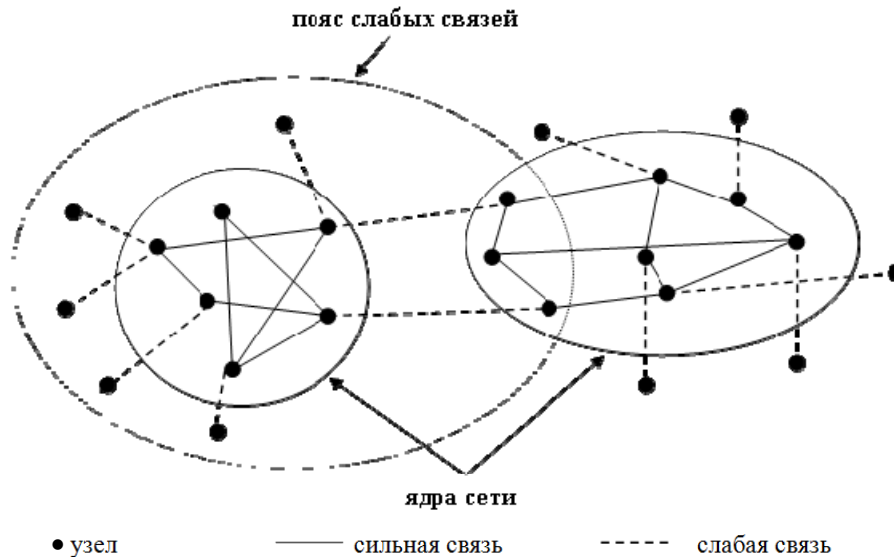

Рис. 1. Структура сетевой формы организации пространства

Согласно М. Грановеттеру, именно слабые связи являются локальными мостами между ядрами сети. Разрушение локальных мостов может привести к обособлению ядер или существенному удлинению «пути» их взаимодействия, что ведет к дополнительным издержкам. Чем больше слабых связей, тем выше плотность элементов сети в ядре и их способность выступать единым целым с целью поддержания общей конкурентоспособности [12]. Результаты значительного количества научных исследований показали, что рассмотрение кластера в качестве внутренней сети взаимодействий значительно ограничивает и искажает реальную картину происходящего. Как отмечается в работах [20—22; 31; 34; 35], высокая зависимость ядра сети от внешних слабых связей, а также размытость его границ заставляют ученых смещать свое внимание на взаимодействия, лежащие за пределами отраслевой специализации ключевых узлов. В данном контексте прогнозирование развития конкретных форм сетевой организации пространства требует выявления комплекса факторов (институциональных, социальных, экономико-географических, культурных, исторических и т. д.), оказывающих влияние не только на сильные, но и на слабые связи. Однако в этом случае встает проблема их высокой динамичности.

Подвижность связей между отраслями приводит к тому, что цепочки добавленной стоимости со временем приобретают другие конфигурации, образуя, согласно Й. Шумпетеру, «новые комбинации» [19]. Происходит формирование принципиально иных промышленных цепочек добавленной стоимости или радикальная реконфигурация уже существующих.

Итогом данного процесса, как правило, становится формирование новых сетевых форм, а в некоторых случаях и появление отраслей. Понимание того, где и каким образом возникают связи в сети, — ключевой аспект в построении эффективной региональной политики. При этом кластеры, будучи очагами региональной экономической активности взаимосвязанных отраслей, позволяют отследить подобные изменения [36].

Первые исследования по выявлению межотраслевых сетевых связей на национальном уровне были проведены в США в 2000 г. Институтом стратегии и конкурентоспособности Гарвардской бизнес-школы под руководством М. Портера. Несмотря на то что методология в значительной мере основывалась на методе экспертных оценок, к 2005 г. она была адаптирована к статистике ЕС Центром стратегии и конкурентоспособности Стокгольмской бизнес-школы и положена в основу исследований Европейской кластерной обсерватории, проводимых с 2007 г. под руководством К. Кетелса. До настоящего времени в европейских исследованиях использовались так называемые кластерные категории, то есть группировки межотраслевых связей, выявленные в США и адаптированные к используемому в странах Европы классификатору NACE. В 2014 г. Европейской кластерной обсерваторией был завершен крупный исследовательский проект по изучению кластерных категорий, результатом которого стало выявление десяти зарождающихся отраслей в экономике ЕС:

- креативные / творческие индустрии;
- экотехнологии;
- индустрия развлечений;
- промышленность «голубого роста» (морская);
- цифровая промышленность;
- современная упаковка;
- технологии мобильности;
- логистические услуги;
- биофармацевтика;
- медицинское оборудование [36].

До этого в 2012 г. Европейская кластерная обсерватория имела следующие новые отрасли в экономике ЕС:

- креативные индустрии (коммуникационное оборудование и услуги; маркетинг, дизайн и издательское дело; музыка и звукозапись; исполнительское искусство; полиграфические услуги; съемка и продажа видеопродукции);
- экологическая промышленность (производство и передача электроэнергии; экологические услуги);
- индустрия развлечений (гостеприимство и туризм; исполнительское искусство);
- морская промышленность (производство и передача электроэнергии; рыболовство и специализированное оборудование; водный транспорт);
- мобильные услуги (средства и услуги связи; пластмасса);
- мобильность (аэрокосмический транспорт и оборона; автомобильная отрасль; коммуникационное оборудование и услуги; производ-

ство и передача электроэнергии; информационные технологии и аналитические инструменты; транспорт и логистика);

— персонализированная медицина (биофармацевтика; услуги страхования) [36].

Всего исследователями из США и ЕС была выявлена 51 кластерная категория, каждая из которых в среднем состоит из 15 взаимозависимых видов экономической деятельности, ориентированных на экспорт. Минимальное число видов деятельности (3) — в группе «Табак», которая объединяет производство сигарет и других табачных изделий, а также переработку табачного листа. Максимальное число видов деятельности (62) — в группе «Дистрибуция и электронная коммерция», включающей оптовую торговлю широким ассортиментом товаров (одежда, продукты питания, химические вещества, газы, оборудование и т. д.), электронную коммерцию, услуги упаковки и маркировки, аренду оборудования и лизинг [26]. Нужно отметить, что исследования межотраслевых связей с целью выявления кластерных категорий проводились в разрезе регионов, что позволило обеспечить успешное применение метода экспертных опросов.

В России информация о подобных исследованиях отсутствует, соответственно данные о наличии тех или иных региональных кластерных категорий (межотраслевых связей) недоступны, а сам региональный кластер зачастую воспринимается как понятие, синонимичное отрасли. Вместе с тем диверсифицированные природно-климатические условия, богатая ресурсная база, высокий потенциал к импортозамещению, наличие значительной материально-технической базы, высокий кадровый потенциал позволяют предположить существование отечественных кластерных категорий, отличающихся по своей структуре от выявленных в США и ЕС.

Выводы

1. Региональный экономгеографический подход к изучению сетевых форм организации пространства позволяет учитывать не только организационные особенности самой сети, но и их взаимосвязь с контекстными условиями, в которых она укоренена. Данный подход — комплексный, поэтому он дает возможность прогнозировать развитие конкретной сетевой формы при изменении условий и/или влияющих на нее факторов.

2. Определяющее значение в сети играет характер взаимодействий между ее элементами. Как правило, в реальных сетевых формах сочетаются сильные и слабые связи. Концентрация взаимозависимых элементов с сильными связями представляет собой ядро сети, или кластер. Движение ресурсов от одного кластера к другому осуществляется через локальные мосты слабых связей.

3. Региональный кластер как территориально локализованная сеть представляет собой группу взаимозависимых хозяйствующих субъектов, которые могут относиться как к одному виду экономической деятельности (отраслевые кластеры), так и к нескольким взаимосвязанным видам (межотраслевые кластеры). Новые устойчивые комбинации видов деятельности порождают новые межотраслевые кластеры. Изменение силы связей между отдельными видами деятельности и отраслями обу-

словлено влиянием комплекса внешних и внутренних факторов (институциональных, экономико-географических, социальных, культурных, исторических и т. д.).

4. Экономгеографическое исследование кластеров (как отраслевых, так и региональных) позволяет полнее изучить как внутренние связи между хозяйствующими субъектами, так и внешние связи с разнообразными территориально локализованными факторами — экономическими, природными, экистическими, социальными, институциональными и другими (то есть связи с другими ТСЭС).

5. Рассматривая региональные кластеры и допуская, что факторы, влияющие на связи внутри ядра сети, то есть на кластер, — внутренние, а на пояс слабых связей — внешние, логично предположить, что в долгосрочном периоде в результате возникновения новых комбинаций межотраслевых связей соотношение и характер влияния внешних и внутренних факторов будет меняться (рис. 2).

		Комплекс факторов, влияющих на межотраслевые связи				
		Институциональные	Экономико-географические	Социальные	Культурные	Исторические
факторы	внешние					
	внутренние	↕	↕	↕	↕	↕

Рис. 2. Соотношение внутренних и внешних факторов влияния на межотраслевые связи в региональном кластере

При прогнозировании динамики конкретной сетевой формы организации пространства необходимо учитывать влияние как внутренних, так и внешних факторов на сильные и слабые связи между различными видами экономической деятельности, входящими в территориально локализованную межотраслевую сеть — региональный кластер.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. Бакланов П.Я. Территориальная структура хозяйства и экономическое районирование // Социально-экономическая география: традиции и современность / под ред. А.И. Шкириной, В.Е. Шувалова. М. ; Смоленск, 2009.
3. Большев О.Н. Дифференциация Балтийского региона по уровню и темпам развития розничной торговли // Регион сотрудничества. Калининград, 2009. Вып. 1 (53). С. 16—25.
4. Большев О.Н., Михайлов А.С. Особенности трансформации сетевых объединений в экономике // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 41—55.
5. Большев О.Н. Территориальная дифференциация развития розничной торговли и торговых сетей в России // Регион сотрудничества. Калининград, 2013. Вып. 3(59).
6. Большев О.Н. Торговая сеть: формирование и стратегическое управление на разных этапах развития. Калининград, 2009.

7. *Болычев О.Н., Фидря Е.С.* Исследования межорганизационных сетей в западной экономической социологии: анализ теоретических подходов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12. С. 128—138.

8. *Болычев О.Н.* Этапы формирования и развития сетевых предпринимательских структур // Известия Тульского государственного университета. Экономические науки. 2009. № 1. С. 270—279.

9. *Гареев Т.Р.* Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. 2012. № 3 (13). С. 7—33.

10. *Кластеры в региональной экономике.* Государственное автономное учреждение Самарской области «Центр инновационного развития и кластерных инициатив». Самара, 2010. URL: [http://innocentr-samara.ru/files/Klastery %20v%20regionlnoy%20economike.pdf](http://innocentr-samara.ru/files/Klastery%20v%20regionlnoy%20economike.pdf) (дата обращения: 03.11.2014).

11. *Колосовский Н.Н.* Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. М., 1947. Сб. 6. С. 133—168.

12. *Кузнецов О.П.* Модели процессов распространения активности в сетевых структурах // XII Всероссийское совещание по проблемам управления, Москва, 16—19 июня 2014. С. 3897—3907. URL: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/prcdngs/3897.pdf> (дата обращения: 03.11.2014).

13. *Пилипенко И.В.* Принципиальные различия в концепции промышленных кластеров и территориально-производственных комплексов // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2004. № 5. С. 3—9.

14. *Портер М.* Конкуренция. М., 2006.

15. *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.

16. *Сидоров В.П., Шамаева Н.П.* Кластеры и территориально-производственные комплексы // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 4. С. 140—144.

17. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества. М., 1981.

18. *Шарьгин М.Д.* Территориальные общественные системы (региональный и локальный уровни организации и управления). Пермь, 2003.

19. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.

20. *Amin A., Cohendet P.* Learning and adaptation in decentralised business networks // Environment and Planning: Society and Space. 1999. 17 (1). P. 87—104.

21. *Bathelt H.* The re-emergence of a media industry cluster in Leipzig // European Planning Studies. 2002. 10. P. 583—611.

22. *Clark G.L., Tracey P.* Global Competitiveness and Innovation: An Agent-Centered Perspective. Houndsmill ; N. Y., 2004.

23. *Cook K.S., Emerson R.M., Gillmore M.R., Yamagishi T.* The Distribution of Power in Exchange Networks: Theory and Experimental Results // The American Journal of Sociology. 1983. № 89 (2). P. 275—305.

24. *Cooke P.* Regional innovation systems, clusters and the knowledge economy // Industrial and corporate change. 2001. № 10 (4). P. 945—974.

25. *Czamanski S., Czamanski D.* Industrial complexes: their typology, structure and relation to regional development // Papers of the regional science association. 1977. № 38. P. 93—111.

26. *Delgado M., Porter M.E., Stern S.* Defining Clusters of Related Industries // NBER Working Paper No. 20375, August 2014. URL: <http://www.nber.org/papers/w20375> (дата обращения: 02.11.2014).

27. *Delgado M., Porter M.E., Stern S.* Defining Clusters of Related Industries. 2014 URL: <http://clustermapping.us/sites/default/files/files/page/Traded%20Clusters%20Appendix.pdf> (дата обращения: 30.10.2014).

28. *Delgado M., Porter M.E., Stern S.* Defining Clusters of Related Industries. Paper presented at the Industry studies association annual conference. Kansas City, 2013, May 28—31. URL: <http://www.industrystudies.pitt.edu/kansascity13/documents/Papers/2.4%20-%20Delgado%20-%20Presentation.pdf> (дата обращения: 30.10.2014).
29. *Emerson R.M., Berger J., Zelditch M., Anderson B.* Exchange Theory, P. 2: Exchange Relations and Networks. Sociological Theories in Progress. Vol. 2. Boston, 1972. P. 58—87.
30. *Enright M.J.* The geographic scope of competitive advantage / eds. E. Driven, J. Groenewegen, S. van Hoof // *Stuck in the Region? Changing scales for regional identity.* Utrecht, 1993. P. 87—102.
31. *Gertler M.S.* Tacit knowledge and the economic geography of context, or The undefinable tacitness of being (there) // *Journal of Economic Geography.* 2003. № 3. P. 75—99.
32. *Isard W.* Methods of regional analysis: an introduction to regional science. Cambridge, MA. 1969.
33. *Koestler A.* The Ghost in the Machine. London, 1967.
34. *Malecki E.J., Oinas P.* (eds.). Making Connections. Technological Learning and Regional Economic Change. Aldershot; Ashgate, 1999.
35. *Malmberg A., Power D.* (How). Do Firms in Clusters Create Knowledge? // Paper presented at the DRUID Summer Conference 2003 on 'Creating, Sharing and Transferring Knowledge: The Role of Geography, Institutions and Organizations'. Copenhagen, 2003.
36. *Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors / Ch. Ketels and S. Protsiv* (eds.) // *European Cluster Observatory REPORT.* 2014. URL: <http://ec.europa.eu/enterprise/initiatives/cluster/observatory/d1.2-cluster-mapping-report.pdf> (дата обращения: 01.11.2014).
37. *Perroux F.* A Note on the Notion of Growth Pole // *Applied Economy.* 1955. № 1(2). P. 307—320.
38. *Porter M.E.* Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // *Economic Development Quarterly.* 2000. № 14. P. 15—34.
39. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations // *Harvard Business Review.* 1990. March-April. P. 73—93.
40. *Prochnik V.* Industrial complexes revisited // Paper presented at the international Joseph Schumpeter conference. Vienna, 1998.
41. *Saxenian A.L.* The origins and dynamics of production networks in Silicon Valley. University of California at Berkley, Institute of urban and regional development // Working paper. 1990. № 516.
42. *Saxenian A.L.* Regional production networks and the resurgence of Silicon Valley. University of California at Berkley, Institute of urban and regional development // Working paper. 1989. № 508.
43. *What are Industrial Clusters?* San Diego Association of governments. URL: http://www.sandag.org/rta/transfer/industrial_clusters.pdf (дата обращения: 28.10.2014).

Об авторе

Олег Николаевич Большечев, кандидат экономических наук, научный руководитель лаборатории сетевых исследований Центра социально-экономических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: Obolychev@vester.ru

THE CONCEPT OF "NETWORK" IN THE SYSTEM
OF BASIC CONCEPTS OF REGIONAL ECONOMIC GEOGRAPHY

O. Bolychev*

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on June 20, 2014

The concept of "network" is traditionally used in sociological and economic sciences and serves as an important object of research on the organisational forms of different phenomena and processes. This article examines the use of the "network" concept in socioeconomic geography through identifying the place of this concept in the system of traditional concepts of this branch of geography: spatial system, territorial production complex, and cluster. The interaction between networks on a certain territory at a certain stage of its development comprises the framework of a region as a complex socioeconomic territorial system. The author examines economic networks as organic systems characterised by resistance to external effects and comprised of interconnected economic agents from one or several related industries. A concentration of strong connections within such network constitutes its core or a cluster. Based on a retrospective analysis of studies into the spatial organisation of economy, it is concluded that there is a need to examine network forms from the perspective of regional socioeconomic geography in the context of managerial decision-making. The regional economic geographical approach to studying network forms of spatial organisation makes it possible to take into account not only the organisational features of the network itself, but also their connections to the related contextual conditions. It is an integrated approach, thus, it makes it possible to forecast the development of a certain network form in case of a change in the conditions or factors affecting it.

Key words: spatial system, economic network, cluster

References

1. Alaev, E.B. 1983, *Social'no-jekonomicheskaja geografija: ponjatijno-terminologicheskij slovar'* [Socio-economic geography: conceptual and terminological dictionary], Moscow, 350 p.
2. Baklanov, P. Ya. 2009, Territorial'naja struktura hozjajstva i jekonomicheskoe rajonirovanie [The territorial structure of the economy and economic zoning]. In: Shkirina, A.I., Shuvalov, V.E. (eds.), *Social'no-jekonomicheskaja geografija: tradicii i sovremennost'* [Socio-economic geography: tradition and modernity], Moscow — Smolensk, 347 p.
3. Bolychev, O.N. 2009, Differenciacija Baltijskogo regiona po urovnju i tempam razvitiya roznichnoj trgovli [Differentiation of the Baltic region in the level and

pace of development of retail trade], *Region sotrudnichestva* [Region cooperation], no.1 (53), p. 16—25.

4. Bolychev, O., Mikhailov, A. 2014, Network Transformations in Economy, *Balt. Reg.*, no. 3 (21). DOI: 10.5922/2079-8555-2014-3-3.

5. Bolychev, O.N. 2013, Territorial'naja differenciacija razvitija roznichnoj trgovli i trgovyih setej v Rossii [Territorial differentiation of retailers and retail chains in Russia], *Region sotrudnichestva* [Region cooperation], no. 3 (59).

6. Bolychev, O.N. 2009, *Torgovaja set': formirovanie i strategicheskoe upravlenie na raznyh etapah razvitija* [Trading Network: formation and strategic management at different stages of development], Kaliningrad, 87 p.

7. Bolychev O., Fidrya E. 2013, Issledovanija mezhhorganizacionnyh setej v zapadnoj jekonomicheskoy sociologii: analiz teoreticheskikh podhodov [Inter-organizational networks as seen by western economic sociology: An analysis of theoretical approaches], *Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University*, no. 12, p. 128—138.

8. Bolychev, O.N. 2009, Jetapy formirovanija i razvitija setevykh predprinimatel'skih struktur [Stages of formation and development of network business structures], *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie nauki* [Proceedings of the Tula State University. Economics], no. 1, p. 270—279.

9. Gareev, T. 2012, Clusters in the institutional perspective: on the theory and methodology of local socioeconomic development, *Balt. Reg.*, no. 3 (13), p. 4—24. DOI: 10.5922/2079-8555-2012-3-1.

10. *Klastery v regional'noj jekonomike* [Clusters in the regional economy], 2010, Samara, State Autonomous Institution of Samara Region "Centre of innovative development and cluster initiatives", available at: <http://innocentr-samara.ru/files/Klastery%20v%20regionnoy%20ekonomike.pdf> (accessed 03.11.2014)

11. Kolosovsky, N.N. 1947, Proizvodstvenno-territorial'noe sochetanie (kompleks) v sovetskoj jekonomicheskoy [Production and territorial combination (complex) in Soviet economic geography], *Voprosy geografii* [Questions of geography], no. 6, p. 133—168.

12. Kuznetsov, O.P. 2014, Modeli processov rasprostraneniya aktivnosti v setevykh strukturah [Model of the propagation of activity in network structures]. In: *XII Vserossijskoe soveshhanie po problemam upravlenija* [XII All-Russian Conference on Control Problems], Moscow, 2014, 16—19 June, p. 3897—3907, available at: <http://vspu2014.ipu.ru/proceedings/predngs/3897.pdf> (дата обращения: 03.11.2014).

13. Pylypenko, I. V. 2004, Principial'nye razlichija v koncepcii promyshlennyh klasterov i territorial'no-proizvodstvennyh kompleksov [Fundamental differences in the concept of industrial clusters and clustering], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5. Geografija* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 5, p. 3—9.

14. Porter, M. 2006, *Konkurencija* [Competition], Moscow, 261 p.

15. Saushkin, Yu.G. 1973, *Jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, methods, practices], Moscow.

16. Sidorov, V.P., Shamaeva, N.P. 2011, Klastery i territorial'no-proizvodstvennye komplekсы [Clusters and territorial production complex], *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], no. 4, p. 140—144.

17. Horev, B.S. 1981, *Territorial'naja organizacija obshhestva* [Territorial organization of society], Moscow.

18. Sharygin, M.D. 2003, *Territorial'nye obshhestvennye sistemy (regional'nyj i lokal'nyj urovni organizacii i upravlenija)* [Local social systems (regional and local levels of the organization and management)], Perm'.

19. Schumpeter, J. 1982, *Teorija jekonomicheskogo razvitija* [Theory of Economic Development], Moscow, 174 p.

20. Amin, A., Cohendet, P. 1999, Learning and adaptation in decentralised business networks, *Environment and Planning: Society and Space*, no. 17 (1), p. 87—104.
21. Bathelt, H. 2002, The re-emergence of a media industry cluster in Leipzig, *European Planning Studies*, no. 10, p. 583—611.
22. Clark, G.L., Tracey, P. 2004, *Global Competitiveness and Innovation: An Agent-Centered Perspective*. Houndsmill, New York.
23. Cook, K.S., Emerson, R.M., Gillmore, M.R., Yamagishi, T. 1983 The Distribution of Power in Exchange Networks: Theory and Experimental Results, *The American Journal of Sociology*, no. 89 (2), p. 275—305.
24. Cooke, P. 2001, Regional innovation systems, clusters and the knowledge economy, *Industrial and corporate change*, no. 10 (4), p. 945—974.
25. Czamanski, S., Czamanski, D. 1977, Industrial complexes: their typology, structure and relation to regional development, *Papers of the regional science association*, no. 38, p. 93—111.
26. Delgado, M., Porter, M.E., Stern, S. 2014, Defining Clusters of Related Industries, *NBER Working Paper*, no. 20375, August 2014, available at: <http://www.nber.org/papers/w20375> (accessed 02.11.2014)
27. Delgado, M., Porter, M.E., Stern, S. 2014, Defining Clusters of Related Industries, *Cluster by Cluster Definitions (Traded)*, June 2014, available at: <http://clustermapping.us/sites/default/files/files/page/Traded%20Clusters%20Appendix.pdf> (accessed 30.10.2014)
28. Delgado, M., Porter, M.E., Stern, S. 2013, Defining Clusters of Related Industries, *Paper presented at the Industry studies association annual conference*, Kansas City, 2013, May 28—31, available at: <http://www.industrystudies.pitt.edu/kansascity13/documents/Papers/2.4%20-%20Delgado%20-%20Presentation.pdf> (accessed 30.10.2014)
29. Emerson, R.M., Berger, J., Zelditch, M., Anderson, B. 1972, Exchange Theory, Part II: Exchange Relations and Networks, *Sociological Theories in Progress*, Vol. 2, p. 58—87.
30. Enright, M.J. 1993, The geographic scope of competitive advantage. In: Driven, E., Groenewegen, J., van Hoof, S. (eds.), *Stuck in the Region? Changing scales for regional identity*, Utrecht, p. 87—102.
31. Gertler, M.S. 2003, Tacit knowledge and the economic geography of context, or The undefinable tacitness of being (there), *Journal of Economic Geography*, no. 3, p. 75—99.
32. Isard, W. 1960, *Methods of regional analysis: an introduction to regional science*, Cambridge, MA.
33. Koestler, A. 1967, *The Ghost in the Machine*, London.
34. Malecki, E.J., Oinas, P. (eds.), 1999, *Making Connections. Technological Learning and Regional Economic Change*, Aldershot, Ashgate.
35. Malmberg, A., Power, D. 2003, (How) Do Firms in Clusters Create Knowledge? *Paper presented at the DRUID Summer Conference 2003 on 'Creating, Sharing and Transferring Knowledge: The Role of Geography, Institutions and Organizations'*, 2003, June 12—14, Copenhagen.
36. Ketels, Ch. Protsiv, S. (eds.), 2014, Methodology and Findings Report for a Cluster Mapping of Related Sectors. In: *European Cluster Observatory REPORT*, available at: <http://ec.europa.eu/enterprise/initiatives/cluster/observatory/d1.2-cluster-mapping-report.pdf> (accessed: 01.11.2014).
37. Perroux, F. 1955, A Note on the Notion of Growth Pole, *Applied Economy*, no. 1(2), p. 307—320.

38. Porter, M.E. 2000, Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy, *Economic Development Quarterly*, no. 14, p. 15—34.
39. Porter, M.E. 1990, The Competitive Advantage of Nations, *Harvard Business Review*, March-April, 73—93.
40. Prochnik, V. 1998, Industrial complexes revisited, *Paper presented at the international Joseph Schumpeter conference*, Vienna, Austria, 1998, June.
41. Saxenian, A.L. 1990, The origins and dynamics of production networks in Silicon Valley, University of California at Berkley, Institute of urban and regional development, *Working paper no.516*.
42. Saxenian, A.L. 1989, Regional production networks and the resurgence of Silicon Valley. University of California at Berkley, Institute of urban and regional development, *Working paper no.508*.
43. *What are Industrial Clusters?* San Diego Association of governments, available at: http://www.sandag.org/rta/transfer/industrial_clusters.pdf (accessed: 28.10.2014).

About the author

Dr Oleg Bolychev, Research Supervisor, Laboratory for Network Studies, Centre for Socioeconomic Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: obolychev@vester.ru

УДК 911.3

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ЛАНДШАФТЫ
КАЛИНИНГРАДА
КАК ОБЪЕКТЫ
ПРИТЯЖЕНИЯ
ГОРОДСКОГО
ТУРИЗМА**

Е. Г. Кропинова*
К. А. Кропинова**

Рассматриваются вопросы развития городского туризма как одного из факторов социально-экономического развития территории. Проведен расчет поступлений от туризма при появлении нового объекта для посещения и включении его в экскурсионные маршруты и программы. Выполнен анализ опыта развития исторических городов Европы с позиций туристической привлекательности. Проанализирована роль архитектурного ландшафта в формировании позитивного имиджа города для туристов. На примере Калининграда рассмотрена история вовлечения объектов историко-культурного наследия в туристическое использование.

Приведены также результаты Международного архитектурно-градостроительного конкурса на разработку концепции развития территорий исторического центра Калининграда «Королевская гора и ее окружение» («Сердце города»). Даны рекомендации по использованию наиболее интересных с позиций туристской привлекательности предложений конкурсантов. Выявлены возможности формирования новых архитектурных ландшафтов.

Ключевые слова: пространственная организация туризма; городской туризм; экономика туризма; архитектурный ландшафт; туристская привлекательность; архитектурно-градостроительный конкурс; исторический центр Калининграда

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

**Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9

Поступила в редакцию 10.09.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-6

© Кропинова Е. Г., Кропинова К. А., 2014

Введение

Роль городов как туристических дестинаций постоянно возрастает. Наибольшей популярностью пользуются исторические города, и Калининград — один из таких городов. Однако его туристический потенциал в настоящее время используется не в достаточной мере. Во многом это связано с тем, что в ходе Второй мировой войны были утрачены наиболее

яркие объекты историко-культурного и архитектурного наследия, ради которых туристы готовы совершать путешествия. Поэтому одним из результатов проведенного в 2013—2014 гг. конкурса проектов застройки исторического центра «Сердце города» должно стать формирование имиджа Калининграда как туристической дестинации. При этом основная роль отводится формированию привлекательных для туристов архитектурных ландшафтов.

Несмотря на стабильно возрастающий интерес к проблемам развития городов, в российских и зарубежных исследованиях вопросам городского туризма и городского пространства для целей туризма уделяется недостаточно внимания. При изучении городского туризма исследователи чаще сосредотачиваются на событийных мероприятиях, или на культурном туризме. Событийный туризм как особая форма культурного туризма рассматривается в качестве способа решения проблем дифференциации туристического продукта и преодоления сезонности в условиях постоянного роста конкуренции среди городов [19]. Для Калининградской области особенно полезен опыт исследователей из стран-соседей. В Польше, например, особое внимание уделяется возрождению историко-культурного наследия в контексте воссоздания окружающего ландшафта, ведь здесь имеется 446 местностей, где туристские ресурсы связаны с польской историей [18].

При изучении городского пространства в контексте его привлекательности для туристов можно согласиться с выделением в теории Д. Макканнела трех составных элементов: достопримечательности, туристы и маркеры. В этой связи теория туристской привлекательности фокусируется в основном на вопросе о том, как была задумана презентация пространства. Таким образом, необходимо организовать восприятие культурного опыта потенциальными посетителями с целью их реального привлечения [15].

Целостное восприятие достопримечательности как культурно-исторического объекта достигается путем создания архитектурных ансамблей, под которыми понимается функционально связанная совокупность зданий и прилегающей среды, приведенная к единству и получившая определенный художественный облик [9]. Выделяют два вида архитектурных ансамблей: созданные в течение длительного времени (они несут в себе отпечатки различных эпох и стилей) и созданные одновременно, по одному замыслу (в этом случае их будет характеризовать единый архитектурный стиль).

Под архитектурным ландшафтом в данной статье будем понимать территориальный комплекс, объединяющий однородные объекты — архитектурные ансамбли, которому свойственна гармоничная организация пространства.

Цель работы — изучение современных процессов формирования архитектурных ландшафтов Калининграда для превращения его в конкурентоспособную туристическую дестинацию. В ходе достижения поставленной цели нами были изучены следующие вопросы: понятие городского туризма и роли архитектурных композиций и ландшафтов в

туристической привлекательности города; опыт формирования архитектурных ландшафтов исторических центров европейских городов, пострадавших в ходе Второй мировой войны; история развития городского пространства Калининграда и роли конкурса «Сердце города» в возрождении его исторического центра. По результатам исследования предложены рекомендации по усилению туристической функции при формировании архитектурных ландшафтов исторических городов.

1. Городской туризм — наиболее эффективная функция «нового старого» городского пространства

При изучении городского туризма основным предметом исследования выступает формирование городского пространства как туристической дестинации. Каким должен быть город с точки зрения туристов? Город должен привлекать, быть современным и удобным, но при этом сохранять свою особенность, историческую атмосферу, пусть даже трансформированную во времени, но отраженную в современной действительности.

В российской практике имеются попытки оценки города как туристской дестинации. Например, З. Ю. Желнина выделяет: востребованность, инновации, рост специализированной инфраструктуры, усиление связи с другими видами деятельности, рост оборота информации, видов и качества труда в туризме, увеличение числа внутренних операторов [5]. Однако данное направление требует дальнейшей проработки, когда для указанных параметров будут не просто предложены характеристики, а приведены конкретные индикаторы, отражающие как абсолютные характеристики, так и их динамику.

Городской туризм как самостоятельный вид туризма почти не представлен в традиционных классификациях. Он априори входит в состав «классических» видов (деловой, этнический, познавательный, религиозный, индустриальный, транзитный, историко-культурный), выделяемых исследователями индустрии туризма, такими как А. Ю. Александрова, В. А. Квартальнов, Ю. А. Веденин. В этой связи наибольший интерес представляет классификация, предложенная Д. В. Николаенко и основанная на объектах притяжения туристов. В ней выделяются «большие города» и «малые города, пережившие славу и расцвет» [10].

Логично, на наш взгляд, определение понятия «городской туризм» как совокупности различных видов туризма (делового, культурно-исторического и культурно-познавательного, образовательного и др.), реализация которых возможна в пределах городской черты. Центровое для туристов место при этом, согласно исследованиям, занимает центр города, который является объектом посещения во время любого путешествия.

Городской туризм обладает следующими функциями, определяющими цели путешествия:

- познавательной (получение новой информации, расширение кругозора);
- образовательной (получение знаний, приобретение навыков, обмен опытом);

- культурной (музеи, выставки, театры);
- религиозной (стремление к одухотворенности);
- событийной (возможность стать участником определенных событий и мероприятий);
- торговой (приобретение товаров различной необходимости, индустрия моды, стремление к индивидуальности).

Соответственно чем выше функциональность и больше вариантов сочетаний указанных функций, тем насыщеннее городское пространство, тем выше экскурсионная емкость и тем привлекательнее туристская дестинация.

2. Опыт преобразования городского пространства для формирования туристической привлекательности. Города для туристов

Подходы к преобразованию городского пространства в течение последних 70 лет претерпевали качественные изменения. Это видно в эволюции современного архитектурного облика исторических городов.

Во-первых, можно выделить как «крайности» в виде максимально точного воспроизведения исторических форм (например, исторические центры Варшавы, Гданьска, восстановление которых было начато в первые послевоенные годы), когда архитекторы стремились не только сохранить старые формы, но и дать «вторую жизнь» сохранившимся подлинным архитектурным фрагментам — порталам, стенам и др. Многими экспертами данный подход характеризуется как неудачный с позиций развития туризма. Однако с этим можно согласиться лишь частично, поскольку низкая емкость средств размещения в центральных городских районах (вследствие сохранения низкоэтажной исторической застройки) компенсируется более высокой стоимостью номеров, обусловленной максимальной приближенностью к объектам историко-культурного наследия и даже непосредственным размещением в них. При этом обеспечивается максимальное сохранение исторического архитектурного ландшафта.

Во-вторых, происходит внедрение современных архитектурных форм в восстанавливаемые кварталы, что приводит к упрощению исторических видов фасадов, резким контрастам между исторической и «неисторической» застройкой, несоблюдению исторической высотности. В результате этого сохранившиеся уникальные объекты оказываются за пределами обзора, что нарушает целостное восприятие пространства, а объекты выглядят как отдельные элементы. В результате с позиций туристической привлекательности исторические центры, например, Познани и Щецина уступают соответствующим районам Гданьска или Варшавы.

В-третьих, наблюдается восстановление исторических центров в новых формах, без стремления к «исторической справедливости». В качестве примера эксперты приводят Роттердам и Дрезден [11]. Такое восстановление — альтернативный способ преобразования городского пространства, когда в результате полного переустройства территории создаются новые пространственные формы. Можно иметь различные мнe-

ния относительно их привлекательности, но туристы в качестве основной цели путешествия уже отмечают посещение Дрезденской галереи, а не исторического города Дрезден. Вместе с тем грамотно созданный современный архитектурный ландшафт также находит своих поклонников.

В-четвертых, в 1970—1980-е гг. проводилось восстановление структуры и масштабов исторической городской ткани без попыток воссоздания архитектурных форм. Мы можем видеть внедрение данного подхода, например, в Берлине, если взять в качестве примера исторический район Курфюрстердам. Для этой территории характерно, с одной стороны, сохранение высотности: единственное здание, аналогичное по высоте доминанте — законсервированному разрушенному собору (сохраненному как напоминание о войне и предостережение потомкам), — новая башня этого же собора, где проходят службы. Такое решение обеспечивает поддержание «коллективной памяти» города. С другой стороны, новые здания, заменившие разрушенную во время войны историческую застройку, характеризуются подчеркнутой современностью архитектурных форм, например здания «Мерседес-центра», «М-видео» и др. При этом в современной застройке видны жесткие градостроительные регламенты. Именно сохранение исторической планировочной структуры, грамотное вкрапление отреставрированных фасадов в восстановленную среду, наполнение территории востребованным функционалом (в этой части города жизнь кипит круглые сутки) обеспечило целостность восприятия архитектурного ландшафта, что делает Курфюрстердам одним из наиболее привлекательных, а значит и посещаемых, районов Берлина.

В качестве еще одного примера реализованного подхода к преобразованию городского пространства можно привести реконструкцию города Эльблонга. Данный проект чаще всего подвергается критике. Основным недостатком считают то, что «новодел» не может быть востребован с позиций «исторической справедливости». Однако для специалистов туристской индустрии главное в городе — не только и не столько исторически правдиво воссозданная архитектура (это в большей степени область исследования историков), сколько грамотно организованное городское пространство, удобное и востребованное туристами. Эльблонг с этих позиций, по нашему мнению, полностью отвечает заданным требованиям: компактность исторического центра, удачное сочетание жилой (верхние этажи) и общественной (первые и нулевые этажи) застройки; красивые архитектурные формы, вписывающиеся в общепризнанные каноны средневековой архитектуры; удачное расположение вдоль водной артерии, позволяющей в полной мере воссоздать облик ганзейского города; вкрапления частично сохранившихся и реконструированных объектов историко-культурного наследия (ворота, собор и др.). С позиций туризма можно утверждать, что процесс ревизитализации исторического центра Эльблонга прошел успешно.

Таким образом, большинство исторических городов Европы к настоящему времени прошло испытание временем и обрело устоявшийся современный облик. Этому способствовали два основных подхода к городским объектам — сохранение и формирование. Сохранение и реконструкция

исторического наследия и уцелевшего после Второй мировой войны — во-первых, необходимая мера для поддержания исторического облика городов, гармонично вписывающихся в традиции старой Европы. Во-вторых, это один из важнейших компонентов развития социально-экономического потенциала, прежде всего за счет привлечения туристов. Формирование же нового исторического пространства позволяет придать городу совершенно иной облик, новое настроение, что будет способствовать привлечению не только о внутренних, но и иностранных туристов. В данном случае речь идет больше о пространственных комплексах-объектах, чем об отдельных строениях, будь то воссозданные или новые, но стилизованные сооружения. Данные комплексы могут воплощаться в разных оригинальных формах, имеющих историческую тематику. Оба названных подхода способствуют формированию архитектурного ландшафта, где история, воплощенная в разнообразии городского пространства, представляется объектом туризма [16].

3. Экономическая составляющая городского туризма: роль историко-культурных объектов

Согласно данным консалтинговой компании «Маркетинг европейских городов» (European Cities Marketing), в 2006 г. основные туристические города Европы заработали на туризме 540 млн евро. С тех пор ежегодно доход от городского туризма растет на 19 млн евро. По данным компании, ежегодный рост числа туристических ночевков в городах Европы составил 600 тыс. Значительную роль в этом сыграло развитие сегмента недорогих авиаперевозок, объем которых в 2008 г. увеличился на 14%. Наибольшее число туристов приняли города, куда летают бюджетные авиакомпании: Кёльн, Дублин, Таллин, Цюрих и др. При этом городской туризм — одно из наиболее быстро развивающихся туристических направлений. В настоящее время на его долю приходится 40% от общего числа путешествий по Европе [13].

По расчетам экспертов, культурно-познавательный туризм ежегодно привлекает в Калининградскую область следующее количество туристов:

а) экскурсионные туристы — 50—100 тыс. человек, значительная часть которых — транзитные туристы, останавливающиеся на 1—2 дня во время проезда по международным туристским маршрутам;

б) рекреанты (туристы, прибывающие на курорты с лечебно-оздоровительными целями) — около 100 тыс.; они посещают культурно-исторические объекты как организованными экскурсионными группами, так и самостоятельно; останавливаются в Калининградской области в среднем 7—10 дней;

в) деловые туристы (около 30 тыс.), посещающие культурно-исторические объекты самостоятельно или участвующие в экскурсиях, организованных принимающей стороной;

г) внутренние туристы (основная часть с образовательными целями в составе организованных групп).

Согласно данным, приведенным в постановлении Правительства Калининградской области «О Государственной программе Калининградской области "Туризм"» [12], с целью культурно-познавательного туризма в регион ежегодно прибывает 28% туристов (около 150 тыс. человек). К этому, по нашей экспертной оценке, следует добавить еще около 100 тыс., прибывающих с целью лечебно-оздоровительного туризма и также посещающих центр Калининграда с экскурсионной программой. При сохранении аналогичной пропорции в распределении по видам туризма и в случае достижения указанных в упомянутой программе индикаторов (к 2020 г.— 1,5 млн человек, останавливающихся в Калининградской области не менее чем на одну ночевку); по предварительным оценкам, в 2014 г. в регион с целью «культурно-познавательный туризм» прибыло не менее 450 тыс. человек. С учетом других целевых групп объекты историко-культурного наследия посетят не менее 700 тыс. человек. В настоящее время, несмотря на богатую историю региона, экскурсионный потенциал Калининградской области составляет всего 1,5—2 суток (как правило, 1—2 ночевки). Это связано с недостаточным количеством и качеством сохранившихся историко-культурных объектов. Следовательно, введение новых туробъектов будет способствовать расширению экскурсионного потенциала с увеличением численности посетителей, прежде всего в рамках целевой группы «экскурсанты».

При этом создание новых объектов притяжения туристов (за счет воссоздания утраченных или создания искусственных аттракций) актуально в силу расширения экскурсионной емкости города. Так, ввод в действие летней экспозиции музея под открытым небом на месте раскопок Королевского замка в 2006 г. расширил экскурсионный потенциал на 2 часа [14]. В случае, если на этом же месте возникнет новый ландшафтный комплекс (например, содержащий музейную экспозицию), то это «задержит» туристов как минимум еще на 3—4 часа и, следовательно, увеличит срок их пребывания в Калининграде до 2—3 суток и более.

Экономическая целесообразность воссоздания исторического центра города очевидна. Если продолжительность пребывания 450 туристов возрастет всего на один день, соответственно расходы одного туриста увеличатся на 5000 рублей (среднесуточные расходы одного туриста — согласно статистическим данным), то совокупные ежегодные затраты туристов возрастут на 2 млрд 250 тыс. рублей, а доход регионального и местного бюджетов увеличится соответственно на 225 млн рублей в год.

4. Формирование архитектурных ландшафтов в пределах исторического центра Калининграда

Калининград располагает значительным количеством объектов историко-культурного наследия. Согласно данным Службы охраны памятников, на территории города находится 429 объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране. Однако наибольшей популярностью пользуются лишь около 10 объектов (см. табл.). Причем еди-

нические объекты, такие как форты, Королевские ворота, посещает примерно треть гостей области; архитектурно-исторические комплексы: Кафедральный собор, Музей янтаря — около половины экскурсантов. Наибольшей популярностью пользуются как раз архитектурные ландшафты — Рыбная деревня и Музей Мирового океана [1]. Примечательно, что оба эти объекта представляют собой архитектурные ландшафтные комплексы, расположенные в исторической части города у воды.

Наиболее привлекательные для туристов объекты на территории центральной части Калининграда

Объект	Современное использование	Экспертная оценка туристской привлекательности
Здание университета Альбертины (проект Ф.А. Штюллера), бронзовая скульптура И. Канта	Здание БФУ им. И. Канта и памятник И. Канту включены в туристические маршруты	Архитектурный комплекс, требующий дальнейшего оформления — реконструкции исторического вида здания университета (воссоздания галереи), обустройства Парадной площади перед зданием. Потенциальный архитектурный ландшафт
Археологические раскопки на месте Королевского замка	Смотровая площадка археологических раскопок	Объект притяжения туристов Объект конкурса «Сердце города» — в техническом задании обозначен как Центральная площадь
Городской зал Кёнигсберга (здание Штадтхалле)	Калининградский областной историко-художественный музей	Недостаточно вписан в общий ландшафт Нижнего озера, «вырван» из контекста истории. Потенциальный архитектурный ландшафт
Фридрихсбургские ворота — элемент крепости (форта Фридрихсбург)	Историко-культурный центр «Корабельное воскресенье» (филиал Музея Мирового океана)	Архитектурный комплекс, состоящий из двух музейных комплексов: Фридрихсбургские ворота и Лодейный двор
Музей Мирового океана	Музейный комплекс	Архитектурный ландшафт, состоящий из главного и экспозиционно-выставочных корпусов, набережной исторического флота с ошвартованными научно-исследовательскими и рыболовными судами-музеями, подводной лодкой-музеем
Рыбная деревня	Этнографический и торгово-ремесленный центр	Архитектурный ландшафт, стилизованный под архитектуру довоенного Кёнигсберга, в башне «Маяк» — художественная галерея и частный туристский информационный центр

5. Архитектурные ландшафты в «Сердце города»

В настоящее время продолжается процесс формирования нового городского пространства Калининграда. При этом туристическая функция заявлена как одна из основных. Так, в «Стратегии социально-эко-

номического развития городского округа "Город Калининград" на период до 2025 г.» в качестве приоритетных проектов стратегии названы «Формирование водного фасада города» и «Развитие исторической части центра как части историко-культурного наследия Европы для включения в европейские туристические потоки». В Государственной программе Калининградской области «Туризм» заложено формирование культурно-познавательного кластера «Сердце города» (историческая часть Калининграда) [12].

В 2013 г. некоммерческое партнерство «Градостроительное бюро "Сердце города"» по поручению Правительства Калининградской области и при содействии администрации муниципального образования «Городской округ "Город Калининград"» объявило открытый Международный архитектурно-градостроительный конкурс на разработку концепции развития территорий исторического центра Калининграда (Королевская гора и ее окружение) [11]. Цель конкурса — дать обоснованное урбанистическое, градостроительное и объемно-пространственное решение для территорий бывшей Королевской горы и ее ареалов (территория площадью 56 га в границах набережной р. Новая Преголя, улиц Зарайская, Шевченко, Клиническая, Пролетарская, Сергеева, Университетская, Житомирская, В. Гюго) [4; 11].

Итоги конкурса были подведены 19 сентября 2014 г. В заключительном его этапе приняли участие 19 (из 30 отобранных для второго этапа конкурса) человек из 14 стран мира. Согласно опубликованным данным, третье место в конкурсе разделили Тревор Скемптон из Великобритании и шведская компания HOSPER. Второе место занял французско-московский проект, подготовленный бюро *Devilliers u Off-the-grid studio*. Победителем же этого международного конкурса была объявлена совместная работа «Студии 44» и Института территориального развития (Санкт-Петербург) под руководством знаменитого российского архитектора Н. Явейна [11]. Подробное описание предложений и их схематическое оформление представлены на официальном сайте «Сердца города» в итогах конкурса (<http://www.tuwangste.ru/contest>). Однако, на наш взгляд, в других проектах, представленных на конкурс, можно найти не менее интересные с точки зрения создания центров притяжения для туристов идеи.

В наибольшей степени функции города для туристов воплощены, на наш взгляд, в проекте, разделившем третье место, автор которого — Тревор Скемптон.

Первый предложенный Т. Скемптоном архитектурный ландшафт предлагается создать в пределах Центральной площади (район бывшего Кнайпхофа). Он будет включать в себя следующие элементы.

- Дом советов предлагается достроить согласно первоначальному замыслу (функционально и объемно). Особую роль следует отвести парковой зоне и водным сооружениям. В их среду предполагается вписать установленную конкурсной документацией обновленную Центральную площадь (на время проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. — фан-зону).

- Образ замка может быть создан в виде «Готической» башни (144 м), расположенной на линии бывшей замковой стены Кнайпхофа.

- «Классическая» башня (110 м) выполняет функцию контраста с прямолинейным контуром Дома советов и других высотных зданий города. Здание этой башни предлагается для коммерческого и жилого использования.

- Воссозданное западное крыло бывшего Королевского замка во исполнение технического задания запланировано как городской музей, выставочные холлы, конференц-залы.

- Концертный зал (на 2000 человек) соединен с «Готической» башней и Домом советов на уровне цокольного этажа, с главным входом со стороны Центральной площади.

Специальная конструкция (авторы назвали ее «Циркуляр "Окулус"») соединит пешеходными маршрутами новую Центральную площадь с историческими ансамблями набережной Преголи и острова Канта (где в числе прочего предлагается разместить паркинги). Основная функция «Окулуса» — создать нависающую над Московским проспектом пешеходную зону с круглым внутренним просветом (это делает конструкцию более легкой, открывая в просвете вид на реку и Альтштадт уже с Центральной площади).

Второй архитектурный ландшафт предлагается создать на месте Альтштатадта (историческое название одного из трех городов — Кнайпхоф, Альтштадт и Либенихт, — объединенных позднее в Кёнигсберг).

Здесь заложена концепция исторической реконструкции, что возможно благодаря сохранившимся фундаментам зданий. Это дало бы возможность с исторической достоверностью познакомиться с историко-культурным наследием «нового старого» города. Историческая концепция будет закреплена восстановлением Кузнечного моста, который органично мог бы связать Альтштадт с Кнайпхофом — третьим архитектурным ландшафтом в пределах территории конкурса.

Третий архитектурный ландшафт призван обеспечить привлекательную среду в восточной части острова Канта. Это один из проектов, где, несмотря на установку технического задания — сохранить зеленую зону острова Канта, — предлагается сформировать архитектурный ландшафт, воссоздав Альбертину и гимназию (исторические здания университета Альбертина) и оставив в западной части острова парк. На наш взгляд, это является оптимальным вариантом, поскольку в данном случае вместо одиночно стоящего объекта — Кафедрального собора — будет создан архитектурный комплекс — еще один уголок истории, который станет более привлекательным для туристов.

Для завершения оформления территории конкурса предложены также варианты жилой застройки различной этажности (но не выше семи этажей, чтобы сохранить линию доминирующих башен Королевской горы).

Если ознакомиться с визуализацией проекта Т. Скемптона, то можно убедиться в том, что его воплощение сделало бы город индивидуальным и неповторимым. Новые высотные здания, предложенные автором на месте исторической Королевской горы, выполнены в виде «тяжелых» шахматных фигур и подчеркивают уникальную историю

города на шахматной доске Европы. Одновременно эти «шахматные» здания способны превратиться в новые символы и сформировать неповторимый бренд города для туристов.

Считаем целесообразным для наиболее эффективного использования результатов конкурса создать экспертную комиссию, которая учтет наиболее оптимальные предложения и уникальные решения для развития «Сердца города».

В интересах создания привлекательных для туристов архитектурных ландшафтов предлагаем некоторые выводы, основанные на анализе представленных на конкурс проектов.

1. Будущее Дома советов:

— только 1 из 19 проектов, представленных на заключительный этап конкурса, предлагает снести Дом советов;

— только 1 из 19 проектов, представленных на заключительный этап конкурса, предлагает полностью восстановить Королевский замок;

— соответственно доминантой выставленной на конкурс территории будет оставлен Дом советов, но каким он будет — это уже решит следующий этап ревитализации.

2. Быть или не быть Королевскому замку? — основная интрига конкурса. Только три проекта предлагают воссоздать Королевский замок или его элементы в виде:

а) эфемерной проволочной конструкции (ООО «Хоумленд архитектура», Россия);

б) в виде «вывернутого вовнутрь» замка (архитектурная лаборатория «АК и партнеры», Россия, при поддержке «Вильмотт&Ассосье», Франция);

в) замка, выполненного в виде внутренних фасадов новых зданий, расположенных по периметру исторических стен, внутренний двор которых представлен обнаженными фундаментами — подвалами замка, покрытыми стеклом.

В пояснительной записке [11] последний вариант, предложенный коллективом-победителем (архитектурное бюро «Студия 44» и Институт территориального развития, Россия), описывает новую Центральную площадь следующим образом:

К западу и к востоку от игрушечных домиков Нового Альтштадта высятся стеклянные призмы кварталов «нового урбанизма». Но доминирует в городском ландшафте, как и прежде, Королевская гора. Здесь образы истории и современности смешиваются в наиболее насыщенной концентрации. Новый общественно-деловой и развлекательно-культурный комплекс на Королевской горе — мегаструктура, содержащая в себе театр и музей, конференц-центр и магазины, офисы, выставочные залы и медиатеку. Сквозь платформу 15-метровой высоты, наполненную самыми разными функциями, «прорастают» объемы Дома советов и нового театра. Театр возводится во дворе Королевского замка, занимает всю его площадь, но не касается исторических стен. Окружающий новое театральное здание цокольный этаж замка накрывается стеклянной кровлей и вмещает Музей истории Калининграда. Внешний слой полупрозрачных фасадов театра выполнен из трубок тонированного стекла, благодаря чему здание будет выглядеть по-разному в разное время суток, при внешней и внутренней подсветке и в ее отсутствие [11].

Данный вариант достаточно привлекателен, поскольку уже сейчас подвалы Королевского замка вызывают интерес у туристов. Однако для его усиления считаем целесообразным также частичное воссоздание Королевского замка, например в виде предложенной в проекте английского архитектора «Готической» башни. Это позволит сохранить «изюминку» в истории города, столь необходимую для привлечения туристов.

3. Кафедральный собор желательнее дополнить до архитектурного ансамбля или даже ландшафта путем воссоздания университетских зданий — Альбертины и гимназии, — что позволит усилить «дух места» и наполнит территорию жизнью.

4. Дополнительные элементы туристического притяжения, предложенные в других проектах, не получивших признания жюри, но достойные дополнительного изучения при дальнейшем планировании территории:

— интересные решения подвесной фуникулерной дороги над зоной проекта (Нижнее озеро, Королевская гора, Альтштадт, остров Канта);

— пешеходные и веломаршруты, связывающие различные по функционалу зоны;

— водный канал вдоль Дворца бракосочетаний, расширяющий водное пространство для захода яхт и катеров.

Власти Калининграда следующим этапом намечают разработать проект планировки территории. В этом документе необходимо более детально проработать важные составляющие туристической дестинации, учитывающей совершенствование не только отдельных объектов показа, но и архитектурного ландшафта в целом.

Список литературы

1. *Аналитическая записка по итогам выборочного обследования населения Калининградской области с целью мониторинга состояния туристской отрасли.* Калининград, 2014.

2. *Белинцева И.* Особенности регулярной планировки Кёнигсберга в XIII—XX вв. // Материалы конференции «Запад-Восток: искусство композиции в истории архитектуры». НИИТАГ, Архитектура мира. Вып. 5. М., 1996.

3. *Васютин О., Забуга Ю.* Информационно-аналитические материалы историко-культурного обоснования воссоздания утраченной планировки и исторических зданий в исторической части центрального ядра города Калининграда (в границах улиц Ленинский проспект – ул. Шевченко – ул. Зарайская – Московский проспект – ул. Октябрьская – река Новая Преголя). 2008. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoy-palimpsest-gradostroitel'naya-praktika-v-kaliningradskoy-oblasti-1945-1990> (дата обращения: 10.09.2014).

4. *Васютин О., Попадин А.* Городской палимпсест: градостроительная политика в Калининградской области (1945—1990). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoy-palimpsest-gradostroitel'naya-praktika-v-kaliningradskoy-oblasti-1945-1990> (дата обращения: 10.09.2014).

5. *Желнина З.Ю.* Проблемы и подходы моделирования городского пространства в стратегии развития туристского бренда территории // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. Т. 2, №39. С. 17а-23.

6. *Кёстер Б.* Кнайпхоф в Кёнигсберге, сегодняшнем Калининграде. Чертежные реконструкции и мысли по поводу повторного обретения исторического вида города. Калининград, 2000.

7. *Материалы* Международного проектного семинара (workshop) «Концепция градостроительного развития центральной части города Калининграда – «Внутренний город». Калининград, 2007.

8. *Материалы* Международного симпозиума 15—17 июля 2005 г. «Калининград: образы будущего. Градостроительное развитие центральной части города». Калининград, 2005.

9. Михалева К. А. «Исторический город» в контексте гуманитарного знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4—1 (30). С. 130—133.

10. Николаенко Д. В. Рекреационная география. М., 2003.

11. Конкурс «Сердце города»: официальный сайт. URL: <http://tuwangste.ru/press/istoricheskoe-reshenie> (дата обращения: 02.10.2014).

12. О Государственной программе Калининградской области «Туризм»: постановление Правительства Калининградской области от 24.12.2013 г. № 993. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *Ratanews*. Ежедневная электронная газета Российского союза туриндустрии. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_8052008_16.stm (дата обращения: 02.10.2014).

14. Сарниц А., Салахов В., Кретинин Г. и др. Историко-архитектурный комплекс «Королевский замок». Программа сохранения, ревитализации среды, регенерации и использования памятника XIII века в Калининграде. Т. 1, кн. 1, 2. Калининград, 2007.

15. Konzen Lucas P. Tourist representations and public space regulation // *Int J Semiot Law*. 2014. № 27. P. 135—160.

16. Kropinova E., Philippov J. New and old historic urban space — attractions for tourism // *Architecture and Urban planning: Theses of the conference*. Riga, 2014.

17. Kropinova E. “Kaliningrad-Russia” in Cudny // *Tourism and the transformation of large cities in the post — communist countries of Central and Eastern Europe* / eds. W. Michalski, R. Rouba. Łódź, 2012. P. 103—114.

18. Mazurski K. R. Geographical perspectives on Polish tourism // *GeoJournal*. 2000. Vol. 50, № 2—3. P. 173—179.

19. Yi-De Liu. Cultural Events and cultural tourism development: Lessons from the European Capitals of Culture // *European Planning Studies*. 2014. № 22:3. P. 498—514. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09654313.2012.752442> (дата обращения: 05.10.2014).

Об авторах

Елена Геннадиевна Кропинова, доктор экономики (Франция), кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ekropinova@kantiana.ru

Кристина Александровна Кропинова, студентка, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

KALININGRAD ARCHITECTURAL LANDSCAPE AS A TOURIST ATTRACTION

E. Kropinova*
K. Kropinova**

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

**Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 7199034, Russia.

Submitted on September 10, 2014

The authors consider the development of urban tourism as one of the factors behind the socioeconomic development of a territory. They give estimates for tourism revenues associated with the emergence of a new attraction and its inclusion into travel itineraries and landmark maps. The authors look at the experience of development of historical European towns from the perspective of tourist attractiveness and explore the role of architectural landscape in creating a positive image of a town for tourists; they also provide a background for including historical and cultural landmarks into a traveller's experience.

The authors analyse the results of the international urban development competition for the best concept of the historical area of the centre of Kaliningrad Korolevskaya Gora and Its Surroundings/The Heart of the City. Further, they come up with recommendations on using the most interesting proposals of the contestants from the perspective of tourist attractiveness and identify the possibilities for the development of new architectural landscapes.

Key words: spatial organisation of tourism; city tourism; tourism economics; architectural landscape; tourist attractiveness; architectural and urban development contest; historical centre of Kaliningrad

References

1. *Analiticheskaja zapiska po itogam vyborochnogo obsledovanija naselenija Kaliningradskoj oblasti s cel'ju monitoringa sostojanija turistskoj otrasli* [Analytical Report on the results of a sample survey of the population of the Kaliningrad region in order to monitor the state of the tourism industry], 2014, Kaliningrad.
2. Belintseva, I. 1996, Osobennosti reguljarnoj planirovki Kjonigsberga v XIII-XX vv. [Features regular layout of Konigsberg in XIII-XX centuries.], «Zapad-Vostok: Iskusstvo kompozicii v istorii arhitektury». *Arhitektura mira* ["West-East: Art composition in the history of architecture." world Architecture], no.5.
3. Vasjutin, O., Zabuga, Yu. 2008, Informacionno-analiticheskie materialy istoriko-kul'turnogo obosnovanija vossozdanija utrachennoj planirovki i istoricheskikh zdanij v istoricheskoi chasti central'nogo jadra goroda Kaliningrada (v granicah ulic Leninskij prospekt – ul. Shevchenko – ul. Zarskaja – Moskovskij prospekt – ul. Oktjabr'skaja – reka Novaja Pregolja) [Information and analytical materials of historical and cultural studies recreate the lost planning and historic buildings in the

historic part of the central core of the city of Kaliningrad (within the boundaries of streets Leninsky Prospekt — Shevchenko str. — St. Zaraiskaya — Moskovsky Prospekt — st. October — New River Pregel)], Kaliningrad.

4. Vasjutin, O., Popadin, A. 2013, Gorodskoj palimpsest: gradostroitel'naja politika v Kaliningradskoj oblasti (1945—1990) [Urban Palimpsest: urban policy in the Kaliningrad region (1945—1990)], *Slovo.ru: Baltijskij accent* [Slovo.ru: Baltic accent], no. 1, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorodskoy-palimpsest-gradostroitel'naya-praktika-v-kaliningradskoy-oblasti-1945—1990> (accessed: 10.09.2014).

5. Zhelnina, Z. Yu. 2014, Problemy i podhody modelirovaniya gorodskogo prostranstva v strategii razvitiya turistskogo brenda territorii [Problems and approaches of modeling of urban space in the development strategy of tourism brand territory], *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [North and market: formation of economic order], Vol. 2, no. 39, p. 17a-23.

6. Koester, B. 2000, *Knajphof v Kjonigsberge, segodnjashnem Kaliningrade. Chertezhnye rekonstrukcii i mysli po povodu povtornogo obretenija istoricheskogo vida goroda* [Kneiphof in Königsberg, today Kaliningrad. Drawing reconstruction and thoughts about regaining the historical appearance of the city].

7. *Materialy Mezhdunarodnogo proektnogo seminar (workshop) «Konceptija gradostroitel'nogo razvitiya central'noj chasti goroda Kaliningrada – «Vnutrennij gorod»* [Proceedings of the International Workshop project (workshop) «The concept of urban development of the central part of the city of Kaliningrad - "Inner City "], 2007, Kaliningrad.

8. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma 15—17 ijulja 2005 g. «Kaliningrad: obrazy budushhego. Gradostroitel'noe razvitie central'noj chasti goroda»* [Proceedings of the International Symposium on 15—17 July 2005. "Kaliningrad: images of the future. Urban development of the central part of the city "], 2005, Kaliningrad.

9. Mikhaleva, K. A. 2013, «Istoricheskij gorod» v kontekste gumanitarnogo znanija ["Historic City" in the context of the humanities], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and Practice], no. 4—1 (30), p. 130—133.

10. Nikolaenko, D. V. 2003, *Rekreacionnaja geografija* [Recreational geography], Moscow.

11. *Oficial'nyj sajt konkursa «Serdce goroda»* [The official website of the contest "Heart of the City"], available at: <http://tuwangste.ru/press/istoricheskoe-reshenie> (accessed: 2.10.2014).

12. Postanovlenie Pravitel'stva Kaliningradskoj oblasti ot 24.12.2013 № 993 «O Gosudarstvennoj programme Kaliningradskoj oblasti "Turizm", [Resolution of the Government of the Kaliningrad region from 24.12.2013 № 993 «On State program of the Kaliningrad region" Tourism "], 2013, *Konsultant Plus*, available at: <http://base.consultant.ru/> (accessed: 30.09.2014).

13. Turisty vse chashhe vybirajut dlja otdyha goroda, a ne pljazhi [Tourists are increasingly opting for the rest of the city, not the beaches], 2008, *Rata-news*, available at: http://www.ratanews.ru/news/news_8052008_16.stm (accessed: 30.09.2014).

14. Sarnits, A., Salakhov, V., Kretinin, G., Kulakov, V., Kropinova, E., Bakhtin, A. 2007, Istoriko-arhitekturnyj kompleks «Korolevskij Zamok» [Historical and architectural complex "Royal Castle"]. In: *Programma sohraneniya, revitalizacii sredy, regeneracii i ispol'zovanija pamjatnika XIII veka v Kaliningrade* [Conserva-

tion program, revitalizing environment, regeneration, and the use of the XIII century monument in Kaliningrad], Т. 1, Vol. 1; 2.

15. Konzen, L. P. 2014, Tourist representations and public space regulation, *Int J Semiot Law*, no. 27, p. 135—160. DOI: 10.1007/s11196—013—9321—1.

16. Kropinova, E., Philippov, J. 2014, New and old historic urban space — attractions for tourism, *Architecture and Urban planning*, Theses of the conference, Riga, 2014.

17. Kropinova, E. Kaliningrad-Russia. In: Cudny, W., Michalski, T., Rouba, R. (eds.) *Tourism and the transformation of large cities in the post — communist countries of Central and Eastern Europe*, ŁTN, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, p. 103—114.

18. Mazurski, K. R. 2000, Geographical perspectives on Polish tourism, *Geo-Journal*, Т. 50, no. 2—3, p. 173—179.

19. Yi-De, L. 2014, Cultural Events and cultural tourism development: Lessons from the European Capitals of Culture, *European Planning Studies*, Vol. 22, no. 3, p. 498—514. DOI: 10.1080/09654313.2012.752442, available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09654313.2012.752442> (accessed: 30.09.2014).

About the authors

Dr Elena Kropinova, Associate Professor, Department of Sociocultural Service and Tourism, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ekropinova@kantiana.ru

Kristina Kropinova, Student, Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia.

ИСТОРИЯ

УДК 314.93

ЭВОЛЮЦИЯ АРЕАЛА РАССЕЛЕНИЯ ФИННОВ- ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ю. А. Ступин*

На основе материалов Всероссийских и Всесоюзных переписей населения СССР и России 1959—2010 гг., текущих данных Департамента статистики Эстонии исследованы пространственные аспекты динамики этнического ареала финнов-ингерманландцев в пределах основной территории их проживания. Для решения поставленных задач широко использованы этностатистические данные на районном и низовом уровнях административно-территориального деления. Показан значительный рост темпов деградации ингерманландского ареала расселения в постсоветский период, выявлены факторы, способствовавшие этому; рассмотрены межрайонные различия темпов депопуляции и ассимиляции российских финнов.

Результаты проведенного исследования позволяют в значительной степени актуализировать и детализировать имеющиеся сведения о пространственной организации финского населения России на территории Северо-Западного региона.

Ключевые слова: финны-ингерманландцы, этническое расселение, Северо-Запад России

Цель настоящей работы — выявить и охарактеризовать новейшие тенденции этнодемографического развития российских и эстонских финнов и связанной с ними эволюции ареала расселения данной этнотерриториальной группы.

Этнодемографическая и этногеографическая проблематика занимает важное место в отечественном финно-

---

* Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7—9

Поступила в редакцию 15.05.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-7

© Ступин Ю. А., 2014

угроведении¹. Раунд переписей населения 2010 г. дает исследователям большой объем нового этностатистического материала, нуждающегося в обобщении и интерпретации. С учетом малочисленности исследуемой этнотерриториальной группы важное значение имеет анализ материалов районного и низового уровня административно-территориального деления. По мнению автора настоящей статьи, такого рода материалы недостаточно широко используются в этногеографических исследованиях. Вероятно, это связано с традиционной, идущей с советских времен труднодоступностью статистических данных (не только касающихся этнической статистики) районного и низового уровня.

Автор настоящей статьи ранее обращался к данной тематике применительно к финнам Ленинградской области и Санкт-Петербурга [18]. Однако автору не удалось воспользоваться даже региональными итогами переписи 2002 г. из-за чрезмерной задержки их публикации. Материалы, появившиеся после выхода названной работы, позволяют актуализировать и значительно расширить сведения о состоянии и развитии этнического ареала российских финнов.

Напомним, что российские финны (финны-ингерманландцы) — малочисленный субэтнос финнов, ведущий свою историю от мигрантов из Финляндии, переселившихся в XVII в. на территории, отошедшие от России к Швеции по Столбовскому мирному договору (1617) и в дальнейшем не вошедшие в состав Великого княжества Финляндского. Политическая обособленность стала одним из наиболее важных факторов и этнокультурной обособленности ингерманландских финнов от финнов-суоми. Вопрос о том, стали ли ингерманландцы в результате этого самостоятельным этносом, является дискуссионным, но для нашей темы он не принципиален. Учитывая, что подавляющее большинство проживающих на постсоветском пространстве финнов — именно потомки иммигрантов XVII в., в настоящей работе этнонимы «финны» и «финны-ингерманландцы» употребляются как синонимы.

В ходе миграций XVII столетия финны расселились преимущественно на территории, ныне составляющей центральную часть Ленинградской области (ЛО). Наиболее крупные очаги расселения финнов сформировались на Карельском перешейке (современный Всеволожский район) и на северо-восточной окраине Ижорской возвышенности (нынешний Гатчинский район и часть Ломоносовского). Значительное количество их проживало и в других районах Ижорской земли (Ингерманландии). В современных границах это Волосовский, Кингисеппский и Кировский районы. Здесь, однако, удельный вес финнов был несколько ниже, они расселялись чересполосно с другими народами — ижорой, водью, русскими, а позже и эстонцами.

Финская популяция на территории ЛО сохраняла многочисленность и устойчивость до 30-х гг. XX в., после чего начала испытывать негативные демографические тенденции. Основная причина этого — усиление масштабов внутренних миграционных процессов в СССР,

¹ Из новейших работ по данной тематике см., напр.: [1; 3; 9; 20 и др.].

которое привело к широкому распространению экзогамной брачности. За ним неизбежно последовало развитие процессов генетической ассимиляции. Однако влияние данного фундаментального процесса было значительно усилено действием еще двух факторов, которые способствовали резкому ускорению процессов деструкции финского ареала расселения:

1) события Великой Отечественной войны, приведшие к этнодемографической катастрофе среди финнов-ингерманландцев. Одна часть финнов оказалась в кольце Ленинградской блокады, другая — на оккупированной немцами территории, что привело к тяжелейшим демографическим потерям;

2) репрессивная политика советских властей по отношению к финнам, которые рассматривались как неблагонадежные и в течение 1930-х — 1940-х гг. постепенно были выселены из Ленинградской области. Последним аккордом этой политики стало удаление финнов из ЛО в 1947 г., после чего на территории области осталось всего 5,7 тыс. финнов и еще 0,5 тыс. — в Ленинграде (в 1939 г. — соответственно 106,7 и 7,9 тыс.). Ограничения на въезд в регион были сняты во второй половине 1950-х гг., однако на территорию ЛО вернулась лишь часть высланных ингерманландцев.

Результатом описанной политики стала коренная трансформация финской этнической территории: вместо монолитного ареала в центральной и западной частях ЛО формируются три пространственно разобщенных очага расселения народа — в Карелии, ЛО и Эстонии². К этому добавлялось множество мелких компактных групп финского расселения, «маркировавших» территории проживания финнов-спецпоселенцев и репатриантов. Ни в одном из этих регионов финны практически не образовывали крупных территориальных группировок, «растворяясь» в русском этническом окружении. В таких условиях процессы генетической ассимиляции не могли не ускориться, что неминуемо повлекло за собой рост темпов сокращения численности народа.

С середины 1960-х гг. резко ухудшилась демографическая ситуация в популяции. По подсчетам С.А. Хрущёва [1], в период с 1959 по 2000 г. в «ингерманландских» районах ЛО родилось 2784 финна, а умерло 6437. Данные эти, по всей видимости, неполные, но соотношение рождаемости и смертности они, думается, отражают вполне адекватно. Появившаяся в 1960-х гг. депопуляция стабильно увеличивалась в последующие десятилетия и внесла весомый вклад в эрозию традиционного ареала расселения финнов (табл. 1).

Таблица 1 наглядно демонстрирует ход процесса разрушения финской популяции на территории региона. За 30 лет численность этноса уменьшается на 41%, а в ингерманландских районах — на 43,7%. Межрайонные различия масштабов убыли довольно велики, хотя, по видимому, объясняются лишь случайными факторами. Нельзя не отме-

² Историю формирования этих очагов подробнее см., напр., в [10].

тить резко возросшую численность финнов в Ленинграде — за 30 лет она увеличилась более чем на 70 %. Разумеется, город выполнял роль «плавильного котла» для ингерманландцев: переезжая в Ленинград, они очень быстро ассимилировались. Численность живущих в столице области финнов достигла максимума в 1970-е гг., а затем также начала сокращаться.

Таблица 1

**Динамика численности и размещения финского населения
Ленинградской области в 1959—2010 гг.**

Район	1959	1989		2002		2010	
		чел.	% к 1959	чел.	% к 1989	чел.	% к 2002
Волосовский	2150	766	35,6	431	56,3	253	58,7
Всеволожский	3974	2874	72,3	2058	71,6	1078	52,4
Гатчинский	8525	4803	56,3	3319	69,1	1890	56,9
Кингисеппский	874	466	53,3	315	67,6	167	53,0
Кировский	461	305	66,2	197	64,6	102	51,8
Ломоносовский*	2433	1188	48,8	762	64,1	442	58,0
Тосненский	845	445	52,7	253	56,9	125	49,4
<i>Итого</i>	<i>19 262</i>	<i>10 847</i>	<i>56,3</i>	<i>7335</i>	<i>67,6</i>	<i>4057</i>	<i>55,3</i>
Прочие районы	780	966	123,8	595	61,6	309	51,9
<i>Всего в ЛО</i>	<i>20 042</i>	<i>11 833</i>	<i>59,0</i>	<i>7930</i>	<i>67,0</i>	<i>4366</i>	<i>55,1</i>
Санкт-Петербург	3150	5469	173,6	3980	72,8	2559	64,3

Источники: [12; 13; 18].

* Включая г. Сосновый Бор.

В постсоветский период темпы разрушения ингерманландской популяции в ЛО резко увеличились, что объясняется действием двух новых факторов, при сохранении значимости старых:

— демографический кризис в постсоветской России, резко уменьшивший и так небольшой репродуктивный потенциал финской популяции;

— массовая эмиграция ингерманландцев в Финляндию, стимулируемая, с одной стороны, причинами экономического характера, с другой — некоторым подъемом национального самосознания финнов в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века.

Из таблицы 1 видно, что за межпереписной период 1989—2002 гг. численность финнов ЛО уменьшилась на треть, а за 2002—2010 гг. — на 45 %. Таким образом, среднегодовые темпы убыли, составлявшие в 1959—1989 гг. 17,4 %, повысились до 30,3 %, а в 2002—2010 гг. — до громадных 71,7 %. Значительно сокращаются межрайонные различия масштабов и темпов убыли финского населения. Наименьшие они в Гатчинском районе (убыль за 1989—2010 гг. — «всего» 60,6 %), который является ядром этнической тер-

ритории ингерманландских финнов, а самые высокие — в периферийном Тосненском (—71,9%).

Наиболее низкие темпы сокращения численности финнов характерны для Санкт-Петербурга. Вероятнее всего, это объясняется двумя факторами: а) продолжающейся «подпиткой» петербургской популяции финнов притоком иммигрантов из области и б) несколько более молодой возрастной структурой петербургских финнов по сравнению с ЛО, из-за чего уровень смертности в Санкт-Петербурге чуть ниже областного.

Во всех районах ЛО, в том числе ингерманландских, финны представляют собой заурядное этническое меньшинство, практически не выделяющееся среди прочих. Так, даже в Гатчинском районе они занимают четвертое место по численности после русских, украинцев и белорусов. На уровне городских и сельских поселений этого района лишь в Большеколпанском, Елизаветинском, Новосветском, Пудостьском, Сяськелевском СП финны — крупнейшее этническое меньшинство, но и там их доля не превышает 4,0% (Пудостьское СП) [13]. Еще за 10 лет до этого в Гатчинском районе можно было встретить территории, где доля финнов превышала 10% [1].

Сокращение численности ингерманландского населения находит и вполне осязаемое пространственное отображение. Как известно, сеть сельских населенных пунктов российского Нечерноземья во второй половине XX в. приобрела поляризованный характер. Она представляет собой сочетание небольшого числа крупных поселений, где сосредотачивается большая часть населения и инфраструктуры (учреждения торговли, образования, здравоохранения и др.) низовой административно-территориальной единицы, с одной стороны, и большого (но постоянно сокращающегося) числа мелких деревень, практически лишенных инфраструктуры, с малочисленным постоянным населением, состоящим в основном из пенсионеров. Эта поляризация ярче выражена на периферии субъектов федерации и слабее — в их центральных частях, прилегающих к столицам областей, краев и республик.

В процессе формирования такой поляризованной сети финское население в трудоспособном возрасте в основном сосредоточилось в крупных поселениях. Удельный вес финнов здесь невысок даже в районах традиционного проживания, по большей части они являются членами этнически смешанных семей. На периферии остаются в основном люди пенсионного возраста, причем среди мелких и мельчайших населенных пунктов можно встретить селения, где доля финнов высока или даже где они абсолютно преобладают. Но из-за физического вымирания населения таких деревень они стремительно «выпадают» из ареала финского расселения, который, все более и более сужаясь, трансформируется в совокупность крупных точек (центральных поселений), где финны «растворены» в русском окружении и обречены на ассимиляцию. Альтернативой ей может быть только эмиграция в Финляндию.

Карелия в советский период стала ведущим центром расселения российских финнов. Они в ограниченном количестве появляются на

территории, ныне входящей в состав республики, в XIX столетии. Это были выходцы из Великого княжества Финляндского, переселявшиеся в Олонецкую губернию по причинам экономического характера. К 1858 г. их насчитывалось 365 человек, в 1865-м — 991, в 1883-м — 2622. К концу века число финляндцев в губернии достигло 3 тыс. и оставалось таковым до 1917 г. Однако после революции почти все уроженцы Финляндии убыли на родину [2].

После гражданской войны в Финляндии большое число потерпевших поражение «красных» финнов бежало в Россию. Несколько сот из них были направлены в Карельскую трудовую коммуну, составив значительную часть ее политической и экономической элиты. Перепись 1920 г. зафиксировала на территории Карельской АССР 990 финнов, большей частью проживавших в Петрозаводске и его уезде [6].

Следующая волна массовой иммиграции финнов в республику приходится на начало 1930-х гг., когда туда прибыли несколько тысяч переселенцев из США и Канады — потомков выходцев из Великого княжества Финляндского. Одновременно под влиянием экономического кризиса шло переселение в СССР и из Финляндии. К 1933 г. численность финнов в Карелии возросла до 12 088 человек [16], к 1937-му — до 14 024 [4, с. 94]. В дальнейшем, однако, их количество резко уменьшается. В 1938 г. карельские финны были подвергнуты репрессиям, которые приняли едва ли не истребительный характер [19]. Уже к 1939 г. численность популяции падает до 8322 человек [5]. Оставшиеся финны в период Великой Отечественной войны были выселены за пределы республики. Таким образом, в 30-е — 40-е гг. XX в. довольно многочисленная финская популяция на территории Карелии не имела никакого отношения к ингерманландцам.

Последняя по времени волна финской иммиграции приходится на конец 1940-х гг. Она включала в себя два компонента. Большую ее часть образовывали ингерманландские репатрианты, вернувшиеся в 1945 г. из Финляндии (куда они переселились в 1943—1944 гг. с оккупированной территории ЛО) и не получившие разрешения на проживание в ЛО. Не желая жить в соседних областях Нечерноземья, эта группа репатриантов предпочла переехать в Карелию, куда их привлекало республиканское правительство для использования в местной лесозаготовительной промышленности [3; 10]. Сравнительно небольшую часть мигрантов составили финны, выселенные в 1942 г. из-под Ленинграда в восточные районы СССР. Позиция советских властей по отношению к финнам-спецпоселенцам после войны несколько смягчилась, и части из них был разрешен переезд из мест ссылки (в азиатской части СССР) в Карелию.

Перепись 1959 г. зафиксировала на территории Карелии 27 829 финнов — больше, чем в Ленинграде и ЛО. В дальнейшем численность популяции устойчиво снижалась, достигнув к 1989 г. отметки в 18 420 человек (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика численности и размещения финского населения Карелии
в 1989—2010 гг.**

Район	1989	2002		2010	
		чел.	% к 1989	чел.	% к 2002
г. Петрозаводск	9359	7383	78,9	4493	60,9
Пряжинский	1736	1141	65,7	672	58,9
Кондопожский	1497	1192	79,6	755	63,3
Прочие районы	5828	4440	76,2	2657	59,8
<i>Всего в Карелии</i>	<i>18 420</i>	<i>14 156</i>	<i>76,9</i>	<i>8577</i>	<i>60,6</i>

Источники: [8; 11; 14].

Как и в ЛО, в Республике Карелия (РК) происходит быстрое сокращение численности финнов. Темпы этого процесса также ускорились в 1990-е гг. и еще более существенно — в 2000-е. Они весьма велики, но все же несколько ниже, чем у финнов Санкт-Петербурга и ЛО. Это связано с несколько более благоприятной демографической ситуацией у карельских финнов по сравнению с территорией традиционного проживания ингерманландцев. Причина этого, в свою очередь, несколько менее «старая» возрастная структура карельской популяции финнов по сравнению с проживающими в ЛО и Санкт-Петербурге. По данным переписи 2002 г., доля лиц старше трудоспособного возраста у финнов Карелии составляла 27,8%, в ЛО — 40,4%, в Санкт-Петербурге — 31,6%. Медианный возраст финнов РК составлял 43,8 года, ЛО — 51,0, Санкт-Петербурга — 47,6 [7]. К 2010 г. эти показатели существенно ухудшились, но ранжировка регионов по ним осталась, по-видимому, неизменной³.

Ключевая географическая особенность ареала карельских финнов — заметная концентрация этноса в столице республики Петрозаводске. Уже в 1959 г. в нем было сосредоточено около трети карельских финнов, а к 1989 г. эта доля превысила половину. К 2010 г. в столице проживало 52,3% карельских финнов. Подобная особенность территориальной организации популяции явно способствует активизации ассимиляционных процессов. Этим, видимо, объясняется, достаточно медленный темп роста удельного веса петрозаводских финнов в общей численности карельской популяции этого народа.

Вообще карельские финны — наиболее высокоурбанизированная территориальная группа этноса на постсоветском пространстве. Доля горожан среди финнов РК достигает 77%. Для сравнения: в Санкт-Петербурге и ЛО этот показатель равен лишь 55%. Данная особенность объясняется причинами исторического характера: в конце 1940-х гг.

³ По данным 2010 г., медианный возраст финнов РК возрос более чем на 7 лет по сравнению с 2002 г. и достиг 51,0 года. К сожалению, ни Росстат, ни Петростат не опубликовали аналогичных данных по ЛО.

финны переезжали для работы именно в промышленности, то есть в городские поселения. Автохтонного же сельского населения здесь (в отличие от ЛО) практически не было.

Среди прочих районов РК финны наиболее многочисленны в тех, которые непосредственно прилегают к Петрозаводску, — Пряжинском и Кондопожском. В первом из них некогда доля финнов превышала 14%, а в городских поселениях Пряжинского района достигала даже 32% (в 1959 г.). В дальнейшем она постепенно снижалась и в настоящее время составляет лишь 4,6%. Это, заметим, рекордно высокая доля финнов в масштабах муниципального района. В ЛО столь значительного удельного веса финнов не имеет ни одно сельское или городское поселение. В остальных районах Карелии этот показатель еще ниже. В Кондопожском районе он составляет 1,9%; в Питкярантском, Прионежском и Муезерском районах он также превышает 1%. В Пряжинском районе финны являются крупнейшим этническим меньшинством, в прочих же районах занимают не выше четвертой позиции [11].

Приведенный выше анализ не будет исчерпывающим, если его не дополнить сведениями, касающимися состояния и эволюции ареала расселения ингерманландцев в соседних государствах, где их численность достаточно велика, — Эстонии и Финляндии. В *Финляндии* в постсоветский период в результате миграционных процессов фактически сформировался четвертый очаг расселения финнов-ингерманландцев. По финляндским данным, с 1992 по 2013 г. положительное сальдо миграционного обмена с Россией составило 46,2 тыс. человек⁴. Кроме того, из Эстонии в Финляндию за 1991—2013 г. прибыло еще 44,3 тыс. человек. К 2013 г. в стране проживало 53,7 тыс. уроженцев СССР, 39,5 тыс. — Эстонии и 11,1 тыс. — России [24].

Материалы Центра статистики Финляндии не позволяют вычленить из этого мощного (по финляндским меркам) иммиграционного потока собственно финнов. В Финляндии этническая статистика как таковая вообще не ведется, учитывается лишь языковая структура населения. При этом сведений о языковой структуре иммигрантов не публикуется, да и ценность этих данных невелика, учитывая, что финский язык является родным далеко не для всех ингерманландцев. С другой стороны, финнов, покинувших Россию и Эстонию, по мнению автора настоящей работы, можно считать выпавшими из ингерманландской субэтнической общности. Эмиграция в Финляндию для них — это реинкорпорация в состав «материнского» этноса как альтернатива неизбежной ассимиляции и аккультурации на постсоветском пространстве. Поэтому эмиграцию в Финляндию мы рассматриваем лишь как еще один вариант аккультурации ингерманландцев, который приносит данной субэтнической группе такую же количественную убыль, как и обрусение и эстонизация.

⁴ По сведениям Росстата, эта величина примерно втрое ниже. Однако среди специалистов преобладает мнение, что иммиграция в стране прибытия учитывается гораздо точнее, нежели эмиграция в стране убытия. Поэтому мы опираемся на финляндские, а не российские данные.

Если финляндская статистика не позволяет выделить ингерманландцев из прочих иммигрантов из России и Эстонии, то Департамент статистики *Эстонии* публикует достаточно подробные и разнообразные сведения, позволяющие анализировать особенности территориальной организации финского населения этой страны.

Финны проживают на эстонской территории в течение длительного времени, но вплоть до середины XX в. численность их была крайне незначительной — не больше нескольких сот человек. Так, переписью 1897 г. в границах современной Эстонии был учтен 461 финн (по данным о родном языке), в том числе в Ревеле (Таллине) 274, в Нарве — 99 [15]. Перепись 1934 г. зафиксировала на территории республики 1088 финнов, большая часть которых, однако, проживала на восточном берегу реки Нарва, ныне относящемся к ЛО. В Таллине насчитывалось 258 финнов, в Нарве 145 [22, лк. 48]. После окончания Великой Отечественной войны финская популяция, проживающая на территории Эстонской ССР, резко увеличилась за счет иммигрантов из РСФСР. После введения запрета на проживание финнов в ЛО (1947) многие из них, не желая жить в отведенных им для расселения смежных с ЛО областях, массово переселяются в Эстонию [10]. В результате этого процесса в конце 40-х — начале 50-х гг. XX столетия на территории этой республики формируется третий по величине очаг расселения финнов СССР.

По данным переписи 1959 г., в ЭССР насчитывалось 16 699 финнов, 1970 г. — 18 537 [21]. Миграционный приток финнов в Эстонию довольно быстро прекратился (в отличие от представителей восточнославянских народов), и численность их стала уменьшаться под действием ассимиляционных и аккультурационных процессов. Влияние их дало себя знать очень быстро, прежде всего в сфере языка.

Уже в 1959 г. лишь 59,8% эстонских финнов назвали родным финский язык. Вторым по распространенности к этому времени стал эстонский (а не русский, как можно было бы ожидать) — его назвали родным 24,0% финнов (русский — лишь 16,1%). К 1989 г. эстонский язык вышел на первое место по распространенности среди финнов — как родной его указали 40,8% популяции (финский — 31,0%, русский — 28,1%). В городах, впрочем, на первом месте был русский язык, и лишь на втором — эстонский, в сельской же местности на эстонском говорили более половины финнов [21, лк. 100—115].

К 1979 г. численность финнов сократилась до 17 753 человек, к 1989-му — до 16 622 [21, лк. 56]. В постсоветский период демографический кризис и эмиграция в Финляндию привели к значительному ускорению процессов деструкции финской популяции. К 2000 г. численность финнов уменьшилась до 11 837 человек (на 28,8% по сравнению с 1989 г.), к 2011-му — до 7589 [23]. Следовательно, если в 1979—1989 гг. среднегодовые темпы убыли финской популяции составляли 6,6%, то в 1989—2000 гг. они возросли до 30,4%, а в 2000—2011 гг. — до 43,5%.

Нельзя, однако, не отметить, что темпы сокращения численности финнов в Эстонии несколько ниже, чем в Карелии, ЛО и Санкт-Петербурге. Вообще демографический кризис, охвативший государства ев-

ропейской части бывшего СССР в постсоветский период, в Эстонии проявился значительно мягче, чем в России. В первое десятилетие XXI в. республика по численности финской популяции опередила соседний российский регион — историческое ядро ареала расселения ингерманландцев.

Сформировавшийся в результате миграционных процессов середины XX в. ареал расселения в Эстонии финнов имеет много общего с ареалом русского населения этой республики. Наиболее крупные территориальные группы финнов сложились в «подстоличном» уезде Харьюмаа, а также на Северо-Востоке Эстонии — в уездах Ида-Вирумаа и Ляэне-Вирумаа. К 1989 г. в Вирумаа было сосредоточено 31,7% финнов Эстонии, в Харьюмаа — 30,1% (в том числе в Таллине — 19,7%). Еще 11,9% были расселены в уезде Тартумаа, прилегающем ко второму по величине городу республики. Остальные 26,3% финского населения оказались более или менее равномерно разбросаны по прочим эстонским уездам. За постсоветский период в географическом распределении эстонских финнов произошли некоторые изменения. Доля Северо-Востока к 2011 г. понизилась до 25,7%, а удельный вес Харьюмаа, напротив, вырос до 38,2%. Таким образом, столица Эстонии и ее уезд стали ведущим регионом проживания эстонских финнов. Доля Тартумаа повысилась до 12,8%, прочих уездов — понизилась до 23,3%.

Разумеется, ни в одном уезде или городе финны не имеют сколь угодно заметного удельного веса в общей численности населения: ни в одной низовой административной единице он не превышает 2%, а в большинстве волостей измеряется долями процента. Городов и волостей, где доля финнов больше 1%, весьма немного — не более двух десятков, и преимущественно это города. Уровень урбанизированности среди финнов Эстонии довольно высок (71,4%), хотя и несколько уступает аналогичному показателю Карелии.

Такая особенность расселения делает популяцию (как и в России) крайне уязвимой для процессов генетической ассимиляции, которая и стала главным фактором сокращения численности эстонских финнов, начавшегося в 70-е гг. XX в.

Демографическая ситуация у эстонских финнов крайне неблагоприятна и вполне типична для малочисленной и активно ассимилируемой этнической общности. В возрастной ее структуре, по данным переписи 2011 г., 48,4% приходилось на долю лиц старше трудоспособного возраста [23]. Следовательно, в этом отношении ситуация существенно более неблагоприятна, чем в Карелии.

За период с 1989 по 2012 г. включительно в Эстонии родилось 1905 финнов, умерло 6239 [23]. Таким образом, только за счет депопуляции численность финнов уменьшилась на 4334 человека — более четверти от их общего числа в 1989 г. Индекс Уипля (число родившихся на 100 умерших) у финнов в среднем за 1989—2012 гг. составил лишь 31.

Уровень эндогамии, выступающий чрезвычайно важным показателем устойчивости популяции, у эстонских финнов крайне низок. За 1989—2013 гг. от эндогамных браков родилось лишь 84 человека —

4,34% от общего числа детей в финских семьях. Все остальные рождены от смешанных браков. В некоторые постсоветские годы рождений от эндогамных браков среди финнов вообще не было [23].

Эстонская статистика определяет национальный состав населения не только путем всеобщих переписей, ведется и текущий учет этнической структуры, основанный на материалах учета демографических событий и миграции населения. Сравнивая данные двух методов учета, можно приблизительно оценить масштабы ассимиляционных процессов в популяции. Перепись 2011 г. учла в республике 7589 финнов, а текущий учет, отталкиваясь от итогов переписи 2000 г., определил их число в 10 369, или на 36,6% больше. Безусловно, некоторая часть этого несовпадения объясняется неучтенной эмиграцией финнов, но основная причина столь большой разницы — процессы генетической и культурной ассимиляции⁵, которую текущий учет зафиксировать никак не в состоянии. Итак, ассимиляционные процессы только за 2000—2011 гг. привели к сокращению численности эстонских финнов примерно на треть. Их влияние на динамику численности финнов оказалось значительно более сильным, нежели депопуляции.

Ассимиляция финнов в Эстонии протекает по двум направлениям — эстонизация и обрусение. К сожалению, эстонская статистика не публикует достаточно данных, позволяющих судить о преобладании того или иного направления. Имеющиеся материалы дают возможность выявить следующие пространственные различия этого процесса:

— сельско-городские различия: в городских поселениях преобладает ассимиляция в направлении обрусения, в сельской местности, напротив, доминирует эстонизация. По данным переписи 2011 г., в городских поселениях русский язык назвали родным 41,7% финнов, эстонский — 25,7%, финский — 31,1%. В сельской местности ситуация иная: русскоязычных лишь 16,0%, а эстоноязычных — 52,3%. Финский язык является родным лишь для 30,7% селян-финнов;

— западно-восточные различия: в Харьюмаа и Тартумаа преобладает эстонизация, а в Вирумаа, где финны живут в русском этническом окружении, определяющим направлением является ассимиляция русскими.

Итак, анализ новейших тенденций демографического развития финского населения на территориях ЛО, Санкт-Петербурга, Карелии и Эстонии демонстрирует резкое усиление негативных трендов данного процесса в новом столетии по сравнению с 1990-ми гг. и тем более предыдущими периодами времени. Самые низкие темпы сокращения численности финнов наблюдаются в Эстонии, самые высокие — в ЛО, различаются между собой эти два крайних варианта по данному показателю почти вдвое. На более детальном уровне административно-территориального деления самым благополучным с демографической точки зрения для финнов является эстонский подстоличный уезд Харьюмаа, а

⁵ По данным переписи 2011 г., численность всего населения республики оказалась лишь на 3,5% ниже, чем предполагалось по результатам текущего учёта.

на противоположном полюсе находится периферия ареала традиционного расселения ингерманландцев в ЛО.

Несмотря, однако, на довольно заметные территориальные различия, основная тенденция прослеживается вполне однозначно на всех территориях проживания финского расселения — это усиливающийся демографический коллапс, который уже в ближайшие десятилетия приведет к тому, что финны повторят судьбу других малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. Решительный перелом этой тенденции представляется совершенно невозможным. При сохранении темпов убыли, характерных для первого десятилетия XXI в., к 2020 г. численность финнов в ЛО и Санкт-Петербурге уменьшится до 3,5 тыс. человек, в Карелии — до 4,6 тыс., в Эстонии — до 5,3 тыс. К середине текущего столетия количество российских финнов, вероятно, будет измеряться уже сотнями, а не тысячами человек в пределах каждого из вышеупомянутых субъектов Российской Федерации. Более 1 тыс. человек будет насчитывать, по-видимому, лишь популяция эстонских финнов.

Отметим синхронность «угасания» двух этнотерриториальных групп, обязанных своим рождением Столбовскому мирному договору 1617 г. Карелы, переселившиеся с отошедших к Швеции земель в Россию и осевшие на тверских землях (тверские карелы), еще накануне Великой Отечественной войны по численности опережали карел, проживавших в пределах Карельской АССР. Однако в послевоенный период численность их стала быстро сокращаться, в значительной степени под влиянием аккультурационных процессов. С 1939 по 2010 г. их количество уменьшилось с 120,0 тыс. до 7,4 тыс. (в 16 раз!). Как общая численность, так и масштабы ее сокращения у карел и финнов весьма схожи. В настоящее время демографическая ситуация в субэтнической группе карел еще более неблагоприятна, нежели у российских финнов, так как негативные тенденции у тверских карел стали проявляться несколько раньше и более резко, чем у финнов. Однако в долгосрочной перспективе эти временные различия несущественны и можно считать, что две данные эмигрантские группы как возникли, так и пришли к своему исчезновению практически одновременно.

Список литературы

1. Анохин А.А., Хрущёв С.А. Автохтонные этноконттактные зоны Северо-Запада России: современное состояние, динамика и прогноз // Геоэкологический мониторинг: теория и практика : сб. науч. ст. по материалам отчетной науч.-практ. конф. 2002 г. / под ред. В.В. Дмитриева, И.О. Шилова. СПб., 2003. С. 144—164.
2. Бирин В.Н., Такала И.Р. Финны // Народы России : энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
3. Бирин В.Н. Финны в Карелии. URL: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> (дата обращения: 01.03.2014).
4. Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / сост.: В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. М., 2007.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост. Ю.А. Поляков [и др.]. М., 1992.

6. *Золотарёв Д. А.* Этнический состав населения Северо-Западной области и Карелии. С 54 цифровыми табл. и 3 этнографич. картами. Л., 1927. (Труды КИПС АН СССР. 12).
7. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004.
8. *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. 3: Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990.
9. *Логонова Н. П., Реброва Т. П.* Динамика численности финно-угорских народов России // *Финно-угорский мир*. 2013. №3 (16). С. 89—97.
10. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004.
11. *Национальный* состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 5. Петрозаводск, 2013.
12. *Национальный* состав и владение языками, гражданство населения Ленинградской области: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Вып. 7. СПб., 2007.
13. *Национальный* состав и владение языками, гражданство населения Ленинградской области: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Ч. 1. СПб., 2013.
14. *Национальный* состав населения Республики Карелия : стат. сб. Т. 5. Петрозаводск, 2005.
15. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. 37: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1903.; 49: Эстляндская губерния. СПб., 1905.
16. *Перепись* населения АКССР 1933 г. Вып. 1: Народность, возраст, грамотность, язык, самодеятельность. Петрозаводск, 1934.
17. *Распределение* населения Ленинграда и Ленинградской области по национальности и родному языку: по материалам Всесоюзной переписи 1989 г. Л., 1990.
18. *Ступин Ю. А.* Финское население Ленинградской области в XX веке: динамика численности и размещения // *Теория и практика эколого-географических исследований (Итоги научной работы Учебно-научного центра географии и геоэкологии в 2004 году)* / под ред. В. В. Дмитриева, А. И. Чистобаева, Т. А. Алиева [и др.]. СПб., 2005. С. 488—506.
19. *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.
20. *Фаузер В. В.* Финно-угорские народы в современном мире // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2011. №3. С. 111—125.
21. *Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel*. I. Tallinn, 1995.
22. *Rahvastiku koostis ja korteriolud: 1.III 1934 rahvaloenduse andmed*. Vihk II. Tallinn, 1935.
23. *Департамент* статистики Эстонии. URL: <http://pub.stat.ee> (дата обращения: 12.04.2014).
24. *Центр* статистики Финляндии. URL: <http://tilastokeskus.fi> (дата обращения: 12.04.2014).

Сведения об авторе

Ступин Юрий Александрович, инженер, кафедра региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: stu77@yandex.ru

THE EVOLUTION OF SETTLEMENT AREAS OF INGRIAN FINNS IN NORTHWEST RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Y. Stupin*

*Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 7199034, Russia

Submitted on May 15, 2014

Based on the nation-wide censuses conducted between 1959 and 2010 in the Soviet Union and in the Russian Federation, as well as on the contemporary data of the Estonian Department of Statistics, the author of this article studies the spatial aspects of the dynamics of the ethnic area of Ingrian Finns within their main settlement area. This is done through utilizing ethnicity-related statistical data of the district at the lowest level of administrative division. The author emphasises a significant increase in the rates of degradation of the Ingrian settlement area in the post-Soviet period, identifies the factors behind it, and considers district differences in the rates of depopulation and assimilation of the Russian Finns. The results of research make it possible to foreground and describe in detail the available information on the spatial organisation of Russian Finnish population in the North-western region of Russia.

Key words: Ingrian Finns, ethnic settlement, Russian Northwest

References

1. Anokhin, A. A., Khrushchev, S. A. 2003, Avtohtonnye jetnokontaktnye zony Severo-Zapada Rossii: sovremennoe sostojanie, dinamika i prognoz [Autochthonous ethnic contact zone of the North-West of Russia: current status, dynamics and forecast]. In: Dmitriev, V. V., Shilov, I. O. (eds.), *Geojekologicheskij monitoring: teorija i praktika*, [Geo-ecological monitoring: Theory and Practice], collection of scientific articles based on the reporting of scientific and practical conference, St. Petersburg, 2002, p. 144—164.
2. Birin, V. N., Takala, I. R. 1994, Finy [Finns]. In: Tishkov, V. A. (Ed-in-Ch), *Narody Rossii* [The peoples of Russia], Moscow.
3. Birin, V. N. *Finny v Karelii* [Finns in Karelia], available at: <http://knk.karelia.ru/site/birin/birin.pdf> (accessed: 01.03.2014).
4. Zhiromskaya, V. B., Polyakov, Yu. A. et al. 2007, *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1937 goda: obshhie itogi* [Census of 1937: overall results], collection of documents and materials, Moscow, Rosspen, 318 p.
5. Polyakov, Yu. A. et al. 1992, *Vsesojuznaja perepis' naselenija 1939 goda: osnovnye itogi* [Census of 1939: main outcomes], Moscow, 254 p.
6. Zolotarev, D. A. 1927, *Jetnicheskij sostav naselenija Severo-Zapadnoj oblasti i Karelii* [The ethnic composition of the population of the North West region and Karelia], Leningrad, 117 p.

7. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda [Results of the National Population Census 2002], in 14 volumes, T. 4, Vol. 1 *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo* [National structure and language skills, citizenship], 2004, Moscow, 945 p.

8. Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 goda [Results of the All-Union population census of 1989]. Vol III. *Nacional'nyj sostav naselenija Karel'skoj ASSR* [The ethnic composition of the Karelian ASSR], 1990, Petrozavodsk, November 1990.

9. Loginova, N.P., Rebrova, T.P. 2013, Dinamika chislennosti finno-ugorskih narodov Rossii [Dynamics of the number of Finno-Ugric peoples of Russia], *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], no. 3 (16), p. 89—97.

10. Musaev, V.I. 2004, *Politicheskaja istorija Ingermanlandii v konce XIX — XX veke* [Political history Ingermanlandii at the end of XIX — XX century], St. Petersburg, 450 p.

11. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda* [National structure and language skills, citizenship. Results of the National Population Census 2010], 2013, Vol. 5. Petrozavodsk, 233 p.

12. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Leningradskoj oblasti: Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda* [National structure and language skills, citizenship of the Leningrad Region: Results of the National Population Census 2002], 2007, Vol. 7, St. Petersburg, 197 p.

13. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Leningradskoj oblasti: Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda* [National structure and language skills, citizenship of the Leningrad Region: Results of the National Population Census 2010], 2013, Part. 1, St. Petersburg, 266 p.

14. *Nacional'nyj sostav naselenija Respubliki Karelija* [The ethnic composition of the Republic of Karelia], 2005, Vol. V, Petrozavodsk.

15. Troinitskii, N. A. (ed.), 1903, *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire 28 January 1897], Vol. 37. Sankt-Peterburgskaja gubernija [St. Petersburg Province]. St. Petersburg, XX, 265 p.

16. Troinitskii, N. A. (ed.), 1905, *Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 28 janvarja 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire 28 January 1897], Vol. 49. Jestljandskaja gubernija [Estonian province], St. Petersburg, XVIII, 125 p.

17. *Perepis' naselenija AKSSR 1933* [Population Census 1933 AKSSR], 1934, Vol. 1. Narodnost', vozrast, gramotnost', jazyk, samodejatel'nost' [Nationality, age, literacy, language, amateur], Petrozavodsk.

18. *Raspredelenie naselenija Leningrada i Leningradskoj oblasti po nacional'nosti i rodnomu jazyku: po materialam Vsesojuznoj perepisi 1989* [Distribution of the population of Leningrad and Leningrad region by nationality and native language: Based on the All-Union census of 1989], 1990, Leningrad.

19. Stupin, Yu. A. 2005, Finskoe naselenie Leningradskoj oblasti v XX veke: dinamika chislennosti i razmeshhenija [Finnish population of the Leningrad region in the XX century: population dynamics and placement]. In: Dmitriev, V.V., Chistobaev, A.I., Aliyev, T.A., Shilov, I. O. (eds.), *Teorija i praktika jekologo-geograficheskijh issledovanij* (Itogi nauchnoj raboty Uchebno-nauchnogo centra geografii i geojekologii v 2004 godu) [Theory and practice of ecological and geographical studies (Results of research the University Centre of Geography and Geo in 2004)], St. Petersburg, p. 488—506.

20. Takala, I. R. 2002, *Finny v Karelii i v Rossii: Istorija vznikovenija i gibeli diaspory* [Finns in Karelia in Russia: History and death of the Diaspora], St. Petersburg, 172 p.

21. Fauzer, V. V. 2011, Finno-ugorskie narody v sovremennom mire [Finno-Ugric peoples in the modern world], *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], no. 3, p. 111—125.

22. *Eesti rahvastik rahvaloenduste andmetel*, 1995, I. Tallinn, Eesti statistikaamet, 263 lk.

23. *Rahvastiku koostis ja korteriolud*, 1935, I.III 1934 rahvaloenduse andmed. Vihk II. Tallinn: Riigi statistika keskbüroo, VIII, 151 lk.

24. *Statistics Estonia*, available at: <http://pub.stat.ee> (accessed: 12.04.2014).

25. *Statistics Centre of Finland*, available at: URL: <http://tilastokeskus.fi> (accessed: 12.04.2014).

About the author

Yuri Stupin, Department of Regional Politics and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: stu77@yandex.ru

УДК 930(474.5)

**ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
И СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТВЫ
В ТРУДАХ
СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ**

М. Е. Мегем*
М. Вакар**

Рассматриваются взгляды современных российских авторов — А.Ю. Дворниченко, М.М. Крома, А.Н. Филюшкина, С.И. Михальченко — на дореволюционную и советскую историографию средневековой Литвы. Методологической базой исследования является проблемно-хронологический метод. Основное внимание обращается на акценты российских ученых в анализе дореволюционной и советской литаунистики. Показано, что после распада Советского Союза начался новый этап в изучении историографии средневековой Литвы. Активизация исторических и соответствующих историографических исследований была связана с пересмотром взглядов на литовское прошлое. По мнению авторов статьи, для современной историографии свойственна «ностальгическая» оценка дореволюционных трудов и критическое восприятие советских произведений. Постсоветские историки не ограничиваются только характеристикой предшествующей историографии, но рассматривают и факторы, оказавшие влияние на изменение отношения к литовскому прошлому. Большое значение исследователи придают изучению связи между политической ситуацией и эволюцией взглядов отечественных ученых на основные события литовской истории.

Ключевые слова: дореволюционная и советская историография средневековой Литвы, история Литвы, А.Ю. Дворниченко, М.М. Кром, А.Н. Филюшкин, С.И. Михальченко

Распад Советского Союза открыл новый этап в изучении историографии средневековой Литвы. Активизация исторических и сопутствующих им историографических штудий была обусловлена пересмотром взглядов на прошлое Литвы. На смену единообра-

---

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14

** Центр научных исследований
им. Войцеха Кентшиньского
10-402, Польша, Ольштын,
ул. Партизана, 87

Поступила в редакцию 17.04.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2014-4-8

© Мегем М. Е., Вакар М., 2014

зию идеологических клише и методологических схем приходит калейдоскоп исследовательских интерпретаций, объектов и методологических приемов [1—18].

В постсоветской России Санкт-Петербург стал местом сосредоточения историографических изысканий в области истории средневековой Литвы. В 1990—2000-е гг. А. Ю. Дворниченко, М. М. Кром и А. Н. Филюшкин опубликовали ряд работ, посвященных различным аспектам литовского прошлого. Изучение предшествующей историографии — неотъемлемая составляющая этих исследований. Таким образом, можно вести речь о существовании в современной отечественной историографии петербургской историографической традиции.

Первым среди постсоветских авторов к литовскому Средневековию обратился А. Ю. Дворниченко¹. В 1993 г. он выпустил монографию «Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности» [4], а в 2004 г. написал историографическое предисловие к новому изданию «Очерков истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского [20]. В первую очередь внимание А. Ю. Дворниченко привлекает проблема положения русских земель в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). Именно в этом ракурсе он излагает свои взгляды на историографию ВКЛ.

А. Ю. Дворниченко пишет, что политические события, в частности восстание в Польше, пробудили интерес к истории Западной Руси [4, с. 5; 27, с. 15]. Первые труды по истории Литовско-Русского государства Н. Г. Устрялова, Н. И. Костомарова, М. О. Кояловича и И. Д. Беляева он характеризует как «наивные», потому что в них просто перечислялись факты. Для него эти работы привлекательны тем, что в них был сформулирован вопрос об общинном, земском характере политического строя западнорусских земель [4, с. 6].

В поле зрения А. Ю. Дворниченко попадает научная деятельность Киевского университета Св. Владимира, который он описывает как крупный центр по изучению прошлого ВКЛ. Становление исследований по истории Западной Руси в этом центре он связывает с необходимостью противодействовать польскому влиянию [20, с. 16]. А. Ю. Дворниченко подвергает детальному разбору труды таких киевских историков, как В. Б. Антонович, Н. П. Дашкевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Ф. И. Леонтович [4, с. 7—12]. Сочинения В. Б. Антоновича и Н. П. Дашкевича, по его мысли, четко обозначили «те спорные проблемы русской историографии ВКЛ, которые будут неоднократно обсуждаться: об отношении народностей в этом государстве, о характере самого государства, о положении русских земель, о литовском "феодализме" и т. д.» [20, с. 17].

Изучение ВКЛ, как утверждает А. Ю. Дворниченко, достигает апогея, наивысшей степени интенсивности в конце XIX — начале XX в. [4, с. 28; 27, с. 17], когда историки переходят к серьезным обобщениям [20,

¹ Еще в 1980-е гг. А. Ю. Дворниченко провел исследование по историографии городского строя ВКЛ [19, с. 90—96].

с. 19], а в ведущих университетах Киева, Москвы и Санкт-Петербурга предпринимаются попытки создания «синтезирующих» трудов [4, с. 14]. К группе видных ученых этого периода, специализирующихся на истории Литовско-Русского государства, А. Ю. Дворниченко относит М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, М. С. Грушевского и А. Е. Преснякова [4, с. 14—24].

Положительно оценивая дореволюционную историографию, А. Ю. Дворниченко критически относится к советской исторической науке. По его словам, в советской России все больше отходили от изучения ВКЛ, занимаясь только некоторыми частными проблемами истории княжества [20, с. 24]. В творчестве В. Т. Пашуто он усмотрел попытку написать марксистскую историю ВКЛ. Монографию В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства» А. Ю. Дворниченко воспринимает как «государственный заказ», написанный по заранее заданной схеме и устаревший больше, чем многие дореволюционные труды второй половины XIX в. [4, с. 24—26]. Ученый сожалеет, что в последующем выводы В. Т. Пашуто лишь уточнялись и развивались, а литовско-русская история была отдана на откуп «общим изданиям» [4, с. 26], «которые изобиловали надуманными схемами и пышной риторикой» [20, с. 26]. К тому же изучение ВКЛ «растасили» по союзным республикам [20, с. 26]. «Древо изучения Западной Руси засохло, и нам необходимо его оживить», — так метафорично подводит итог А. Ю. Дворниченко [4, с. 28].

Другой представитель петербургской науки — А. И. Филюшкин — сравнивает историю ВКЛ с осколками разбитого зеркала, которые образовались из-за различия в трактовках прошлого литовской, польской, белорусской, украинской и российской историографий. Отечественной историографии, по его мнению, также присуще многозначное толкование литовского прошлого [14, с. 599—600]. Такой вывод А. И. Филюшкин сделал в результате сопоставления дореволюционного, советского и современного российского восприятия прошлого ВКЛ [14; 15]. Он полагает, что наследие ВКЛ занимает важное место в русской исторической памяти: Россия видит в литовском «зеркале исторической памяти прежде всего саму себя» [14, с. 561]. При этом интерес к истории ВКЛ, считает ученый, вызван не только политической конъюнктурой и попыткой обосновать экспансионистские устремления, но и интеллектуальными и духовными исканиями отечественных мыслителей [14, с. 561—562].

Следуя веяниям западной методологии, А. И. Филюшкин строит свое исследование на анализе исторических дискурсов. Всего А. И. Филюшкин выделяет четыре дискурса истории ВКЛ:

— русские земли как жертва литовской оккупации [14, с. 562—569], или дискурс агрессивности ВКЛ [15, р. 95];

— поглощение земель Великого Лимитрофа как западный проект Российской империи [14, с. 569—574], или дискурс исторической обреченности ВКЛ [15, р. 95];

— наши земли [14, с. 574—594], или дискурс необходимости завоевания ВКЛ [15, р. 95];

— деспотическая Россия могла бы стать демократической по образцу ВКЛ [14, с. 595—598], или дискурс «правильной Руси» [15, р. 95].

В заключение своих работ А. И. Филюшкин кратко характеризует дореволюционную и советскую историографии. Обращаясь к дореволюционной историографии, он отмечает, что незнание истории ВКЛ в России в связи с Польским восстанием 1863 г. признавалось проблемой. Попытка ее решения привела к появлению множества исторических публикаций, так или иначе связанных с литовской историей. «Однако рефлексия Польского восстания 1863 г., — по мнению А. И. Филюшкина, — породила больше публицистических и пропагандистских, чем исторических трудов» [14, с. 598—599]. Изучение прошлого Литвы среди советских историков не было популярно. Освещение истории отдельных районов ВКЛ оказалось востребовано исключительно в рамках определенного набора сюжетов, поэтому в советской науке произошла фрагментация исторической памяти об этом государстве [14, с. 599]. А. И. Филюшкин придает особое значение научной деятельности В. Т. Пашуто, взгляды которого сыграли важную роль в становлении литовских исследований. Но когда идеи В. Т. Пашуто были реализованы, то не нашлось последователей, которые смогли бы обеспечить функционирование научной школы и издание источников по истории ВКЛ [15, р. 108].

Еще один петербургский исследователь, М. М. Кром, в рамках обзора историографии русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. затронул ряд общих вопросов литовского историописания. М. М. Кром, как и его коллеги, считает, что второе Польское восстание возбудило в российском обществе интерес к истории Литвы. Политическая составляющая польских событий привела к оформлению «официального заказа», в результате которого на свет появился ряд проправительственных сочинений (М. О. Кояловича, П. Н. Батюшкова, П. Д. Брянцева и др.) антипольской, антикатолической ориентации. Главным идеологом этого направления М. М. Кром называет М. О. Кояловича, работы которого, «не содержавшие новых фактов, не были исследованиями в собственном смысле слова, но они повлияли и на научные труды» [10, с. 13]. Для примера М. М. Кром ссылается на произведения И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова, в которых он обнаруживает убежденность в превосходстве «православия перед другими религиями» [10, с. 14].

М. М. Кром полагает, что действительность Российской империи не служила моделью равноправного существования различных народов. В связи с этим он задается вопросом: «Не потому ли российские историки второй половины XIX в. с таким подозрением относились к Великому княжеству Литовскому» [10, с. 14]. В итоге ученый делает заключение о том, что в дореволюционной историографии второй половины XIX в. о ВКЛ сложилось представление как о «противоестественном соединении разнородных элементов, нежизнеспособном образовании, раздираемом социальными национально-конфессиональными противоречиями» [10, с. 15].

С 1890-х гг., отмечает М. М. Кром, историографическая ситуация меняется: историки переходят «от поиска абстрактных "начал" к изучению реальных процессов» [10, с. 15]. Труды М. К. Любавского,

М. В. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо он причисляет к классике литуанистики [10, с. 16], а лекции А. Е. Преснякова называет обобщением отечественной и зарубежной литуанистики [10, с. 18].

Акценты послевоенной советской историографии, по словам М. М. Крома, делались на изучении русско-литовских отношений XV—XVI вв., а также судеб славянских земель в составе ВКЛ. Такой подход привел к забвению истории ВКЛ, так как литовская, украинская, белорусская республиканская историографии занимались исследованием прошлого своих частей этого государственного образования. Несмотря на недостатки, такой региональный подход позволил ввести в научный оборот большой фактический материал [10, с. 21—22]. Главный вывод М. М. Крома сводится к тому, что история литовско-русских отношений в советский период находилась в прямой зависимости от ряда идеологических схем: идеи о противостоянии православной Руси католическому Западу, положение о решающей роли в истории народных масс и т. д. [10, с. 24].

Помимо сочинений петербургских авторов анализ историографии Литвы встречается на страницах (попадает в границы научных изысканий) трудов брянского историка С. И. Михальченко. Правда, историография Литвы интересует его не как основной предмет исследования, а как одно из направлений научной деятельности историков Киевской школы [21—27]². В своих работах С. И. Михальченко касается основных вех биографии, научного творчества, методологических позиций, общественно-политических воззрений представителей первого поколения Киевской школы — В. Б. Антоновича, М. В. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича, а также их учеников (М. В. Довнар-Запольского, П. В. Голубовского, Н. В. Молчановского, А. М. Андрияшева, В. Г. Ляскоронского, В. Е. Данилевича, А. С. Грушевского, М. С. Ясинского, И. А. Малиновского и т. д.). Вместе с тем он освещает ряд эпизодов, связанных со взглядами киевских ученых на перипетии литовской истории. Например, он разбирает докторскую диссертацию В. Б. Антоновича по истории ВКЛ [24, с. 25—26]. С. И. Михальченко предполагает, что восприятие литовского прошлого как взаимоотношения народов, а не как деятельности государства было заимствовано им у Н. И. Костомарова. С. И. Михальченко также останавливается на дискуссии между Н. П. Дашкевичем и В. Б. Антоновичем по поводу борьбы этнографических начал в древнейший период истории ВКЛ и споре между Ф. И. Леонтовичем и М. К. Любавским о государственном устройстве ВКЛ [24, с. 56—57].

В постсоветских коллективных и авторских изданиях по историографии истории России биографии ученых, занимавшихся прошлым Литвы, по сравнению с исследователями советского периода представлены более широко [28—30]. В этих работах помимо классиков

² В коллективной монографии «Историки России» С. И. Михальченко написал разделы о В. Б. Антоновиче, Ф. И. Леонтовиче, М. Ф. Владимирском-Буданове, М. С. Грушевском [24].

(М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. Е. Пресняков), подробно рассмотренных еще в советской науке, появляются такие дореволюционные представители науки, как Н. Г. Устрялов, М. О. Коялович, И. Д. Беляев, А. Ф. Гильфердинг, М. К. Любавский, Ф. И. Леонтович, В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский. Кроме того, в поле зрения составителей также оказывается научная деятельность советских историков В. И. Пичеты и В. Т. Пашуто. Если в советских обобщающих работах по историографии реконструкция творческого пути ученых проводится в контексте историко-идеологических течений, то в современных трудах о каждом из исследователей написан отдельный раздел. Иной в сопоставлении с советской историографией формат изложения позволяет более обстоятельно осветить достижения историков в области литовских штудий.

В постсоветской исторической науке историография Литвы вызывает пристальный и устойчивый интерес. Для современной российской историографии свойственна «ностальгическая» оценка дореволюционных трудов и критическое восприятие советских работ. Конец XIX — начало XX в. историкам представляется наиболее важным и плодотворным периодом отечественной литаунистики. Советской же историографии, по их мнению, присущ излишний схематизм, регионализм и тенденциозность. Авторы не ограничиваются только характеристикой предшествующей историографии, но также рассматривают факторы, оказавшие влияние на изменение отношения к литовскому прошлому. Большое значение исследователи придают изучению связи между политической ситуацией и эволюцией взглядов отечественных ученых на основные события литовской истории. В этом контексте особо отмечается роль второго Польского восстания (1863—1864 гг.).

Список литературы

1. Александров Д. Н., Володихин Д. М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994.
2. Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнит.-ист. изучения полит. строя. М., 1996.
3. Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV — XVII веков. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012.
4. Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): очерки истории общины, сословий, государственности / отв. ред. И. Я. Фроянов. СПб., 1993.
5. Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. / сост. С. В. Мироненко. М., 1991. С. 76—126.
6. Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.). М., 1994.
7. Иванов Н. М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей) : историко-генеалогическое исследование-обобщение. Кн. 1. СПб., 2002.

8. *Иванов Н. М.* История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей) : историко-генеалогическое исследование-обобщение. Кн. 2. СПб., 2002.
9. *Кром М. М.* Стародубская война 1534—1537: из истории русско-литовских отношений. М., 2008.
10. *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.
11. *Кудий Г. Н.* Русская Атлантида. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское в истории и русской государственности. Факты, мифы и размышления. М., 2012.
12. *Кутаков И. В.* Великое княжество Литовское в системе международных отношений Восточной Европы конца XIV — начала XV веков. Н. Новгород, 2009.
13. *Кутаков И. В.* История Польши, Великого княжества Литовского и Руси по материалам *monumenta germaniae historica* (середина XIV — начало XV вв.). Н. Новгород, 2011.
14. *Филюшкин А. Н.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // *Ab Imperio*. 2004. №4. С. 561—601.
15. *Филюшкин А.* «Другая Русь» в русской историографии // *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo "dalybos"*. Vilnius, 2008. P. 94—113.
16. *Широкорад А. Б.* Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М., 2004.
17. *Широкорад А. Б.* Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М., 2007.
18. *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII—XV в. М., 1998.
19. *Дворниченко А. Ю.* Дореволюционные русские историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России: пробл. историографии : сб. статей. Л., 1983. С. 90—96.
20. *Дворниченко А. Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства. СПб., 2004. С. 14—30.
21. *Михальченко С. И.* М. В. Довнар-Запольский: историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1993. №6. С. 162—170.
22. *Михальченко С. И.* Киевская школа: очерки об историках. Брянск, 1994.
23. *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии. М. ; Брянск, 1996.
24. *Михальченко С. И.* Киевская школа в российской историографии (В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики). М. ; Брянск, 1997.
25. *Михальченко С. И.* Ф. В. Тарановский. К вопросу о школе «западно-русского» права в эмиграции // Культурная миссия Российского зарубежья. История и современность. М., 1999. С. 115—118.
26. *Михальченко С. И.* Письма М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича и их учеников в архивах России // Харківський історіографічний збірник : сборник. Харків, 2006. Вип. 8. С. 180—189.
27. *Михальченко С. И.* «Феодальная Россия и Литва в трудах М. В. Довнар-Запольского». URL: <http://cheloveknauka.com/feodalnaya-rossiya-i-litva-v-trudah-m-v-dovnar-zapolskogo#ixzz2y144A360> (дата обращения: 14.09.2014).
28. *Историки России.* Биографии. М., 2001.
29. *Портреты историков.* Время и судьбы. Т. 1. М. ; Иерусалим, 2000.
30. *Наумова Г. Р., Шикло А. Е.* Историография истории России. М., 2008.

Об авторах

Максим Евгеньевич Мегем, младший научный сотрудник Социологической лаборатории анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: megem@kantiana.ru

Марчин Вакар, доктор гуманитарных наук, адъюнкт, Центр научных исследований им. Войцеха Кентшиньского, г. Ольштын, Польша.

E-mail: marcin.wakar@gmail.com

THE WORKS OF MODERN RUSSIAN HISTORIANS AND THE HISTORIOGRAPHY OF MEDIEVAL LITHUANIA BEFORE AND AFTER THE RED OCTOBER

M. Megem^{*}
M. Wakar^{**}

^{*}*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia*

^{**}*Wojciech Kętrzyński Research Centre,
87, Partyzantów Str., Olsztyn, 10—402, Poland*

Submitted on April 17, 2014

This article examines the views of modern Russian scholars A. Dvornichenko, M. Krom, A. Filyushkin, and S. Mikhailchenko on the pre-revolutionary and Soviet historiography of medieval Lithuania. Chronological problem analysis constitutes the methodological framework of the study. Special attention is paid to the priorities of the Russian scholars in the analysis of the pre-revolutionary and Soviet Lithuanian studies. It is shown that the disintegration of the Soviet Union marked a new period in research on the historiography of medieval Lithuania. The activation of historical and historiographical studies was a result of a revision of views of Lithuanian past. The authors believe that modern historiography exhibits a “nostalgic” attitude to pre-revolutionary works, while the reception of the later, Soviet-era publications is more critically inclined. Post-Soviet historians do not restrict themselves by describing previous historiography: they also consider factors behind the change in the attitudes to Lithuanian past. Thus, the scholars pay special attention to studying the connection between the political situation and the evolution of the views of Russian scholars on the events of Lithuanian history.

Key words: pre-revolutionary and Soviet historiography of medieval Lithuania, history of Lithuania, Dvornichenko, Krom, Filyushkin, Mikhailchenko

References

1. Alexandrov, D.N., Volodikhin, D.M. 1994, *Bor'ba za Polock mezhdou Litvoj i Rus'ju v XII-XVI vekah* [The struggle for Polotsk between Lithuania and Russia, in the XII-XVI centuries], Moscow, 133 p.
2. Bychkova, M. E. 1996, *Russkoe gosudarstvo i Velikoe knjazhestvo Litovskoe s konca XV v. do 1569 g.: Opyt sravnitel'no-istoricheskogo izuchenija politicheskogo stroja* [Russian state and the Grand Duchy of Lithuania since the end of the XV century. to 1569: Experience of comparative-historical study of the political system], Moscow, 173 p.
3. Bychkova, M. E. 2012, *Russko-litovskaja znat' XV — XVII vekov. Istochnikovedenie. Genealogija. GERAL'dika* [Russian-Lithuanian nobility XV — XVII centuries. Chronology. Genealogy. Heraldry], Moscow, 368 p.
4. Dvornichenko, A. Yu. 1993, *Russkie zemli Velikogo knjazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.): Oчерки istorii obshhiny, soslovij, gosudarstvennosti* [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (prior to the beginning of the XVI century.): Essays on the history of the community, classes, state], St. Petersburg, 240 p.
5. Dumin, S. V. 1991, *Drugaja Rus' (Velikoe knjazhestvo Litovskoe i Russkoe)* [Other Rus (Grand Duchy of Lithuania and Russian)]. In: Mironenko, S. V. (Comp.), *Istorija Otechestva: ljudi, idei, reshenija. Oчерки istorii Rossii IX—nachala XX* [History of the Fatherland: people, ideas, solutions. Essays on the history of Russia IX-early XX century.], p. 76—126.
6. Zaborowski, L. V. 1994, *Velikoe knjazhestvo Litovskoe i Rossija vo vremja pol'skogo Potopa (1655—1656)* [Grand Duchy of Lithuania and Russia during the Polish Flood (1655—1656)], Moscow, 188 p.
7. Ivanov, N.M. 2002, *Istorija Litovsko-Russkogo gosudarstva v imenah i datah (Derzhava Gediminovichej): Istoriko-genealogicheskoe issledovanie-obobshhenie* [History of the Lithuanian-Russian state in the names and dates (Power Gediminovich): Historical and genealogical research, generalization], Vol. 1, St. Petersburg, 300 p.
8. Ivanov, N.M. 2002, *Istorija Litovsko-Russkogo gosudarstva v imenah i datah (Derzhava Gediminovichej): Istoriko-genealogicheskoe issledovanie-obobshhenie* [History of the Lithuanian-Russian state in the names and dates (Power Gediminovich): Historical and genealogical research, generalization], Vol. 2, St. Petersburg, 180 p.
9. Krom, M.M. 2008, *Starodubskaja vojna 1534- 1537: iz istorii russko-litovskih otnoshenij* [Starodubskaya war 1534- 1537: from the history of Russian-Lithuanian relations], Moscow, 139 p.
10. Krom, M.M. 2010, *Mezh Rus'ju i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca HV — pervoj treti XVI* [Between Rus and Lithuania. Frontier lands in the Russian-Lithuanian relations end XV — the first third of the XVI century], Moscow, 320 p.
11. Kudiy, G. N. 2012, *Russkaja Atlantida. Velikoe knjazhestvo Litovskoe, Russkoe i Zhemojtskoe v istorii i russkoj gosudarstvennosti. Fakty, mify i razmyshlenija* [Russian Atlantis. Grand Duchy of Lithuania, Russian and Jemot in history and Russian statehood. Facts, Myths and reflections], Moscow, 430 p.
12. Kutakov, I.V. 2009, *Velikoe knjazhestvo Litovskoe v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij Vostochnoj Evropy konca XIV — nachala XV vekov* [Grand Duchy of Lithuania in the international system in Eastern Europe of the XIV — XV centuries], Nizhny Novgorod, 182 p.

13. Kutakov, I. V. 2011, *Istorija Pol'shi, Velikogo knjazhestva Litovskogo i Rusi po materialam monumenta germaniae historica (seredina XIV — nachalo XV vv.)* [History of Poland, Grand Duchy of Lithuania and Russia on materials monumenta germaniae historica (mid XIV — early XV centuries)], Nizhny Novgorod, 37 p.
14. Filyushkin, A. N. 2004, Vgljadyvajas' v oskolki razbitogo zerkala: Rossijskij diskurs Velikogo knjazhestva Litovskogo [Peering into the pieces of a broken mirror: Russian discourse Grand Duchy of Lithuania], *Ab Imperio*, no. 4, p. 561—601.
15. Filyushkin, A. 2008, «Drugaja Rus'» v russoj istoriografii ["The Other Russia" in Russian historiography]. In: *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos.“*, Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, p. 94—113.
16. Shirokorad, A. B. 2004, *Rus' i Litva. Rjurikovichi protiv Gedeminovichev* [Russia and Lithuania. Rurik against Gediminovich], Moscow, 396 p.
17. Shirokorad, A. B. 2007, *Davnij spor slavjan: Rossija, Pol'sha, Litva* [Long-running dispute Slavs: Russia, Poland, Lithuania], Moscow, 842 p.
18. Janin, V. L. 1998, *Novgorod i Litva: Pograničnye situacii XIII—XV v.* [Novgorod and Lithuania: Border situation XIII—XV century], Moscow.
19. Dvornichenko, A. Yu. 1983, Dorevoljucionnye russkie istoriki o gorodskom stroe Velikogo knjazhestva Litovskogo [Pre-revolutionary Russian historians about the urban system of the Grand Duchy of Lithuania]. In: *Genesis i razvitie feodalizma v Rossii: problemy istoriografii* [Genesis and development of feudalism in Russia: problems of historiography], collection of papers, p. 90—96.
20. Mihalchenko, S. I. 1993, M. V. Dovnar-Zapol'skij: istorik i obshhestvennyj dejatel' [M. Dovnar-Zapolskii historian and social activist], *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 6, p. 162—170.
21. Mihalchenko, S. I. 1994, *Kievskaja shkola: očerki ob istorikah* [Kyiv School: Essays of historians], Bryansk, 76 p.
22. Mihalchenko, S. I. 1996, *Kievskaja shkola v rossijskoj istoriografii* [Kyiv School in Russian historiography], Moscow, 186 p.
23. Mihalchenko, S. I. 1997, *Kievskaja shkola v rossijskoj istoriografii (V. B. Antonovich, M. V. Dovnar-Zapol'skij i ih učeniki)* [Kyiv School in Russian historiography (V. Antonovich, M. Dovnar-Zapolskii and their students)], Bryansk, 228 p.
24. Mihalchenko, S. I. 1999, F. V. Taranovskij. K voprosu o shkole «Zapadno-Russkogo» prava v jemigracii [F. Taranovsky. On the issue of school "West-Russian" law in exile]. In: *Kul'turnaja missija Rossijskogo Zarubezh'ja. Istorija i sovremennost'* [Russian cultural mission abroad. History and the Present], Moscow, p. 115—118.
25. Mihalchenko, S. I. 2006, Pis'ma M. F. Vladimirovskogo-Budanova, F. I. Leontovicha i ih učenikov v arhivah Rossii [Letters M. Vladimirovsky-Budanov, F. Leontovich and their students in the archives of Russia], *Harkivs'kij istoriografičnij sbirnik* [Kharkov historiographical collection], no. 8, p. 180—189.
26. Mihalchenko, S. I. 1990, *Feodal'naja Rossija i Litva v trudah M. V. Dovnar-Zapol'skogo* [Feudal Russia and Lithuania in the works of M. Dovnar-Zapolsky], candidate dissertation thesis, available at: <http://cheloveknauka.com/feodalnaya-rossiya-i-litva-v-trudah-m-v-dovnar-zapolskogo#ixzz2yl44A36> (accessed 01.02.2014).
27. Dvornichenko, A. Yu. 2004, Istorigrafija Velikogo knjazhestva Litovskogo i «Očerki istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva» M. K. Ljubavskogo [Historiography Grand Duchy of Lithuania and "Essay on the History of the Lithuanian-Russian state" M. Liubavskii]. In: Liubavskii, M. K. *Očerki istorii Litovsko-*

Russkogo gosudarstva [A Short History of the Lithuanian-Russian state], St. Petersburg, p. 14—30.

28. Filyushkin, A. N. 2004, Vgljadyvajas' v oskolki razbitogo zerkala: Rossijskij diskurs Velikogo knjazhestva Litovskogo [Peering into the pieces of a broken mirror: Russian discourse Grand Duchy of Lithuania], *Ab Imperio*, no. 4, p. 561—601.

29. Filyushkin, A. N. 2008, «Drugaja Rus'» v russkoj istoriografii ["The Other Russia" in Russian historiography]. In: *Lietuvos Didžiosios kunigaikštijos tradicija ir paveldo „dalybos“*, Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, p. 94—113.

30. Krom, M. M. 2010, *Mezh Rus'ju i Litvoj. Pogranichnye zemli v sisteme rusko-litovskih odnoszenij konca HV — pervoj treti XVI* [Between Rus and Lithuania. Frontier lands in the Russian-Lithuanian relations end XV — the first third of the XVI century], Moscow, 320 p.

31. Mihalchenko, S. I. 1997, *Kievskaja shkola v rossijskoj istoriografii (V. B. Antonovich, M. V. Dovnar-Zapol'skij i ih ucheniki)* [Kyiv School in Russian historiography (V. Antonovich, M. Dovnar-Zapolskii and their students)], Bryansk, 228 p.

32. *Istoriki Rossii. Biografii* [Russian historians. Biographies], 2001, Moscow, 911 p.

33. *Portrety istorikov. Vremja i sud'by* [Portraits of historians. Time and Fate], 2000, Vol. 1, Moscow-Иерусалим, 431 p.

34. Naumova, G. R., Shiklo, A. E. 2008, *Istoriografija istorii Rossii* [Russian historiography], Moscow, 480 p.

About the authors

Maksim Megem, Junior Research Fellow, Sociological Laboratory for Risk Analysis, Modelling and Forecasting, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: megem@kantiana.ru

Dr Marcin Wakar, Adjunct Professor, Wojciech Kętrzyński Research Centre, Olsztyn, Poland.

E-mail: marcin.wakar@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ И ОЦЕНКЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез : коллективная монография. — М. : Медиа-Пресс, 2013. — 663 с.

Трансформационные процессы, разные скорости социально-экономических изменений, происходящих на глобальных и локальных пространствах в современном мире и России, диктуют необходимость исследования проблем активности субъектов социально-экономических отношений (их интересов, поведения, взаимодействия) в пространственном дискурсе. В рецензируемой монографии представлены важнейшие результаты Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук, выполнявшейся в 2009—2011 гг. коллективами более чем 30 институтов РАН. Масштабность и значимость проделанной научно-исследовательской работы уникальна для российской академической науки. Тем более что из-за недостатка координации и финансирования исследований по фундаментальным проблемам пространственного развития Российской Федерации они велись тематически фрагментарно и организационно разрозненно. Это было особенно заметно на фоне имеющихся достижений международного научного сообщества по проблемам пространственного развития и не соответствовало масштабу, сложности и общественной значимости данных проблем для такой пространственно зависимой страны, как Россия. Степень изученности пространства РФ в его современном состоянии и перспективах совершенно недостаточна — ни для понимания причин и сути протекающих процессов трансформаций, влекущих за собой резкое обострение пространственных социально-экономических диспропорций, ни для опознавания существующих вызовов и реальных угроз дезинтеграции нашей страны. При этом сам концепт рыночно-экономического территориального развития за время реформ разрабатывался лишь с либеральных позиций, без должного учета реальных тенденций развития и трансформаций регионов, реальных возможностей эффективных государственных управленческих воздействий на базе единой, непротиворечивой и реально консолидированной региональной политики.

Книга состоит из двух частей: первая имеет преимущественно фундаментально-концептуальный характер и рассматривает в десяти главах подходы, факторы, особенности трансформации социально-эконо-

мического и социокультурного пространства, а также пространственные аспекты формирования и развития инновационной системы страны. Вторая часть, в которой также представлены теоретико-методологические проблемы, имеет в основном прикладной характер, где в восьми главах дан инструментарий анализа, прогнозирования и совершенствования государственно-территориального устройства, а также создания системы территориального планирования, развития и консолидации пространства по направлениям Север — Юг, Запад — Восток страны. Хотя каждая из 18 глав книги посвящена решению отдельной пространственно-региональной задаче, тем не менее в совокупности они подчинены ключевой фундаментальной идее синтеза, реализация которой авторам в целом удалась. Этот синтез в значительной мере был построен на заделе в виде работ ведущих отечественных ученых, и в первую очередь академика А. Г. Гранберга, инициатора и первого координатора названной Программы (с. 38), а также зарубежных исследователей — Ф. Броделя, И. Валлерстайна и других — с учетом особенностей формирования шестого мирового технологического уклада в настоящее время.

Среди многих решенных новых научных задач, выдвинутых в рамках Программы и представленных в рецензируемой монографии, можно выделить следующие. Определены и изучены территориальные структуры разного уровня в их взаимодействии и развитии. Проведен сравнительный анализ тенденций современной трансформации территориальных структур в развитых странах и в РФ. Созданы научные основы региональной политики для целей прогнозирования и программирования долгосрочного социально-экономического развития России. Разработаны предложения по организации системы научной экспертизы принимаемых управленческих решений в области пространственного развития Российской Федерации. Кроме того, на основе новых принципов размещения производительных сил охарактеризованы фундаментальные проблемы пространственного развития страны и ее регионов и показаны возможные направления междисциплинарных усилий представителей различных наук для осмысления и решения данных проблем (гл. 1 с. 31—43) «Концептуальные основы пространственного подхода», авторы П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, А. Н. Пилясов; гл. 6 (с. 190—256) «Эволюция, модернизация и новое освоение социально-экономического пространства»; гл. 17 (с. 570—611) «Методология и инструментарий анализа и прогнозирования пространственной структуры экономики России»).

При этом особо следует подчеркнуть роль социологии как определенного интегратора знания о пространственном развитии России. Так, в главе 5 (с. 162—182) «Трансформация социокультурного пространства России» (авторы Н. И. Лапин, В. В. Маркин, Л. М. Дробижеева, И. А. Халий) раскрыты основные теоретико-методологические вопросы региональной идентификации и социального моделирования российских регионов в их социологической интерпретации. Верифицированы типологические основания социального моделирования регионов (качество жизни,

менталитет, инновационный вектор развития и др.) и определены возможности его использования в управлении на примерах отдельных регионов, субъектов РФ и территориальных образований с особым статусом. Обоснован вывод о социальной модернизации как главном условии инновационного развития регионов и повышения качества жизни. В этой связи заслуживают внимания рассмотренные аспекты рискованной несогласованности компонентов социокультурного пространства России, многоуровневый характер социально-территориальной идентификации россиян, повышение государственно-гражданской идентичности и межэтнического согласия, двойственной иерархии ценностных позиций населения как предпосылки гражданского конфликта и др.

Разработана концепция пространственной демографии и социальной среды в региональном контексте, представленная в главе 4 (с. 120—161). Показано, что углубляющееся социально-экономическое неравенство служит тормозом демографического роста, и проведена оценка качества человеческого потенциала, необходимого для модернизационного прорыва России в мире.

Проанализированы тенденции изменения роли природно-ресурсных факторов в пространственном социально-экономическом развитии. Расширены представления о влиянии климатических изменений на условия арктической морской навигации в XXI в. и о воздействии климатических изменений и погодных аномалий на экономику и здоровье населения северных регионов.

Изучено влияние изменчивости доступных для использования водных ресурсов и их качества на социально-экономическое развитие страны; дана оценка роли водных проблем в обеспечении национальной и экологической безопасности (гл. 3, с. 88—119).

На математических моделях исследованы и показаны возможности оптимизации развития энергетической инфраструктуры и транспорта общего пользования в целях уменьшения стоимости энергии для потребителей. Предложено районирование территории России по условиям размещения объектов потребления и производства энергоресурсов, а также по сложившимся и прогнозируемым новым транспортно-энергетическим связям (гл. 7, с. 257—305).

Разработана методическая схема прогнозирования формирования единого транспортного пространства России и ее регионов, согласованного с рациональной структурой размещения производительных сил. Проведены сценарные расчеты формирования транспортных коридоров, мультимодальных транспортно-логистических узлов с выделением азиатской части страны и отдельных регионов Сибири (гл. 8, с. 306—330).

Показано воздействие информационных технологий на пространственное социально-экономическое развитие. Сопоставлены прогнозные оценки и реальные последствия информатизации, выявлены общемировые и российские особенности и тенденции, классифицированы важнейшие аспекты российской государственной политики в этой сфере, проанализи-

рованы состав и содержание соответствующих нормативных правовых актов (гл. 9, с. 331—358).

Обоснованы направления решения пространственно-средовых вопросов инновационного развития и проблем создания на различных территориях благоприятного климата для инвестиций в инновационную деятельность путем, с одной стороны, формирования институтов инновационного развития в регионах с учетом их специфики, а с другой — применения общенациональных механизмов пространственной координации инновационной деятельности (гл. 10, с. 359—394).

Предложения по модернизации стратегий развития разработаны на примере четырех макрорегионов — Дальнего Востока, Сибири, Урала и Северо-Запада, — а также в целом зоны Севера. Сформирован алгоритм изучения территорий нового освоения (гл. 11—15, с. 395—537).

Выявлены предельно острые проблемы и фундаментальные противоречия социально-экономического и этнополитического развития Юга России. Представлены основные характеристики поликонфессионального и полиэтничного Северо-Кавказского макрорегиона, которые заключаются в жесткой взаимообусловленности социокультурных, этнополитических и экономических процессов. Показано, что развитие ситуации на Северном Кавказе идет по инерционному сценарию с элементами силового и бессистемного подходов (гл. 16, с. 538—569).

Представлены научные основы совершенствования государственно-территориального устройства и создания системы территориального планирования. Предложен комплекс гибких регулятивных положений организационного, правового, методического и информационного характера, позволяющих обеспечить непротиворечивое взаимодействие федеральных и субфедеральных органов власти, а также хозяйствующих субъектов при разработке прогнозно-плановых документов (гл. 18, с. 612—650).

Самым значимым итогом представляемого в книге междисциплинарного подхода стало существенное расширение научных представлений о состоянии современного пространства страны, о факторах и тенденциях его трансформации, возможностях и способах государственного воздействия на пространственно опосредованные ситуации и процессы в интересах сохранения целостности страны и повышения интеграции ее территориальных частей с учетом современных мировых и российских реалий.

Достаточно сложно подвергать сомнению даже отдельные представленные в книге идеи ведущих ученых РАН, тем не менее в качестве замечаний можно отметить следующее.

Суть главной проблемы монографии в главе «Концептуальные основы пространственного подхода» (с. 31—43) передана верно. Для России «пространственная наука» — прежде всего «социальное пространство» как место всестороннего развития человека. Если место его рождения — конкретный населенный пункт, то место развития — социальное пространство, где происходит жизнедеятельность человека в различных формах материального и духовного труда. Тогда почему бы не обратиться со взвешенным анализом к позитивному опыту

Советского Союза в освоении и воспроизводстве «социального пространства» как места всестороннего развития каждого, а значит, и всех членов общества на принципах социальной справедливости и жизнеутверждающего труда на базе современных пятого и шестого технологических укладов? Кроме того, именно Советский Союз создал эффективно работавшие на консолидацию и интеграцию огромного социального пространства инструменты: единый язык общения (русский) как основа и выразитель цивилизационного социокультурного кода; единая денежная единица (рубль), выполнявшая все функции денег в самостоятельной финансово-экономической системе; единый Фонд потребления (аккумулировавший три четверти национального дохода страны) для реализации социальной справедливости в уровне потребления разнообразных материальных и духовных благ всеми членами общества. Суверенное освоение и развитие российского социального пространства, в силу его обширности, вряд ли возможно лишь на принципах сформированного сейчас потребительского общества. Для этого потребуется качественно и количественно расширить поле возможностей приложения способностей и сил активно занятого населения, что возможно лишь на принципах возрождения трудового производительного общества.

Анализ разных видов пространственного развития на всех уровнях (мега-, макро-, микро-) реализован широко и содержательно, но нет развернутой типологии и классификации регионов страны по критерию социально-пространственной идентичности. Такая попытка представлена лишь в упомянутой главе «Трансформация социокультурного пространства России» посредством категорий «ресурсность», «освоенность», но ее следует дополнить, на наш взгляд, категориями «медианность», «Север — Юг» и другими (с. 162—189). При этом в главах монографии осталась известная рассогласованность при анализе отдельных видов пространств. Также обойдена вниманием в книге проблема особенностей российского фронта: государствообразующий русский народ как носитель русского социокультурного (цивилизационного) кода должен снова консолидировать многообразие различных культур страны в евразийском дискурсе на основе общей идеи социальной справедливости и гуманистического вектора. К сожалению, очень важный для темы монографии тезис о том, что «неопределенность вектора трансформации требует ответа на вопрос: ориентирован ли этот процесс на удовлетворение растущих потребностей населения и развитие способностей человека (гуманистический вектор), или он спонтанно отчуждает массы населения от их жизненных потребностей и развития способностей (негуманистический вектор)?» — остался лишь намеченным, но не раскрытым (с. 163). В этой связи следует отметить такой значимый для понимания тезиса момент: для Запада «пространственная экономика» как геополитический способ производства общественной связи — это расширение ресурсных территорий на основе «жизненных интересов» нации в горизонте калькуляции затрат и выгод с накоплением силового потенциала для дости-

жения цели (целерациональный подход). Для России «пространственная экономика» как хронографический способ производства общественной связи — это стратегия «сборки» и удержания (консолидации) этнических, культурных, экономических частей как единого целого для его саморазвития на базе жизнеутверждающего труда (ценностный подход). Это разные сущности разных цивилизаций, поэтому механическое заимствование ничего не даст, кроме социальных химер типа «капитализма с человеческим лицом» (интегральное, конвергентное общество), «социализма с человеческим лицом» (общество рыночного социализма) и т. п.

В книге справедливо указано, что сама специфика российского инновационного процесса заключается в том, что в результате развала СССР с 1990-х гг. импорт технологий стал стремительно возобладать над собственными технологическими разработками, чему способствовала структура затрат на инновации, остающаяся на протяжении последних 10—15 лет практически неизменной. Их преобладающая часть (почти 60%) связана с приобретением машин и оборудования, в то время как на НИОКР расходуется всего около 10% средств. Российские инновационные пропорции находятся в полной противоположности инновационным приоритетам развитых экономик, где предприятия преимущественно ориентированы не на приобретение машин и оборудования, а на НИОКР. К примеру, в Германии доля расходов на НИОКР составляет половину затрат предприятий на технологические инновации, в Швеции — 65%, во Франции — почти 70% (затраты на приобретение машин и оборудования в Германии составляют только 25%, во Франции около 10%, а в Швеции 2—3%) (с. 348). Удручающее положение с созданием высоких технологий в российской экономике реализовалось в закреплении примитивного способа ее участия в международном разделении труда посредством обмена низкотехнологичных товаров (главным образом сырья) на ввозимые высокотехнологичную продукцию и технологии. Однако адресат исправления такого положения вещей указан в монографии не конкретно: «открытия и изобретения не становятся работающим капиталом, не вызывают делового интереса у инвесторов» (с. 362). Разве не государство — в лице его исполнительной власти — должно быть заказчиком (инвестором) прорывных, «закрывающих» технологий активно формирующегося в мире шестого уклада для модернизационного рывка страны? Тем более что российская инновационная система все более тесно встраивается в глобальные цепочки добавленной стоимости, которые полностью и жестко контролируются иностранными производителями — главным образом крупными транснациональными корпорациями. Зачем иностранным конкурентам быть инвесторами нашего развития? Поэтому есть острая необходимость замены неблагоприятной институциональной среды в регионах России с позиции методов и инструментария мобилизационной стратегии развития под обоснованным руководством государства, и жаль, что такие стратегии в книге лишь обозначены без развернутого обоснования.

Следует согласиться с принципиальным выводом авторов монографии о том, что очевидно стремление мировых элит, поддерживаемое в определенных кругах властных и экономических структур федерального Центра, закрепить за сибирскими регионами роль сырьевого придатка развитых экономик. Сегодня остальному миру выгодно существование этих регионов именно как сырьевого придатка, а не как социально обустроенных макрорегионов, сочетающих интересы своего развития с интересами всей России. Поэтому представляются логичными и обоснованными выводы авторов монографии о том, что диверсификация существующей сегодня фактически колониальной структуры экономики сибирских регионов и создание здесь в экономических и геополитических целях мощного комплекса перерабатывающих производств — это исключительно внутрисибирская задача, выполняемая в основном с опорой на собственные силы (с. 420—421).

Прогнозы сводных параметров развития России, представленные в монографии, весьма пессимистичны (с. 435—437). С нашей точки зрения, в настоящее время Россия и ее регионы находятся в тупике бюрократически-олигархического капитализма. Устойчивое развитие экономики может быть обеспечено на других основах, но они в монографии приведены лишь фрагментарно, хотя в российской научной среде такая смена социально-экономического курса плодотворно обсуждается. Годы реформ показали, что на экономической основе господства частной собственности (особенно в форме иностранного капитала) социально-справедливого общества не построить, а конвергентное общество в лучшем случае может быть лишь переходным, потому что дуализма сущности не бывает (социализм и капитализм не могут быть одинаково истинными в познании), поэтому на практике со временем, рано или поздно, побеждает и господствует одна из них со всеми вытекающими последствиями для общественного развития.

Отмеченные нами недостатки, очевидно, были неизбежны при сведении результатов исследований большого авторского коллектива из 87 человек и имеют частный характер. Кроме того, в монографии встречаются досадные технические ошибки. Например, в списке авторов неправильно указано имя одного из них — Валерия Маркина (с. 661).

Остается пожелать, чтобы выводы, сформулированные в книге, нашли отражение в новой стратегии социально-экономического развития (особенно в региональном плане), при реализации которой Россия сумеет занять достойное место в мире. Поэтому необходимо продолжить изучение проблематики пространственного развития страны и ее регионов, опираясь на опыт междисциплинарного подхода, единую методологию и привлекая к анализу альтернативные сценарии. Это относится и к актуальной в настоящее время стратегии мобилизационного социально-экономического развития с учетом великой судьбы нашей Родины, что, насколько нам известно, и делается в новой Программе фундаментальных исследований Президиума РАН

«Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

И последнее. Опыт научных исследований подсказывает, что реализация подобных Программ под силу лишь Российской академии наук, способной консолидировать усилия ученых разных отраслей знания в едином методологическом ключе «дифференциации и консолидации социального пространства».

В. В. Воронов

Об авторе

Виктор Васильевич Воронов, доктор социологических наук, ведущий исследователь Института социальных исследований Даугавпилсского университета, эксперт по социологии и экономике Совета по науке Латвийской академии наук.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

About the author

Dr hab. Victor Voronov, leading researcher, Institute for Social Research, Daugavpils University, Latvia; expert in sociology and economics Science Council of the Latvian Academy of Sciences

E-mail: viktor.voronov@du.lv

ЕВРОПА БЕЗ РОССИИ И БЕЗ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»

Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией : аналитический доклад / под ред. О. Гаман-Голутвиной ; Российская ассоциация политической науки. — М., 2014. — 92 с.

Рассматриваемый аналитический доклад вышел из печати совсем недавно и, естественно, не потерял своей актуальности. Председательство Латвии в ЕС еще не началось. Однако 2014 г. характеризуется уникальными темпами изменения политической ситуации в Европе и отношений между Россией и странами ЕС. К осени 2014 г. стало ясно то, что Европа осталась без России, но и «Восточное партнерство» в прежнем формате закончилось навсегда. «Украинский кризис, вызванный неудачной реализацией программы "Восточное партнерство", во многом лишает перспектив и саму программу» (с. 7).

Это не означает спада внимания к Восточной Европе, постсоветскому пространству. Правильнее будет говорить о том, что наблюдается финальная стадия кризиса той модели восточной политики, которую выбрали Брюссель и Страсбург и которая привела к качественному углублению противостояния в Европе.

«События на Украине 2013—2014 гг. стали крупнейшим на евразийском пространстве геополитическим кризисом с начала нового столетия, который привел к коллапсу украинской государственности, чреватому экономической катастрофой и территориальным распадом. Эта без преувеличений трагическая ситуация запустила процесс пересмотра всей системы международных отношений — диалог России, ЕС и США на прежних условиях отныне стал невозможным» (с. 3). С этих слов начинается аналитический доклад; их не следует рассматривать как вывод, но и оспорить невозможно. Одна из ключевых задач, решаемых в докладе, — попытка объяснить, как и почему это произошло.

Проект «Восточного партнерства» был предложен 22 мая 2008 г. министрами иностранных дел Польши и Швеции — Радославом Сикорским и Карлом Бильдтом. Важно отметить то, что оба министра к 2008 г. уже имели репутацию жестких критиков России. Впрочем, такая позиция в Европе давно не уникальна. Интересно другое: в 2014 г. оба политика попадут в центр общественного внимания несколько позже, причем именно в контексте внешнеполитической линии, так активно ими продвигаемой. В июне 2014 г. в Польше начался мас-

штабный скандал, связанный с публикацией данных прослушки разговора Радослава Сикорского с экс-министром финансов Яцеком Ростовским и экс-министром транспорта, строительства и морского хозяйства Славомиром Новаком. В телефонном разговоре министр иностранных дел Польши в несколько нестандартной форме охарактеризовал отдельные аспекты трансатлантических и европейских международных отношений.

Коррупционная природа антироссийской и прогрузинской политики К. Бильдта стала предметом широкого обсуждения в шведской и мировой прессе лишь в сентябре 2014 г. Предполагается, что фирма ассоциированная с министром иностранных Швейцарии, получила около 3 млн долларов от президента Грузии, счета и имущество которого арестованы в этой стране в том же сентябре 2014 г.

В совокупности это, безусловно, путь «Восточного партнерства» на политическое кладбище. Характеризуя «Восточное партнерство», авторы доклада справедливо указывают на то, до его принятия существовало множество иных проектов? которые позволили бы «фокусным государствам без особых институциональных усилий продвигаться в течение ближайших 20 лет в направлении большей консолидации с ЕС, не требуя от последнего немедленных заверений в будущем членстве» (с. 25). Тем не менее был выбран иной, максимально жесткий вариант. Предупреждения России о неадекватности планов существующим реалиям постсоветского пространства были отвергнуты сходу и без обсуждения (с. 21—22).

Проблематика «Восточного партнерства» на первый взгляд представляется локальной. Одно из важнейших положений доклада заключается в том, что между существующим кризисом всей системы международных отношений и «Восточным партнерством» прослеживается прямая связь. Сегодня это обстоятельство признается и рядом авторитетных международных экспертов¹.

Цель рассматриваемого исследования выполненного под редакцией О. Гаман-Голутвиной, — «определить возможности и ограничения Латвии во время председательства в Европейском союзе в 2015 г. по влиянию на развитие политической ситуации в Европе посредством реализации программы "Восточное партнерство"» (с. 8).

Логичной представляется структура работы. Первый и оправданно масштабный параграф назван: «Программа "Восточное партнерство": глобальный и макрорегиональный контексты». Как бы мы ни относились к программе «Восточное партнерство», это явление не следует

¹ См.: *Проблемы и перспективы строительства Большой Европы* : рабочая тетр. № 17/2014 / гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2014.

рассматривать в отрыве от существующих подходов к теории и методологии исследований международных отношений.

Во втором параграфе рассмотрен «Литовский опыт председательства в ЕС: насколько применим для Латвии?». Авторы доклада справедливо указывают на то, что литовский опыт, как и вся политика Литвы, основан на «Стратегии по сдерживанию России» лидера литовских консерваторов Андриуса Кубилиуса, опубликованной еще в 2007 г. и обновленной в 2014-м (с. 33). Формулировки документа заставляют вспомнить о закрытых меморандумах Госдепартамента США времен Карибского кризиса, но здесь авторы — литовские политики, а на календаре 2014 г. «Активная позиция Литвы по украинскому кризису определяется претензией на особую роль Вильнюса в диалоге Брюссель — Киев, которая во многом и подвела в итоге Украину к политической катастрофе» (с. 37). В этом контексте повторить опыт Литвы не удастся. Катастрофа уже состоялась.

Третий параграф посвящен перспективам и факторам развития программы «Восточное партнерство» после Вильнюсского саммита. «Несмотря на провал в ноябре 2013 г., программа "Восточного партнерства" была названа среди приоритетов председательства Латвии в Совете ЕС в первой половине 2015 г.» (с. 50). Авторы Доклада справедливо указывают на то, что после Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» в Европе нет единого мнения относительно дальнейшего развития программы. Добавим, что абсолютно очевидный тупик на Украине, провал в Грузии, неоднозначная ситуация в Молдове создают все предпосылки для реконструкции или полной отмены «Восточного партнерства».

Сценарии дальнейшего развития «Восточного партнерства» и политической ситуации в Европе завершают доклад. Вероятно, это самый интересный и дискуссионный материал в работе. Авторы, основываясь на сценарном подходе, выделяют несколько вариантов развития ситуации.

Вариант 1. «Рижское Восточное партнерство».

Вариант 2. «Пражское Восточное партнерство».

Вариант 3. «Вильнюсское Восточное партнерство».

С нашей точки зрения, наиболее вероятен следующий вариант развития событий: «смена вектора развития "Восточного партнерства"» (с. 71), то есть одна из версий «Рижского Восточного партнерства». Предполагать дальнейшее развитие логики конфронтации достаточно сложно, так как уже практически достигнут уровень конфронтации времен холодной войны и дальше можно двигаться только к масштабному военному конфликту.

Рассматриваемое исследование сочетает в себе как масштабный теоретический анализ, так и очевидную практическую направленность.

Авторам и научному редактору удалось подготовить интересную и актуальную работу на весьма непростую тему. Проблематика «Вос-

точного партнерства», формально не новая для российских экспертов, рассмотрена комплексно и с большим прогностическим лагом. Осталось лишь дождаться 2015 г. и «сверить часы».

Н. М. Межевич

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

About the author

Prof. Nikolai Mezhevich, School of International Relations, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами).

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф. И. О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: *tikuznetsova@kantiana.ru* или *tikuznetsova@gmail.com*

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*приблизительно 1500 знаков*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2014
4 (22)

Редакторы *М. В. Королева, Л. Г. Ванцева*
Корректоры *М. В. Бурлетова, Е. В. Владимирова*
Верстка *О. М. Хрусталевой*

Подписано в печать 17.12.2014 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,3
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 48 экз.). Заказ 222.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

